

Анархический Вестник

№ 7

Май 1924 г.

Содержание вышедших номеров „Анархического Вестника“

- № 1.** От редакции. На переломе, — *П. Аршинов*. Программы созидательные и программы разрушительные, — *Д. Сантьян*. Об индивидуализме, — *Е. Полонский*. Записки *Нестора Магно*. Единственное средство, — *Рабочий*. Письма о пережитом (письмо восьмое), — *Волин*. К вопросу о формах анархической организации, — *Гай Вагенд*. Промышленность России в условиях нэпа, — *Металлист*. Трагедия Николаевска на Амуре, — *М. Володин*. Анархическое движение в Италии с 1914 г. до наших дней (очерк I), — *Гуго Трой*. Поворот мира, — *Т. Пливе*. Сказка (стихотв.), — *В. Э.* Анархо-большевизм и его роль в русской революции, — *П. Аршинов*. К вопросу об анархо-большевизме и его роли в революции (от Гр. Русс. Анарх. в Германии). Вести из России. В Германии. Среди книг и журналов. Разное: воззвания, обращения, отчеты и пр.
- № 2.** Туник и выход, — *Волин*. По поводу одной интересной анкеты, — *М. Неттлау*. Проблема производства и потребления в социальной революции (статья первая), — *П. Аршинов*. К вопросу о синтезе анархизма и об объединении анархистов (резол. Союза Об'ед. Ан. С. Ам.). Несколько слов о наших общих задачах, — *Р. Бореман*. Письма о пережитом (письмо девятое), — *Волин*. Записки *Нестора Магно* (продолж.). Анархизм и махновщина, — *П. Аршинов*. Анархическое движение в Италии с 1914 г. до наших дней (очерк II), — *Гуго Трой*. Трагедия Николаевска на Амуре (прод.), — *М. Володин*. Приходящему, — *Гай Вагенд*. Кошмар (стихотв.), — *В. Э.* К матушке Руси (стихотв.), — *С. Михайлов*. К вопросу об анархо-большевизме. Вести из России. Из разных стран: Германия, Италия, Болгария, Испания, Аргентина. Разное.
- № 3—4.** Последний обман, — *Волин*. Проблема производства и потребления в социальной революции (статья вторая), — *П. Аршинов*. Некоторые вопросы революции, — *Гуго Трой*. О синтезе (статья первая), — *Волин*. Не дробите ваших сил! — *С. Горбунов*. Анархизм в русской революции, — *Л. Липоткин*. Записка *Нестора Магно* (прод.). Бакунизм и махновщина, — *Д. Сантьян*. Об индивидуализме (очерк II), — *Е. Полонский*. Хозяйственная политика большевизма, — *П. Аршинов*. О положении пролетариата в С.С.С.Р., — *Г. Н.* Анархич. движение в Италии с 1914 г. до наших дней (очерк III), — *Гуго Трой*. Трагедия Николаевска на Амуре (оконч.), — *М. Володин*. П. Л. Лавров, как соц.-рев. мыслитель, — *П. Э. Штейнберг*. Политический преступник, — *М. Винклер*. О религии, — *Рабочий*. В кафе, — *Густав*. Буря. После бури (стихотв.), — *В. Э.* Среди книг и журналов. Вести из России. Моя ссылка, — *Г. М. Юдович*. Из разных стран: Германия, Франция, Испания, Болгария, Италия, Аргентина, Япония. Разное.
- № 5—6.** Жнут, что посеяли, — *П. Аршинов*. Возможно ли расширить сферу действия анархизма, — *М. Неттлау*. К вопросу о причинах «поражения анархизма» в русс. революции, — *Волин*. Ответ бывшим анархистам, — *П. Аршинов*. Записки *Нестора Магно* (окончание). Национализм и современная реакция, — *Р. Роккер*. Политические последствия нэпа, — *Г. Н.* О положении трудящихся на Украине, — *З. Ножицы*, — *Г. Н.* Программа общества междунар. революции (неизданный отрывок из соч. *М. Бакунина*). Анархич. движение в Италии (очерк IV), — *Гуго Трой*. Очерк рабочего движения в Германии, — *М. Винклер*. Памяти чикагских мучеников, — *Л. Липоткин*. Искусство, как завет мертвых живым, — *Т. Пливе*. Три книги (стихотв.), — *В. Э.* Аресты «бандитов», — *С. Флешин*. Моя поездка по местам ссылки и концлагерям, — *С. Ф.* «Свобода пропаганды», — *В. Поль*. Моя ссылка (оконч.), — *Г. М. Юдович*. Международное движение: Конференция М. Т. Р., Германия, Франция, Голландия, Болгария, Италия, Испания, Португалия, Китай, С. Штаты, Аргентина, Мексика, Чили, Япония.

АНАРХИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

(DER ANARCHISTISCHE BOTE)

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННЫХ АНАРХИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

№ 7

Переписку по делам редакции, рукописи и пр. направлять по адресу:
R. Borgmann, für „A.B.“, Paradiesstr. 14, Bohndorf b/Grünau (Mark), Deutschland (Berlin)

Май
1924 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Главнейшая задача момента П. Аршинов. 1	Наша болезнь С. Горбунов. 28
Памяти Кропоткина. Кропоткин и еврейское рабочее движение Р. Роккер. 3	Русское обозрение: Современное положение в России Группа анархистов юга России 31 Лозовский приподнимает завесу Э.ма Гольдман. 36
Положительные задачи анархизма: Возможно ли расширить сферу действия анархизма (Окончание) М. Неттлау. 7	Исторический отдел: Программа общества международной революции. (Неизданный отрывок из сочинений М. Бакунина. Окончание) 38
О возможности и значении расширения анархической пропаганды (По поводу статей т-ща М. Неттлау) Волин. 10	Литературный отдел: Искусство для искусства. Иосиф Готтфрейт. 41 Труждающимся и обремененным (Стихотворение) В. Э. 42
Объединенный анархизм: О синтезе (Статья вторая) Волин. 13	Среди книг и журналов 43
Об объединении анархистов С. Флешин. 17	Вести из России 45
Анархизм и насилие: Опасные противоречия Рабочий. 19	Международное движение 50
Можно ли обойтись без насилия? . П. Аршинов. 20	Разное 61
Мой взгляд на насилие Гай Вагенд. 24	
Об индивидуализме (Очерк III, послед.) . Е. Полоцкий. 25	

ГЛАВНЕЙШАЯ ЗАДАЧА МОМЕНТА

Смерть Ленина, несомненно, является событием, чреватым огромными последствиями для всей дальнейшей жизни России. Не вдаваясь в оценку Ленина, как политического деятеля, мы лишь отметим здесь, что в лице последнего сошел в могилу главнейший вождь той господской эксплуататорской касты, которая в нынешнюю эпоху стремится захватить место разлагающейся буржуазии, — вождь так-называемой социалистической демократии. В этом отношении смерть Ленина является жесточайшим ударом для руководимой им группы и одновременно — шагом вперед по пути выхода революционных масс России из того тупика, в который загнал их большевизм.

Будучи творцом партии, Ленин в то же время был и ее локомотивом, который решительно, с верой в свою историческую миссию, тащил партийное дело. Весь путь партии, от ее возникновения до пришествия к власти, проделан ею под строжайшим руководством этого человека. Строительство новой коммунистической государственности, чудовищная попытка принудительной, основанной на рабстве и деспотии, коммуны, отступление к частному капиталу, соглашение с ним, называемое энпом и т. д. — все это теснейшим образом связано с личностью Ленина. Сложные и искусные маневры партии, позволившие ей удачно лавировать в русской обстановке и до настоящего времени держаться у власти, — суть прежде всего проявления воли и стратегии Ленина.

Но партия потеряла в Ленине более чем выдающегося политика и стратега: она потеряла в нем то, что являлось характерной особенностью большевизма, она потеряла в нем свою соль. Партия без Ленина есть опресненная партия.

В связи с его смертью возникает вопрос: удержится ли партия на занимаемых ею позициях? Сможет ли она, идя по заветам Ленина, истребляя в массах идею самоосвобождения, довести до конца начатую им постройку нового рабского строя, именуемого социалистической государственностью? Или же при создающихся новых взаимоотношениях между нею и силою масс она не устоит и на первом крутом повороте свернет себе шею?

Мы знаем, история человечества богата периодами, когда различные деспотические касты веками господствовали над трудящимися, чрезмерно эксплуатируя и угнетая их. Таковыми были господства римских императоров, восточных деспотий, европейских королей, русских царей и наконец господство буржуазии последних веков. Основанием для длительного господства всех этих деспотий служило, главным образом, физическое насилие, осуществляемое органами государства. Есть это государство и у большевиков. Они, кроме того, до сего времени широко, хотя и обманно, пользуются идеями и лозунгами социальной революции. Казалось бы, нет никакого основания непременно исключать их из числа таких счастливых деспотий. И в самом деле, возможность оседания и укрепления большевистской деспотии, подобно деспотиям прошлого, имеется. Но лишь возможность. Всякая деспотия воцаряется при условии полного убиения в массах идеи свободы и революции. И большевистская деспотия сможет закрепиться лишь при этом условии. Однако, несмотря на все свои чрезвычайные усилия, подобного условия большевики не добились в России. Крепка еще в массах вера в революцию. Все еще живет среди них революционный дух, ища выхода из созданного коммунистической диктатуры тупика и предвещающая новые революционные сдвиги.

Факт этот является основным в современной русской действительности и он предрешит дальнейшую судьбу трудящихся России.

Вот почему мы говорим, что коммунистическая деспотия не имеет данных на прочное и продолжительное воцарение. Если крушение ее, в условиях революции, мы считали вообще неминуемым, то смерть Ленина решительно приближает момент этого крушения.

Трудно сказать, в каком смысле и в какой форме произойдет надвигающаяся развязка. Возможно, что в самый критический момент большевики пойдут на политическую коалицию с буржуазно-социалистическими группировками, чтобы таким образом удержаться за собой власть, столь милой их сердцу. Возможно и многое другое, хранящееся сейчас в складах ближайшего будущего. Одно несомненно: — революционная Россия находится в движении. Волна рабочих стачек, забытых, было, в шуме и хаосе гражданской войны, охватывает многие ее районы. Повстанческие же движения крестьян не прекращались ни на один год. Революционная стихия растет и крепнет, создавая в стране всеобщую революционную ситуацию, богатую огромными возможностями для нас, анархистов.

И здесь возникает вопрос, — какое положение, какое место в этой ситуации должны занять мы, анархисты?

Недолголетная, но поучительная история анархического движения в России говорит, что организованный анархизм в течение всех моментов до-революционного и революционного периода не проявлялся большой социально-революционной силой, собирающей вокруг своих идеалов и вокруг своей практической программы широкие массы труда. Всегда он выявлялся незначительными и скоро преходящими начинаниями отдельных местных организаций. И это несмотря на исключительную преданность, самоотверженность и активность многочисленных его носителей и борцов.

Эта же история служит неотразимым свидетельством тому, что великие замыслы и стремления анархизма каждый раз находили свою могилу не только под ударами враждебных сил, — царизма, большевизма и пр., — но не в меньшей мере благодаря несвязанности между собою активных борцов анархизма и отсутствию у них общего плана борьбы, общей программы действий. Издавна коренящийся в нашей среде пагубный обычай избегать коллективных способов борьбы за анархизм, а действовать в одиночку, постоянно держал наши силы в распылении, этим самым препятствуя их росту и убивая их в юношеском возрасте.

Было бы безумием с нашей стороны, после всех тяжелых опытов и уроков, преподанных нам жизнью, продолжать держаться за этот дикий и пагубный обычай и надеяться, что революционное положение, к которому подходит Россия, само направит события в сторону наших идеалов. Революционное положение является лишь условием,

благоприятствующим развитию нашего движения. Развивать же и укреплять это движение должны мы, живые люди.

Широкая арена социальной борьбы, где действует ряд прочных, издавна сложившихся партий, не оставляет места слабым силам, хотя бы и воодушевленным высоким идеалом. Высокий идеал сам по себе, т.е. без организованной и настойчивой борьбы, еще не гарантирует успеха движения. И нам, чтобы занять достойное нашего идеала место в социальной борьбе, необходимо быть силой. Создающееся в России и во всем мире положение, когда трудящихся рассматривают, просто как источник наживы и праздного жития, из-за которого ведут между собою организованную борьбу буржуазия, социалисты и коммунисты, требует от нас не индивидуальных или групповых выступлений, а определенных коллективных действий.

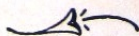
Нам жизненно-необходима общая для всего движения организация с коллективной ответственностью и коллективным методом действий. Осуществление ее, однако, возможно при условии, если активные борцы за анархизм прежде всего в своей среде проведут организационный принцип.

Знаем, — при существующей в наших рядах эпидемии «идейных расхождений», фракционных споров и раздоров, создание такой организации является делом крайне трудным. Но оно абсолютно необходимо по той причине, что без подобной организации мы не сможем полностью служить нашему движению, оставшись на положении узких сектантов, книжников или, в лучшем случае, индивидуальных действующих лиц. Оно, кроме того, вполне возможно.

Прежде всего, надо укротить в наших рядах фракционные, групповые и иные страсти, приносящие неисчислимый вред нашему движению. *Побольше спокойствия и хладнокровия. Побольше доверия друг к другу. Непременная связь между всеми нашими организациями, отвергающими диктатуру во имя социальной революции. Непременная федерация между ними.*

Это послужит началом создания общей всему нашему движению организации. И это даст нам возможность идти спаянным организованным фронтом в борьбе за безвластное равенственное общество труда. Идти и достигать побед, которых наше движение заслужило своими великими жертвами, своей борьбой и преданностью угнетенному трудовому человечеству.

П. Аршинов.

ПАМЯТИ КРОПОТКИНА

Кропоткин и еврейское рабочее движение

Кому случается впервые пересекать узкие, кривые улицы и переулки русского эмигрантского квартала в восточной части Лондона, тянущегося от Архиерейских ворот до Бой и от Бетнал-Грин к докам, тот бывает чрезвычайно поражен этой своеобразной картиной, так резко отличающейся от обычных явлений лондонской уличной жизни и словно окутанной особой атмосферой. Невольно забываешь, что находишься в Лондоне; чудится, будто ты пере-

несен в какой-то совсем другой, далекий отсюда мир. Этот запутанный, доступный лишь посвященному уличный лабиринт, набитый чужестранным населением и несущий на себе угрюмые знаки ужасающей пролетарской нужды и нищеты, представляет далеко не изысканное зрелище, которое с чувством облегчения оставляет за собой случайный посетитель. И лишь немногие знают, что за почерневшими стенами испещренных временем домов не

только злая забота свила себе гнездо, но что там же нашел свою обитель исполненный радостных надежд, готовый на любую жертву идеализм, какой редко где можно встретить. Я провел 18 лет в этом своеобразном мире, куда меня завел случай, и где я пережил самые сильные и неизгладимые впечатления моей жизни.

Девяносто процентов населения эмигрантского квартала составляют еврейские рабочие — выходцы из России и Польши, согнанные с родных мест бесчеловечными преследованиями со стороны бывшего царского режима и нашедшие себе здесь убежище. Они создали здесь новые виды ремесел, особенно в области изготовления одежды, кое-как поддерживая таким образом свое жалкое существование на чужбине. И вот в этой-то достопримечательной среде, около сорока лет тому назад, кучкой интеллигентов были взрощены первые отпрыски социалистического рабочего движения, история которого еще не написана, но которое, тем не менее, должно составить одну из самых интересных глав международного рабочего движения. И здесь же, 35 лет тому назад, было положено основание газете «Arbeiterfreund», выходящей в свет еще поныне и являющейся, наряду с парижским «Temps Nouveaux» и лондонским «Freedom», одной из старейших анархических газет. Однако, здесь не место углубляться в богатую содержанием и борьбой историю еврейского анархического движения, так как мы хотим остановиться лишь на отношении к нему Петра Кропоткина.

Имя Кропоткина было для обитателей восточной части своего рода символом. Никто не оказал такого сильного влияния на духовное развитие еврейского пролетариата, как он. Его произведения, распространявшиеся в тысячах экземпляров, послужили подлинным фундаментом социалистического воспитания еврейского рабочего класса. В деле подыскания средств для подготовки к изданию и для печатания этой литературы отдельные группы, особенно же группа «Arbeiterfreund», выявили такую степень преданности делу и готовности жертвовать, какой я нигде больше не встречал. Действительно отдавали последнее, — в полном смысле слова. Пронесходило форменное соревнование в солидарности и усердии жертвовать. Один не отставал от другого. Молодые женщины и девушки, занятые в знаменитой потогонной индустрии восточной стороны, зарабатывая с большим трудом 10—12 пиннигов

в неделю, аккуратно отдавали свою лепту на общее дело: уделяли из последнего, не желая отставать от мужчин — единомышленников. Группа «Arbeiterfreund» смогла, таким образом, одна, в период времени меньше 10 лет, издать около полумиллиона брошюр и книг; среди них — многие произведения по несколько сот страниц, как, например, Кропоткина: «Записки революционера», «Хлеб и Воля»; «Вспоминания» Луизы Мисель; «Умиравшее общество» Грива и разные другие.

Лондон являлся, так-сказать, школой, где новые пришельцы из России и Польши, гонимые в Англию беспрерывной эмигрантской волной, знакомились с новыми идеями. Отсюда пропаганда разливалась по всем странам. Безработица, материальные лишения и, в особенности, беспокойная страсть к странствованию, ставшая у многих еврейских пролетариев второй натурой, увлекали сотни деятельных товарищей из Лондона во Францию, Бельгию, Германию, Египет, Южную Африку, Австралию, Северную и Южную Америку; но большинство из них оставалось в постоянной связи с Лондонским движением: они развивали в новом кругу неутомимую деятельность, вызывая к жизни группы для ведения среди эмигрантов анархической пропаганды. Они не забывали при этом оказывать материальную поддержку основному движению в Лондоне, дабы обеспечить издание газеты и дальнейшее печатание анархической литературы.

Но Кропоткин влиял на еврейское рабочее движение в Англии не только благодаря своим произведениям: он был с ним лично в тесной связи и проявлял живой интерес ко всем перипетиям его борьбы и ко всем его начинаниям. Перебравшись в Лондон по освобождению из центральной тюрьмы в Клерво в 1886 году, он стал частым гостем в клубе на Бернской улице, бывшем в то время духовным центром еврейского рабочего движения в Лондоне. Позднее, когда хроническое страдание сердца делало для него все более и более невозможными выступления на публичных собраниях, стали реже и его посещения восточной стороны; но духовный контакт между ним и еврейским движением сохранялся всегда, а с развитием анархического движения в России принял снова регулярные формы. В первые годы текущего столетия многие товарищи возвратились из Лондона обратно в Россию для постановки анархической пропаганды посредством нелегальных групп. Некоторые из них погибли от

руки палача; многие были на долгие годы замурованы по русским и сибирским тюрьмам. Постепенно наладилась подпольная связь между Россией и Лондоном, поддерживавшаяся путем живой переписки и специальными посланцами. Масса литературы на русском и еврейском языке переправлялась контрабандой из Лондона в Россию, чтобы содействовать неустанной работе товарищей. Для скорейшего развития движения в России, был затем основан журнал «Хлеб и Воля», руководимый Кропоткиным.

В самой Англии еврейское рабочее движение достигло мощного подъема, особенно в период нарастания революции 1905 года и после нее. Еврейские профессиональные союзы, где не покладая рук работали анархисты, пышно расцвели; крупные забастовочные движения встряхивали эмигрантский квартал до самого основания, и собственно анархическое движение приняло невиданные до той поры размеры. В то время «старик», как обычно звали Кропоткина в еврейском рабочем кругу, стал снова чаще появляться в восточной части и даже, вопреки строгому запрещению врачей, говорить на митингах. Мне особенно вспоминается собрание, устроенное в память декабристов, в декабре 1905 г., в нашем клубе на «Jubilee street» и оставшееся во мне незагладимое впечатление. Кропоткин был одним из ораторов вечера. Во избежание слишком большого наплыва, мы воздержались от публичных объявлений, т.-к. жена Кропоткина очень просила нас пощадить старика, чрезвычайно опасаясь за его сердце. Однако известие распространилось с быстротой молнии. В назначенный вечер большая зала с галлерей оказалась переполнена, и сотни людей, оставшихся на улице, принуждены были уйти. Кропоткин был встречен необыкновенным ликованием. Голос его слегка дрожал, когда он начал говорить. Казалось, будто какой-то невидимый ток исходил от этого человека, проникая слушателей до самых сокровенных глубин. Мне часто приходилось слышать Кропоткина, но лишь один раз, несколько ранее, он произвел на меня столь же сильное впечатление, как в этот вечер. Старик не был ритмичен, иной раз он даже слегка запинался, но манера говорить, тон глубочайшего убеждения, звучавший в каждом слове, захватывали и пленяли слушателей. Сам Кропоткин тоже был чрезвычайно увлечен этим собранием, ловившим каждое его слово с таким напряженным вниманием. Но по возвращении домой,

у него начался тяжелый сердечный припадок, вызвавший самые серьезные опасения и приковавший его на некоторое время к постели.

Подобное же впечатление оказала на меня грандиозная демонстрация в Гайд-Парке, состоявшаяся с целью протеста против инсценированной царским правительством резни еврейского населения в Кишиневе. Беспечеловечная жестокость этой ужасной трагедии привела обитателей восточного эмигрантского квартала в крайнее возбуждение. Различные партии и организации устроили общую конференцию, повлекшую за собой данную демонстрацию. Тысячи еврейских рабочих тянулись от Майль-Енд-Гате к Гайд-Парку: это была одна из самых замечательных демонстраций, какие Лондон когда-либо видел. Целый ряд выдающихся представителей самых различных направлений выступали перед массами, густой стеной окружавшими платформы, и в горячих речах выражали свой справедливый протест против страшной кровавой политики Плеве. Кропоткин, добравшийся до ворот Парка, был встречен массой еврейских рабочих с необыкновенным энтузиазмом; они окружили своего дорогого «старика» и проводили его к месту собрания. Там с любовной осторожностью подняли его над головами масс и водрузили на повозку, служившую ораторам трибуной. Когда он начал говорить, я снова уловил в его голосе эти вибрирующие нотки, всегда так особенно меня трогавшие. Постепенно голос его окреп; периоды его речи стали стройнее. Особенное возбуждение овладело им, передаваясь тысячной массой, с затаенным дыханием и немым благоговением ловившей каждое его слово. Это было пламенное обвинение кровавому режиму русских палачей; слова, шедшие из глубины души, отдавались подобно ударам тяжелого молота. Обычное выражение кротости, придававшее лицу Кропоткина такую притягательную силу, совершенно исчезло: глаза горели; седевшая борода порывисто вздрагивала, словно от ураганного напора уничтожающих обвинений. Каждая фраза, слетавшая с его губ, дышала глубочайшей правдивостью, находя в сердцах слушателей многозвучный отклик. Он был, по окончании речи, невероятно бледен и дрожал всем телом от внутреннего возбуждения. Я убежден, что могучее впечатление от его тогдашней речи останется незабвенным у всех, кто его слышал.

Кропоткин с живейшим интересом относился ко всем перипетиям борьбы еврейского рабо-

чего класса. В 1911 году в восточной части взыхла большая забастовка портных. Это была стачка солидарности, в целях поддержки портных западной стороны; но в ходе своего развития она разрослась в гигантскую борьбу против адской потогонной системы, приведя ее действительно к падению. Вскоре по окончании забастовки я посетил Крпоткина, наблюдавшего с глубочайшей внимательностью все отдельные фазы этой борьбы. Я сообщил ему все подробности движения, в котором я лично принимал активное участие с начала до конца. Я рассказал, при каких обстоятельствах началась забастовка. Кассы организаций были почти пусты, когда разразилась борьба. Однако, надо было поддержать борющихся английских и немецких товарищей западной части, и — всякое промедление было отброшено. Началась форменная голодовка, — в самом точном смысле слова, — так-как даже великодушная поддержка со стороны прочих категорий еврейских рабочих не могла обеспечить бастующим и их семьям хотя бы самое скудное существование. От десяти до двенадцати тысяч рабочих бастовали, и на каждого приходилось 4—5 шиллингов в неделю. На восточной стороне развили лихорадочную деятельность, чтобы хоть сколько-нибудь ослабить нужду. В некоторых рабочих клубах устроены были общие кухни; еврейский союз булочников пек для бастующих хлеб; союз папиросников снабжал папиросами пикеты бастующих, вынужденных и ночами стоять на страже; все еврейские профессиональные союзы в целом обложили своих членов крупными экстренными взносами, дававшимися с радостью во имя помощи бастующим. Все формы прямого действия были пущены в ход в этой борьбе; множество рабочих были арестованы и приговорены к тюремному заключению. Шесть недель длилась схватка. Наконец, среди ночи состоялось достопримечательное собрание в театре «Павильон», решившее судьбу данной забастовки. Театр был переполнен; сотни людей за неизменением места оставались снаружи. Многие из бастующих пришли со своими женами, которые, почти без исключения, вели себя блестяще за все это время тягчайшей нужды. Развернувшаяся картина навсегда останется в моей памяти: это грандиозное собрание по-

среди ночи; все эти бледные лица, на которые нужда наложила суровый отпечаток. Когда собравшимся, наконец, был предложен вопрос, сдать ли забастовку, удовлетворившись скромными уступками предпринимателей, то буря пронеслась над собранием; в зале раздались единодушные нет! нет! нет! Никто не хотел, чтобы все огромные жертвы оказались принесенными даром. Упорство предпринимателей было сломлено; их ассоциация раскололась, и борьба закончилась полной победой рабочих.

Все это я рассказал старику, который внимательно следил за моими словами и усердно делал у себя заметки. Когда же я, далее, сообщил ему, что совершенно истощенные тяжелой минувшей борьбой еврейские рабочие, тем не менее, тотчас наложили на себя новый обет солидарности, приняв в свои семьи несколько сот детей бастующих докеров, чтобы облегчить, таким образом, английским товарищам напряженную борьбу против лорда Девонпорта, — глаза его стали влажными; он молча пожал мне руку. — «Это является прекрасным вкладом в главу о взаимной помощи», — заметил я. — «Да, да, — ответил он взволнованным голосом: — пока такие силы на-лицо в массах, нет оснований сомневаться в будущем».

Я мог бы рассказать еще не один эпизод, чтобы ярче осветить живую связь между Крпоткиным и еврейским рабочим движением. Недостаток места мешает этому. Но думается, что немногие приведенные примеры уже достигают цели. Когда, по поводу 70-летнего юбилея со дня рождения Крпоткина, состоялось в восточном квартале блестяще удавшееся собрание в театре «Павильон», там выступили представители всех партий и направлений, социалистических и радикальных. Бернар Шоу, также взявший слово, сделал следующее характерное замечание: «Я убежден, что из всех собраний, имеющих место в этот день с целью выражения любви и симпатии нашему юбиляру, ни одно не тронет его так радостно и глубоко, как этот привет пролетариата восточной части».

Мне неизвестно, знал ли Шоу о внутренней связи Крпоткина с еврейским рабочим движением; но, несомненно, он выразил своими словами подлинную правду.

Рудольф Роккер.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ АНАРХИЗМА

ВОЗМОЖНО ЛИ РАСШИРИТЬ СФЕРУ ДЕЙСТВИЯ АНАРХИЗМА

(Окончание)

Я считаю лишним говорить о необходимости пропаганды, которая ведется нами во всех странах. Но мне думается, что этой пропаганды недостаточно, что необходимо расширить и углубить сферу нашего изучения, нашей проповеди, нашей практики, нашего действия. Реализовать анархию — значит ввести благословенный принцип свободы во все действия, равно как во все чувства и мысли. Справедливые и свободные экономические условия, — даже при совершенном их применении, возможном лишь после практического опытного стажа, — оказались бы всего на всего поверхностной и, быть может, недолговечной формой, если бы осуществляемая в них анархистская идея не проникла вполне во внутреннюю жизнь, в сознание и волю каждого участника нового строя. Истинный дух анархии выходит далеко за пределы экономики и политики: он осуществляется на тысячи ладов в жизни человека, им проникнутого. Дух этот может проявляться чрезвычайно многообразно, и необходимо пробуждать его в мужчинах и женщинах нынешнего поколения в бесконечно более широком масштабе, нежели это делается путем практикуемой обычно пропаганды, сосредоточенной на подготовке будущего революционного действия рабочих масс.

В людях каждого поколения дремлет много анархических начал; но они остаются непробужденными именно потому, что сфера нынешней пропаганды чересчур узка. В нашу эпоху больше, чем когда-либо, ужасы и злодеяния власти наглядно предстали перед всеми на фоне девяти лет чудовищной войны и фальшивого мира. Если не говорить о генах, пресытившихся трупами, — в Европе не много найдется людей, которых жизнь не была бы испорчена или разбита тем или иным грубым насилием власти, или которые не страдали бы при виде стольких жертв. Огромный запас недо-

вольства, накопившийся у большинства людей, нашел лишь очень неполный выход в диктаторском коммунизме, который, — несмотря на неимоверные усилия, затрачиваемые Москвой, — не делает в общем никаких действительно серьезных успехов, за исключением, разве, тех стран (я имею в виду, главным образом, Германию), где люди, доведенные до отчаяния, до полного физического и духовного истощения, готовы на что угодно, лишь бы выйти из ужасного положения, — подобно тому, как, спасаясь от пожара, бросаются в колодезь... Там же, где люди еще способны рассуждать, коммунистские движения являются искусственно созданными.

Политический социализм, «рабочие» и социал-демократические партии, реформистский синдикализм — превратились в организации хотя и обширные по размерам, но окаменелые, лишенные жизни и порыва, в рассадники рабочих бюрократов, готовящихся к тому, чтобы, — при помощи ли выборов, или же массового движения, которое удастся использовать, — овладеть властью, т.-е. аппаратом управления со всеми его чиновничьими должностями, большими и малыми. Удастся ли им это или нет, — в конце концов мало интересно; современный социалист-политик — мастер на все руки: он умеет применяться ко всем системам и готов расстреливать народ ради удержания своей власти, как и любой другой политический деятель.

Но помимо всех этих организаций, занятых одной только мыслью — о захвате власти, существует значительное число свободных объединений — обществ и союзов, задающихся целями хотя и не широкими, но передовыми и гуманитарными. В самом деле, какая идея не находит своего выражения, не бывает представлена разнообразными, часто даже международными организациями? Всем этим идей-

ным миром, свободно творимым, чересчур легко пренебрегают, ввиду замкнутого, ограниченного характера его заданий и устремлений. На мой взгляд, такое отношение к делу неправильно. Ведь, тот же упрек в ограниченности и узости может быть сделан нам самим, если мы будем оставаться в тесном кругу анархистских групп, рабочих синдикатов и, самое большее, входить еще в некоторые объединения для свободного воспитания, свободного обмена мыслей и т. п. Я нахожу, что необходимо подойти к реальной действительности и принимать участие в окружающей жизни; жизнь же естественно и на каждом шагу выражается в бесчисленных объединениях людей, связанных искренним интересом к какому-либо идейному делу, хотя бы и специального характера. Поглощенные своими интересами и занятиями, люди сами к нам не идут; мы должны первые делать шаги по направлению к ним, и, право, это стоит труда. Нет того дела, которому анархисты, вдохновляемые идеей интегральной свободы, не могли бы дать нового освещения, внести в него анархический дух. Делая это, они тем самым окажут громадную услугу делу свободы; они привлекут внимание к действительности анархических методов; и, — что весьма важно, — они сами почерпнут в повседневной практике тот истинный опыт свободы, которого так недостает нам всем. Многие отдельные идеи и течения, которые сейчас там и сям едва прозябают, оживились бы благодаря новому духу; а элементы, доступные воздействию анархической идеи, отделились бы от дурных сторонников властничества. Непосредственность, прямое действие, свободный опыт, независимая критика — широко развилась бы на практике, а пустота вокруг государства, разрыв между жизнью и официальным миром стали бы определеннее.

Мы обладаем значительными сокровищами, которые мы слишком мало пускаем в обращение: я говорю об образах анархической литературы и искусства, — произведениях крупнейших из наших мыслителей и художников, получивших в свое время широкое распространение, но слишком мало распространяемых нынче, когда, с одной стороны, прежние издания разошлись и стали редкостью, а с другой — современное поколение, поглощенное в продолжение столь долгого времени войной и ее последствиями, имеет мало возможности их разыскивать и с ними знакомиться.

Наша агитационно-пропагандистская литера-

тура также нуждается в том, чтобы ее как следует пересмотреть и обновить, принимая во внимание и учитывая бесчисленные вопросы, поднятые войной, эпизодом воцарения властнического коммунизма в России и т. д.

Однако, классические произведения прежних времен, о которых я только что упомянул, особенно поражают ум и воображение читателей всех возрастов и эпох, и несомненно будут восприняты как благодатное откровение нашими современниками, утомившимися и пришедшими в отчаяние от всякого рода властничества, грубости, безобразия и мещанства, их окружающих.

Итак, анархизм недостаточно распространен; он недостаточно подвижен, недостаточно проявляется во-вне; он чересчур любит оставаться «у себя дома», в своих замкнутых тесных пределах, отличается, так-сказать, чрезмерным домоседством, — и это его сужает, уменьшает, приводит к закисанию.

Я очень хорошо знаю, что он окружен тысячами препятствий и слишком часто принужден бывать вести подземное существование, мелкими группками. Но подлинная его природа все же не такова: она с самого же начала проявилась открыто, громко, во всеуслышание, во всю ширь в творениях Годвина, Прудона, Штирнера, в речах Бакунина, в явно обращенных ко всему миру писаниях Реклю, Кропоткина, Толстого и других. В последнее десятилетие XIX-го века анархизм проник во все области искусства и литературы. И лишь впоследствии, — когда значительная доля анархической работы сосредоточилась в синдикализме, — в противоположность некоторому увеличению революционных рабочих сил, универсальный характер анархизма и его влияние на современную жизнь быстро пошли на убыль. Происходило это как раз в то время, — за последние десять-пятнадцать лет до войны, — когда стала нарастать волна насильничества, грабительства, национальной ненависти, и когда подготавливалась и, наконец, стала неизбежной война. Между обоими рядами явлений существует, вероятно, известная связь. Утраченное в тот период влияние анархизма не возвратилось. Необходимо, стало-быть, снова бросить открытый, громкий вызов власти, оказывать ей определенное сопротивление и отсечь ее широким фронтом, — или же примириться с тем, что наша роль будет все больше ступеньваться.

Для печального нами переживаемого времени необходимо, чтобы был выявлен ярко, наглядно, во всей его мощи и действительности синтез

солидарности и свободы, именуемый анархизмом, — чтобы он был выявлен не в теории, не в виде далекой утопии, а в живом соприкосновении с современными вопросами и с нынешними бедствиями, поражающими человечество. Не будем слишком полагаться на то, что старый строй рухнет сам собой, под тяжестью своих несправедливостей и ужасов, и что тогда автоматически пробьет наш час. Довольно простое дело — присутствовать при обвале старой лагуны и строить на расчищенном месте новое здание из хорошего, прочного нового материала. Но совершенно иное дело, если возводить постройку приходится из того же самого старого материала: это — задача бесконечно более трудная. А между тем, именно так обстоит дело с человеческим обществом, где во время и на другой день после всякой революции строить новую систему приходится, — за исключением отдельных элементов, так или иначе выбывших из строя, — при помощи тех же самых людей, которые еще только накануне составляли гнилое реакционное общество. Поэтому всякий человек, нравственно или физически искалеченный современным строем, является потерей, препятствием, по меньшей мере человеком больным или инвалидом, — как на время революции, так и на последующее время. Всякий же зародыш свободы, посеянный нынче, может дать плод во время революции и после нее. Нам надлежит, следовательно, со всей энергией сеять эти семена свободы во всех сферах и направлениях, всеми средствами, на протяжении широких просторов всего человечества, — а отнюдь не замыкаться в своем маленьком тесном кругу, возделывая свой анархический огородик и тем самым заключая в узкие пределы прекрасное учение.

Для того, чтобы достичь этой цели, мы не должны, так-сказать, жить процентами с накопленного нами капитала — распространять только теории, которые мы считаем окончательно установленными: мы должны изучать, искать и находить пути для применения наших теорий к вопросам современности; мы должны показать, что наши теории жизненнее и действительнее других; что только при помощи синтеза свободы и солидарности возможно выбраться из тупика и продвинуться по пути справедливого социального построения. Недостаточно презреть существующее и отвернуться от него; раз, как я уже указывал выше, в один прекрасный день придется строить при помощи тех же материалов, а не при посред-

стве новых людей, упавших с неведомой платформы, — мы не можем обособиться от современного мира, не подвергаясь опасности оказаться изолированными, причем радиус окружности, на которую мы сможем влиять, останется крайне малым.

В виду полного фиаско, которое потерпели все буржуазные, социал-демократические и коммунистические партии, наше молчание, воздержание, обособление будут способствовать умственному и нравственному упадку человечества, притом весьма быстрому, ибо запас сил, энергии и энтузиазма — даже у лучших — истощается, а все грубое, пошлое, нелепое, мешанское остается и распространяется. Мы должны, наконец, заговорить вслух, провозгласить мощь и благоденствия свободы и солидарности и по мере возможности проводить их на практике.

Я не призываю к великим актам самопожертвования или героизма: подобного рода акты совершаются по собственному побуждению, а не по приглашению и не на заказ. Но в личной, частной жизни каждого встречаются тысячи мелких случаев, при которых легко, путем прямого действия, поддержать идею свободы и показать, как просто можно отделаться от власти, игнорировать ее, обойти ее, создать вокруг нее пустоту, превратив ее, в конце концов, в старое пугало, не способное более внушать страх даже детям и воробьям. Каждый имеет возможность проявлять подобного рода гражданское мужество в окружающей его среде, по мере сил устраняя вокруг себя элемент властничества; ближайшие соседи, хотя и равнодушные к теории, обратят внимание на его образ действий; некоторые зародыши свободы окажутся посеянными и когда-либо принесут плод.

Я отнюдь не отрицаю и не умаляю значения и необходимости экономической борьбы, приводящей к революционной экспроприации и к отрицанию государства и всякого властнического аппарата, которым стремились бы государство заменить. Я только боюсь, что в час решительного боя наш голос окажется слишком слаб, если он не будет отныне же подкрепляем более широкой и многообразной пропагандой, некоторые моменты которой я выше оттенил. Наши столь правильные идеи остаются слишком мало известными; и наше дело — справиться с этим препятствием. Никто, например, не мог бы ценить выше, нежели это делал Кропоткин, значение прямой пропаганды наших идей в рабочей среде: его

брошюры до сих пор являются необходимым орудием этой пропаганды. Но если взглянуть в совокупность его трудов, то легко видеть, во скольких направлениях, помимо означенного, он вел как прямую, так и косвенную пропаганду своими естественно-научными, историческими, литературными работами, а также писаниями по чисто-практическим вопросам (напр., о сельском хозяйстве). Или, например, Элизе Реклю: рядом со своими немногочисленными чисто анархистскими писаниями, он сеял анархизм полными пригоршнями, благодаря анархическому духу, которым проникнута каждая страница его огромного географического труда; он очеловечивал и, если можно так выразиться, «анархизировал» множество людей всех стран, которые его читали или знали лично. Когда эти два человека были в расцвете своих сил, анархизм был значительным фактором международной мысли. Мы не можем, конечно, создать, по желанию, людей, одаренных подобными качествами и талантами. Но совершенно очевидно, что если бы анархисты в разных странах стремились — каждый — расширить сферу своих действий, то результаты их совместных усилий далеко превзошли бы резуль-

таты индивидуального действия самого талантливого человека. Именно это-то и необходимо в наше время, когда столькие люди, тоскующие по духу истинной свободы и не встречающие его, с горя бросаются в лоно ложно-революционного властничества.

Мы нуждаемся в усиленном вливании новых соков, новой энергии в жилы дорогого нам анархистского движения; и если мне не удалось отыскать надлежащие средства к этому, — я, по крайней мере, старался найти их. Пусть другие найдут нечто лучшее! Наша анархическая концепция, со всеми кроющимися в ней возможностями, — великая сокровищница, несущая с собой спасение. Но мы тересчур прчем эту сокровищницу. И никогда еще не было момента, столь спешно нуждающегося в ее ярком обнаружении, в ее предоставлении всем, и — на мой взгляд — столь благоприятствующему этому, как нынешний. Солидарность и свобода в их синтезе, — который и есть анархия, — одни могут спасти человечество. Соединим же все наши усилия, дабы выявить эту истину тысячами путей и способов — прежних и новых, и провозгласить ее тысячами голосов — старых и молодых.

М. Неттлау.

О ВОЗМОЖНОСТИ И ЗНАЧЕНИИ РАСШИРЕНИЯ АНАРХИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

(По поводу статей т-ща М. Неттлау)

Думается, выше законченная (как и предыдущая*) статья т. М. Неттлау едва ли даст читателю удовлетворение. Для того, чтобы удовлетворить, она должна быть, в ее практической части, разработана далее — глубже, основательнее.

Но именно при такой разработке возникает ряд серьезных затруднений.

Тов. Неттлау особенно мучительно переживает слабость анархизма, его крайне малую распространенность, его оторванность от жизни и от масс, его замкнутость и изолированность. Основная мысль т-ща Неттлау — необходимость расширить сферу и умножить точки приложения анархической пропаганды и деятельности; необходимость для анархизма выйти «из тесного круга анархистских групп и рабочих синдикатов»; необходимость «подойти к реальной

действительности и принимать участие в окружающей жизни»; необходимо стать более подвижным, больше проявляться во-вне, перестать «домоседствовать»...

Вряд ли найдутся анархисты, которые расхотелись бы в этом отношении с т. Неттлау. Всякий из нас страдал и страдает от сознания известной замкнутости анархизма, некоторой его оторванности от жизни, его слабой распространенности. Кто из нас не желал бы расширить — беспредельно расширить — поле нашей пропаганды и деятельности? Кто станет, вообще говоря, отрицать преимущества такого расширения?...

Но как достичь его — вот первый вопрос. И второй — каково подлинное значение этого расширения для социальной революции?

На эти вопросы т. Неттлау дает, по нашему мнению, мало удовлетворительные — либо (в

* См. «А. В.» № 2: статья «По поводу одной интересной анкеты».

первой статье) слишком общие, либо же (во второй) слишком мелкие, бледные и потому убеждительные ответы.

Входить во всякого рода свободные объединения и примыкать ко всякого рода идейным делам. — Переиздавать и интенсивнее распространять наши классические произведения. — Пересмотреть и обновить нашу агитационно-пропагандистскую литературу. — Громко говорить ко всему миру. — И, наконец, при всяком удобном случае пропагандировать друзей, знакомых и ближайших соседей, — всех, с кем входил в соприкосновение, — по возможности внося во всякое действие, во всякий поступок дух анархизма...

Едва ли такого рода перспективы могут кого-нибудь из нас удовлетворить и разрешить большой вопрос о путях к торжеству анархизма. Эти «худосочные» перспективы намечаются т-щем Неттлау, главным образом, потому, что он исходит из крайне пессимистической оценки современного положения, из предположений о невозможности — в более или менее близком будущем — революции.

Но если даже принять эту оценку и предположить, то все-же возникает ряд вопросов и возражений.

Во-первых. — Известная оторванность и изолированность анархизма объясняются определенными реальными причинами, устранение которых не так просто.

Никакое правительство не позволит действительно расширить пропаганду анархизма (и, следовательно, довести его конкретное влияние и активные проявления в жизни) до желательных размеров, — до размеров, какие считает необходимыми т. Неттлау. При малейшем открытии, широко и действительно успешной этой пропаганды, всякое правительство попытается так или иначе разбить ее. Ни фашисты, ни обыкновенные монархисты, ни либералы и «республиканцы», ни социал-демократы, ни демократы и социалисты вообще, ни «коммунисты» не допустят серьезного расширения анархической работы и неизбежно связанных с ним анархистских действий и выступлений со стороны масс и отдельных лиц.

Анархисты одиноки и изолированы прежде всего потому, что они — единственные, целиком, бескомпромиссно стоящие на точке зрения подлинной массовой революции и подлинного освобождения (вернее — самоосвобождения) труда. Они занимают в современной общест-

венно не входят в сколько-нибудь тесное соприкосновение с чуждой им средой, безнадежно отравленной ядом властничества, государственничества и пр. А между тем, почти все современное «общество» является такой именно средой. Это общество с своей стороны, — частью сознательно, частью по инерции, — бойкотирует, изолирует анархическую идею, анархическое движение. Оно — это общество — мешает анархистам разбить стену, отделяющую их от широких трудовых масс, значительная часть которых до сих пор не знает анархизма, имеет о нем превратное представление. Без известных серьезных уступок и компромиссов анархисты не могут «раствориться» в этом обществе и таким путем сломить его сопротивление, примирить его с собою. А подобные уступки и компромиссы обезличили бы и обесплодили бы самую их идею. Вот что заставляет их оставаться до времени «изолированными». В этой альтернативе — либо «выйти в свет», но при этом обездуть идею, либо сохранить живость и яркость идеи, но отказаться от «света» — заключается временно неустранимая трагедия анархизма, изолированность которого, таким образом, связана с самым его существом. (Некоторым эта трагедия может даже казаться безвыходным заколдованным кругом. Но это не так. Трагедия изживается в свое время, особым путем, о котором мы не будем здесь говорить, чтобы не растягивать нашей случайной заметки).

Что выдвигает, что предлагает т. Неттлау против этих основных препятствий?

Во-вторых. — Хочется здесь же спросить т. Неттлау, считает ли он расширение анархической пропаганды необходимым условием (*conditio sine qua non*) успеха революции, ее анархического финала? И если да, то как он вообще такой успех мыслит? Мы полагаем, что — в силу многих (отчасти выше отмеченных) причин — анархическая пропаганда никогда не сможет, вплоть до самой революции, достигнуть действительно внушительных размеров. И анархический итог революции мы ставим, главным образом, в зависимость от совершенно иных условий, чем широкая предварительная распространенность наших идей. (Разумеется, это отнюдь не мешает нам считать, что чем шире и глубже будет распространена и привита анархическая идея до и ко времени революции, тем легче, глаже и скорее осуществится такой итог. Распространенность анархической идеи мы

считаем большим плюсом в революции и не отрицаем значения пропаганды). В статье т-ща Неттлау этот пункт не совсем ясен, и мы хотели бы, чтобы автор определеннее высказался относительно роли и значения предварительной пропаганды и распространенности анархизма для революции. Нам кажется, что т. Неттлау очень переоценивает это значение. Такая переоценка, — думается нам, — неизбежно заставит его продвинуть свой пессимизм еще дальше: разувериться не только в близкой революции, но и в революции вообще, и стать на точку зрения реформизма — медленной постепенной эволюции, в течение которой будет все больше распространяться и укрепляться анархическая идея, пока, наконец, массы «станут готовы» к ее осуществлению.

В-третьих. — Впечатление переоценки одного из факторов революции возникает у нас еще и в другом отношении. Нам неясно, какое место и значение в анархической деятельности (и в расширении ее сферы) т. Неттлау придает моменту классовому и моментам общечеловеческому и личному. Мы остаемся навязанными на этом пункте потому, что придаем ясному разграничению и учету этих моментов в анархизме и в революции большое значение; находим, что в этом отношении анархизм до сих пор еще недостаточно ясен и определен; предполагаем посвятить этому вопросу ряд статей; и считаем, что т. Неттлау как-то обходит этот вопрос. Между тем, значение экономической борьбы и классового момента, их место и роль в социальной революции, их соотношение с гуманитарными общечеловеческими и личными началами, значение последних, — все это важно осветить, чтобы яснее определить подлинную роль, место и значение общегуманитарных элементов нашей деятельности, особенно выдвигаемых т-щем Неттлау. Нам кажется, что последний переоценивает их значение и недооценивает роли других элементов. Именно отсюда, — думается нам, — вытекают, главным образом, его пессимистический взгляд и худосочие его проектов.

Повторяем — все эти и некоторые другие вопросы и возражения возникают даже независимо от общей оценки положения т-щем Неттлау, от его основной предпосылки.

Мы, однако, с самой этой предпосылкой не согласны. Мы совершенно иначе оцениваем современное положение вещей, отнюдь не считаем его безнадежным и революцию столь отдаленной.

Мы видим ряд объективных и субъективных признаков, позволяющих оценивать нашу эпоху, как революционную. Отсюда, мы совершенно иначе учитываем и роль анархистов, — как нынче, в момент отлива, так и в момент нового прилива революционной стихии. По всем этим и связанным с ними вопросам мы уже начали и будем впредь высказываться в ряде статей. Здесь мы хотели бы лишь кратко отметить один пункт.

Мы полагаем, что не постепенное расширение анархической пропаганды и не изобилие (как, между прочим, говорит т. Неттлау в своей статье «По поводу одной интересной анкеты») приведут к революции и анархизму. Основной почвой, на которой развернется и подойдет к анархизму социальная революция, будет, по нашему убеждению, разрушение всех экономических, политических, социальных и пр. устоев современной общественной жизни. Это разрушение будет стихийным процессом, перед лицом которого неизбежно слабы, ничтожны окажутся все мы — отдельные сознательные единицы и группы, и который начнется при крайней слабости нашей идеи и при полной идейной неподготовленности к анархизму широких масс.

Этот основной фон социальной революции мы обязаны теперь же определенно учесть. И отсюда два основных вопроса для нас, анархистов, — вопроса, на которые мы должны теперь же дать себе ясный ответ, чтобы сделать из него, затем, все надлежащие выводы: 1) каковы те силы, которые должны будут овладеть разбушевавшейся стихией, — овладеть не ложно, не «политически», не угасив огонь, как «овладели» большевики в России, но овладеть творчески, то-есть суметь помочь этой стихии направиться в русло великого нового созидания и строительства? и 2) каковы должны быть: а) наше поведение, наша роль перед лицом этой стихии, и б) наше отношение к этим силам? Только на пути основательного анализа этих вопросов может, по нашему мнению, быть найдено удовлетворительное определение наших положительных практических задач.

Желательно, чтобы т. Неттлау, с своей стороны, еще раз высказался по затронутым им вопросам — более определенно, конкретно, законченно, принимая во внимание сделанные здесь вкратце замечания.

Волин.

ОБЪЕДИНЕННЫЙ АНАРХИЗМ

О СИНТЕЗЕ

(Статья вторая)*).

В предыдущей статье мы остановились на самом методе искания нами истины, на вопросе об общем теоретическом подходе к задаче.

Мы выразили убеждение в том, что этот подход должен быть синтетическим, — т.-е., что мы должны не упираться в какую-либо одну познанную сторону целостной истины и превращать ее во всю истину, тем самым искажая последнюю и удаляясь от нее, а, наоборот, стремиться познать и охватить возможно больше сторон ее, тем самым возможно более приближаясь к подлинной целостной истине. В противном случае мы, — вместо дружной, разветвляющейся и плодотворной работы, — непременно будем погрязать в бесконечных и совершенно бессмысленных спорах и распрях. И будем постоянно впадать в грубейшие ошибки — неизбежные спутники односторонности, узости, нетерпимости и сухого доктринерского догматизма.

Остановимся теперь, — в общих же чертах, — на другом существенном вопросе.

Кто, какие силы и как будут осуществлять социальную революцию, — главным образом, ее громадные созидательные задачи? Каким в своем существе, по своему характеру и по своим формам будет весь этот грандиозный процесс?

Прежде всего — неоспоримо, что социальная революция будет чрезвычайно обширным, сложным, в конечном счете творческим явлением, и что победоносно, плодотворно разрешить колоссальную задачу социального переустройства смогут лишь широкие, самостоятельно, свободно действующие и так или иначе организованные массы населения.

Что бы каждый из нас ни понимал под процессом социальной революции, как бы разны мы ни представляли себе сущность, формы и ближайшие итоги великого грядущего общественного переустройства, — в ряде существенных пунктов должны сойтись все наши направления: и анархо-синдикалист, и анархист-коммунист, и индивидуалист, и представители других анархических течений несомненно сойдутся на том, что социально-революционный процесс будет явлением необозримой широты, многогранности, сложности, что он будет актом величайшего социального творчества, и что без интенсивного действия широких, свободных, самостоятельных и так или иначе организованных, — т.-е. в том или ином виде объединенных, связанных между собою, согласно действующих, — масс этот акт неосуществим**).

Что же будут делать в социальной революции широкие массы? Как будут они творить? Как будут решать сложнейшую и обширнейшую задачу нового строительства?

Будут ли они заниматься прямо, именно и только насаждением анархических коммун? Конечно, нет. Нелепо было бы предполагать, что единственным путем и единственной формой социально-революционного действия и

**) Именно потому, что различное понимание социально-революционного процесса не препятствует единению в этих пунктах, мы можем вести наши рассуждения дальше, не вдаваясь здесь же в более обширный и подробный анализ социальной революции. Такой анализ будет сделан нами в другом месте. — Что касается анархистов (если такие, — во всяком случае, крайне малочисленные, — анархисты имеются), отрицающих вообще идею массового социального переустройства — социальной революции, то о них, разумеется, в данном случае не идет речь.

*) См. «А. В.» № 3—4.

творчества масс будет насаждение коммун; что только такие коммуны явятся носителями и орудиями нового строительства, создающими клетками нового общества.

Или, быть может, массы пойдут в своей революции именно и только «синдикалистским» путем? Разумеется, нет. Было бы не менее нелепо полагать, будто исключительно синдикаты и, вообще, рабочие организации призваны осуществлять задачи великого социального переустройства; будто именно и только эти организации явятся рычагами и ячейками будущего общества.

Так же нелепо было бы считать, что задачи социальной революции будут разрешаться лишь индивидуальными усилиями отдельных сознательных личностей и их идейных объединений; что только такие союзы, группы и ассоциации по идейному родству послужат основаниями грядущего общежития.

Нелепо было бы, вообще, думать, что «колоссальную махину» социальной революции — этот живой творческий акт — можно будет ввести в какое-то единообразное русло; что та или иная форма, тот или иной метод, то или иное проявление борьбы, организации, движения, деятельности — явится единственной «подлинной» формой, единственным методом, единственным выражением социально-революционного процесса.

Плодотворную, определенно разветвляющуюся, подлинно торжествующую социальную революцию будут делать океанические человеческие массы, силою вещей приведенные к необходимости этой революции, пришедшие в огромное движение, широко и свободно ищущие новых форм общественной жизни, широко и самостоятельно выковыливающие и творящие эти новые формы. Или это будет так, — или творческие задачи революции останутся нерешенными, и она не даст плода, как не дали его все предыдущие революции. А если это так, и если на минуту отчетливо представить себе весь этот грандиозный процесс, это громадное творческое движение широчайших масс и бесчисленные точки его приложения, то станет совершенно ясно, что массы эти будут двигаться широким же фронтом, будут творить и действовать многими путями зараз — самыми разнообразными, живыми и подчас неожиданными для нас путями. Задача переустройства широкими

массами всех общественных отношений — хозяйственных, социальных, культурных и иных, в условиях разнообразия местностей, состава населения, характера, ближайших потребностей и целей хозяйственной, трудовой и культурной жизни различных районов (и, быть-может, различных стран), — такая задача потребует несомненно творчества, применения и творческого сочетания самых разнообразных приемов и форм.

Тысячью дорог будет идти великая революция. Тысячью переплетающихся между собой и комбинирующихся форм, приемов и методов будут решаться ее конструктивные задачи. И синдикаты, и профессиональные союзы, и фабрично-заводские комитеты, и производственные и другие рабочие организации с их объединениями и федерациями (в городах и промышленных районах), и кооперативы, и связующие звенья между теми и другими, и — возможно — советы, и всякие иные — живые, подвижные — организации, и крестьянские союзы (в деревне) и их объединения с рабочими организациями, и вооруженные силы обороны, и подпольные анархические коммуны, и индивидуальные силы и их идейные объединения, — все эти формы и методы будут применены к делу; всеми этими необходимыми рычагами будет действовать революция; все эти ручьи и потоки будут естественно возникать и струиться, образуя широкое общее движение великого творческого процесса. — Вовлеченные в подлинный революционный процесс широкие трудовые массы будут действовать всеми мерами, всеми своими силами и орудиями. Они все свои органы приспособят к революции и обратят на служение ей. Мы уверены, что даже нынешние реформистские, консервативные рабочие организации неизбежно и быстро революционизируются в этом процессе и, покинув своих упорствующих «вождей», покинув действующие за кулисами политические партии, займут в нем свое место, слившись с другими течениями широкого общего революционно-творческого потока.

Разумеется, это движение не будет простым распылением общества; этот процесс не будет носить характера всеобщего разброда и дезорганизации. Наоборот, движение будет естественно же и неизбежно стремиться к согласованности, к взаимной связи частей, к известному организационному единству, к которым, как и к творчеству отдельных форм, будут

властно толкать его непосредственные жизненные задачи и нужды. Это единство будет живым и подвижным сочетанием разнообразных форм творчества и деятельности. Из этих форм иные будут отпадать, иные — вновь возникать, но все они будут находить свое место, свою роль, свою необходимость, свое назначение, постепенно и естественно сливаясь в гармоническое целое. Лишь бы массы оставались свободны в своих действиях; лишь бы одна «форма», убивающая всякое творчество, не была восстановлена: власть. От тысяч местных и иных условий и причин будет зависеть, где, когда и какие именно творческие формы будут возникать, отпадать или укрепляться. Но во всяком случае — здесь не будет места одной какой-либо форме (тем более — окостенелой форме), даже одному какому-либо процессу. Разными местами, разными условиями, разными необходимостями будут выдвигаться разные же формы и методы. Общий же творческий поток новой жизни, нового строительства, нового общественного единства будет живым синтезом этих методов и форм. (Именно так понимаем мы, между прочим, подлинную, живую, а не формальную федерацию; и находим, что имеющиеся в нашей — федералистской — среде, главным образом у «анархосиндикалистов», представления о единообразном пути, о единообразном методе, о единообразной организационной — хозяйственной и общественной — форме основным образом противоречат правильному понятию федерации, как свободного, дышащего всей полнотой и всем многообразием жизни, не шаблонизированного и потому творчески-прогрессивного, естественного и подвижного сочетания естественно же разнообразных и подвижных общественных клеток).

Несомненно, экономической сущностью этого синтеза будет последовательное осуществление, развитие и укрепление коммунистического принципа. Но составные элементы, пути строительства и жизненные отправления его — этого живого, подвижного синтеза — будут многообразны, подобно тому, как многообразны клетки, органы и отправления живого синтеза-организма. Как нелепо было бы утверждать, что именно мышечные или именно нервные клетки, что именно пищеварительные или именно дыхательные органы суть единственные созидательные, действенные, «подлинные» клетки и органы живого организма, и не видеть того,

что последний есть живой синтез клеток и органов разного типа и назначения, — так же нелепо было бы считать, что именно и только такие-то или такие-то методы и формы будут единственными «подлинными» методами и формами грядущего социального строительства, складывающегося нового общественного целого.

Подлинная социальная жизнь, социальное творчество, социальная революция — суть явления множественности в синтезе, причем и эта множественность, и ее синтез суть живые, подвижные, переменные величины. (Если многим из нас представляется, что революция должна пойти каким-то одним — именно этим или именно тем — путем, то эта ошибочная точка зрения безотчетно внушается нам, между прочим, всей нынешней затхлой, стоячей, насильственно шаблонизированной общественной жизнью. Мы как-то не умеем вполне оторваться от этого жалкого, придуманного быта. Он держит в своих тисках нашу мысль, наши представления. И мы невольно шаблонизируем будущее. Но раз порвав с шаблоном и открыв источники широкого творческого движения, подлинная революция совершенно преобразит общественное бытие в направлении именно грандиозного всеобщего движения, величайшего разнообразия и его живого синтеза). Это обстоятельство должно быть определенно учтено нами, — т.-е., и мы должны не упираться в один шаблон, а стараться учесть эту множественность и по возможности наметить этот синтез (не забывая о их подвижности), если мы хотим, чтобы наши социальные устремления и построения отвечали подлинным путям к истинному освобождению и становились реальной силой, призванной помочь этим путям и устремлениям выявиться и осуществиться.

* * *

Таким образом, и с чисто-практической стороны мы приходим к признанию множественности и ее живого синтеза, как подлинного существа явлений и необходимого краеугольного камня наших рассуждений и построений.

Ответ на поставленный нами вначале вопрос гласит:

Социальную революцию будут осуществлять широкие массы путем комбинированного сочетания и действия различных своих, — созданных разнообразными условиями и необходимостями, — сил, рычагов, методов, приемов и организационных форм. — В своем существе, по своему характеру и по своим формам весь этот грандиозный процесс будет, следовательно, множественно-синтетическим.

Спрашивается: зачем нам, в таком случае, бесконечно спорить и ломать копы по вопросу о том, рабочие ли синдикаты, коммуны ли или же индивидуальные объединения, «классовые» ли организации или же группировки «по симпатиям» и «революционные организации» будут осуществлять социальную революцию, будут «подлинными» формами и орудиями социально-революционного действия и творчества, будут ячейками грядущего общества? Мы не видим в этом споре решительно никакого смысла. Предмет спора представляется нам в свете всего вышесказанного совершенно пустым. Ибо мы убеждены, что и рабочие синдикаты (союзы), и коммуны, и индивидуальные объединения, и классовые организации, и группировки по симпатиям, и революционные организации и т. д. — все они будут участвовать, — каждая организация в своей сфере, в меру своих сил и своего значения, — в строительстве новой жизни и нового общества.

Между тем, стоит только внимательно прислушаться к нашим спорам и присмотреться к нашей печати и к нашим организациям, чтобы видеть, что из-за этого пустого вопроса, — гораздо более, чем из-за различий в чисто-философских воззрениях, — происходит ожесточенная борьба в наших рядах, напяливаются и подчеркиваются, тем безнадежнее разрывая наши силы, все эти ярлыки — «анархо-синдикалист», «анархист-коммунист», «анархист-индивидуалист» и т. п., бессмысленно раскалывается и распыляется наше движение.

Мы полагаем, что пора анархистам разных толков признать отсутствие в указанном нами отношении серьезных оснований для такого раскола и распыления. Этим признанием снимется лишний повод к нашим раздорам и будет сделан значительный шаг к сближению. Возлагая главные надежды на тот или иной фактор, но учитывая наличность и значение факторов другого порядка и, следовательно, признавая за другими анархистами такое же право придавать преобладающее значение этим последним, товарищи сделают шаг к тому, чтобы суметь работать рука-об-руку в одной организации, в одном органе, в общем движении, развивая — каждый — свои идеи и свою деятельность в интересующем его направлении, идейно борясь и скрепляя свои убеждения в общих товарищеских рядах, а не во враждующих между собою и исключаящих друг друга лагерях. Установлением таких взаимоотношений был бы заложен крупный камень под здание объединенного анархического движения.

Волин.

ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ АНАРХИСТОВ

Русская революция дала нам, анархистам, много ценных уроков, на которых наша пресса уже не мало останавливается.

Мне хочется обратить особенное внимание товарищей на один вопрос, который русская революция, как мне кажется, ставит перед нами особенно ребром.

Этот вопрос — объединение наших сил.

И до революции 1917 года, и — в особенности — в период русской революции, очень много сил и энергии убивалось нами на споры и раздоры в наших же рядах: анархо-коммунистов с анархо-синдикалистами и тех и других с анархо-индивидуалистами. В этих спорах анархисты разных направлений доходили до самой острой вражды; в своей печати они уделяли громадное место полемике и нападкам одних на других и тем самым снимали прямо с очереди всякий вопрос о необходимой общей организации всех активных сил анархизма.

Несомненно, анархическое движение и сами анархисты от этого очень много потеряли в русской революции.

Если бы в самом начале революции, когда из тюрем, ссылки и каторги были освобождены наши товарищи, когда из всех стран Европы и Америки в Россию возвращались наши изгнанники, — если бы в то время анархисты всех направлений могли найти точки соприкосновения и сговориться для совместной работы и совместных выступлений, — без сомнения наше движение в русской революции сыграло бы значительно большую роль, чем оно в действительности сыграло.

Показательный пример этому — набатовское движение на Украине.

Первая попытка к объединению анархистов была сделана группой товарищей разных течений на курской конференции украинских анархических организаций «Набат» (по имени издававшегося ими печатного органа). Осно-

вы объединения были кратко намечены в принятой конференцией «Декларации».*)

Как один из активных участников революции и набатовского движения, я должен констатировать, что за все время русской революции не было ни одной анархической организации, которая работала бы так интенсивно, широко, продуктивно, как эта объединенная организация.

Несмотря на краткое существование Конфедерации Анархистских Организаций Украины «Набат», несмотря на невероятные трудности при гонениях со всех сторон (большевистская власть, скоропадщина, петлюровщина, григорьевщина, денкинщина, врангелевщина), организация эта своей громадной плодотворной работой доказала, что объединение анархистов необходимо для нашего движения и возможно; что соединение наших интеллектуальных, организационных и пропагандистских сил имеет для нас очень важное значение.

В самый короткий период времени вся Украина была покрыта сетью организаций, тесно — организационно и идейно — связанных.

У нас была живая связь с рабочими и крестьянскими массами. И я уверен, что если бы условия благоприятно сложились, если бы организация могла просуществовать еще год или два, — была бы проделана поистине грандиозная организационная и пропагандистская работа.

В мои намерения не входит давать здесь историю набатовского движения. Но, оглядываясь назад — на проделанную работу, я должен констатировать, что, будучи невероятно бедны интеллектуальными и организационными силами, мы сделали, однако, очень много и впервые прикоснулись к некоторым осязательным результатам. И я считаю, что одной из главных причин успеха набатовского движения

*) См. брошюру «Декларация и резолюция» первой (курской) конференции анархистских организаций Украины «Набат».

было общее стремление товарищей к действительно живой, активной работе. Среди нас не было места бесполезным спорам, раздорам и полемике: наши силы были направлены на живое, революционное анархическое дело.

Я думаю, что этот яркий пример — первой попытки объединения — должен заставить задуматься многих из нас.

Сейчас намечаются некоторые новые попытки объединения в Америке и в других странах. Их необходимо приветствовать и всячески поддерживать.

Некоторые товарищи, с которыми мне приходилось говорить по этому вопросу, высказывают мысль, что теоретически нельзя объединить различные анархические течения в единый синтез; но, — говорят мне эти товарищи, — в практической работе анархисты могут организационно объединиться.

Я не хочу и не могу разбирать в данной статье вопрос о возможности или невозможности теоретического объединения анархических течений, т.е. вопрос о нахождении единого синтеза в анархизме. Я предоставляю это сделать другим товарищам, которые, как мне известно, занимаются именно этой стороной вопроса.

Для меня в данное время не важно, какое именно объединение возможно: теоретическое или практическое. Для меня важно, чтобы этот вопрос был поставлен в порядок дня нашей сегодняшней работы. И чем больше, шире и глубже он будет разбираться, дискутироваться в нашей прессе и в наших организациях, тем лучше. Чем больше будет предложений, стремлений и попыток к объединению наших сил на той или иной платформе, — тем лучше.

Когда я сейчас вспоминаю и анализирую разногласия между а.-с. и а.-к. (и даже а.-и.) в России во время революции, когда я подвожу

итоги этим разногласиям и распрям, я прихожу к заключению, что теоретически, т.е. абстрактно, были некоторые различия, но в практической области, в реальной жизни, в конкретных наших действиях — почти не было различия.

Анархисты-коммунисты по вопросу о вхождении и работе в профсоюзах, заводских комитетах и кооперативах резко нападали на анархосиндикалистов, но, в то же время, большинство из них работали самым активным образом во всех вышеупомянутых рабочих организациях.

Анархисты-коммунисты называли анархосиндикалистов «анархо-меньшевиками» за вхождение и работу в советах, но те же анархо-коммунисты, когда их выбирали туда рабочие, входили в советы и активно там работали (Блейхман, а.-к., член питерского совета; С. Медведев, а.-к., член кронштадтского совета; А. Карелин, а.-к., член даже В. Ц. И. К. Советов, и т. д.).

Я мог бы привести множество примеров, когда анархисты разных течений резко выступали друг против друга, а в своей практической деятельности делали одно и то же дело, в то же самое время не переставая убивать свои силы, свою энергию на распри между собой.

Вот тот урок, который дала нам русская революция. И я считаю, что будет величайшей ошибкой анархистов, если они не задумаются над ним серьезно.

Неважно, — как я уже сказал, — с какой стороны и как отдельные товарищи и организации будут подходить к этому вопросу: с теоретической или практической стороны (я лично думаю, что очень ценны и тот, и другой подход); но важно, чтобы этот вопрос не сходил со страниц наших органов печати, и чтобы то или иное серьезное обсуждение его привело, в конце концов, к практическим результатам, столь необходимым для нашего распыленного и раздираемого внутренними междоусобицами движения.

Семен Флешин

АНАРХИЗМ И НАСИЛИЕ

Опасные противоречия

[По поводу статьи П. Аршинова «Проблема производства и потребления в соц. революции»
(«А. В.» кн. 2)].

Если между анархистами имеются несогласия в выборе средств для достижения цели, то это хотя и может, — в зависимости от того, какими именно средствами они воспользуются, — оказать отрицательное или, наоборот, благотворное влияние на организацию будущего анархо-коммунистического общежития, но несогласия эти никак не могут быть препятствием к общей деятельности всех разно-думающих анархистов в целях достижения одной и той же цели: честной, справедливой и свободной жизни.

Никак нельзя требовать от миролюбивого и глубоко чувствующего толстовца, чтобы он преобразился в кипучего, нетерпимого и мстительного махновца. Неразумно укорять в эгоизме индивидуалиста, ищущего свою свободу не в коммуне, а в себе самом или в подобных ему. Нельзя упрекать синдикалиста в том, что он ищет выход в союзе рабочих. Всякий отдельный член той или другой организации может быть хорош или плох, — смотря по тому, как он понимает анархизм в целом и как применяет его к своей собственной повседневной жизни.

Но если анархист заявляет себя поклонником организованного насилия, то этим самым он отрицает свою принадлежность к анархизму.

Относясь с чувством отвращения ко всякому насилию, каким бы именем оно ни называлось и ради каких бы целей ни употреблялось, — даже к так-называемому оборонительному, — я нахожу, при этом, во-первых: что граница между наступательным и оборонительным насилием никогда еще не была точно установлена, т. е. защищающаяся сторона, в конце концов, непременно переходит в положение наступательное, если только обстоятельства или положение борьбы дают к этому малейший повод. Во-вторых: я никак не допускаю, чтобы человек, использующий средства принудительного характера, был действительно свободолобивым человеком, т. е. свободолюбие и насилие совершенно противоречат друг другу. Вся история полна доказательствами того, что движения освободительного характера, которые проводились насилием, приводили, в конце концов, к институтам диктатуры и власти. Менялись вывески, но суть оставалась та же.

Несмотря на эти убеждения, я все же не могу порицать, осуждать ни тех, кто по своему поло-

жению, воспитанию, по складу своего прошлого сохранили предубеждения против пассивного сопротивления, ни тех «из толпы», кто хватается за дубину, когда его доводят до совершенного иступления. Но когда деятельный и мыслящий анархист П. Аршинов не только рекомендует, предлагает, но и настаивает на насильни наступательном, которое, в силу реальной необходимости, требует вооруженной организации, законов и диктатуры, — то я глубоко возмущен таким искажением анархической идеи во имя чего-то практического.

Решительно отвергая мнение тех, для кого в вопросах потребления нет ни революционеров, ни трудящихся, ни тунеядцев, а только потребители, т. Аршинов находит, что правом потребления пользуются только трудящиеся и неспособные к труду. Мнение, что люди, — не только революционеры и производители, — имеют полнейшее право на поддержание своей жизни, он находит вредным, затемняющим смысл анархической борьбы, т. е. анти-анархическим; а насильственное лишение необходимых средств к жизни он считает анархическим. Не подвргать людей организованному насилию и голодной смерти, это — либерализм, а противопоставить им организованную силу (армию?) для защиты «принципа труда», это — анархизм.

Но ведь это абсурд! В анархизме нет «принципов». «Принципами» пользуются только тогда, когда хотят затемнить, избежать законов правды и справедливости. Анархизм же построен на разуме, совести и правде, и поэтому в нем принципам места нет и быть не может. Это во-первых. А во-вторых: если деятельность этих людей, т. е. контр-революционеров, будет выражаться в нежелании работать, то в этом еще беды нет, да мы и права никакого не имеем заставлять их принимать участие в производстве, с формой которого они не согласны. Все, что мы можем от них требовать, это — чтобы они нам не мешали, но не больше. Они могут быть лишены нашей любви, нашего уважения, но не хлеба. Если же эти контр-революционеры будут в громадном количестве и противопоставят вооруженное сопротивление, тогда ведь об анархизме и говорить нечего; ибо анархизм не может быть навязан, как царизм, демократизм или большевизм.

Не стану обобщать все пагубные для анар-

хизма следствия Аршиновского мировоззрения; возьму самого себя.

Наступил час, о котором Аршинов говорит. Он проводит в жизнь свой «принцип труда»; он организует армию для защиты революции, т.е. чтобы сканировать тех, кто стоит на дороге к революции, и заставлять работать тех, кто отказывается принимать участие в новом производстве; и вот, призывает или (скажу мягче) приглашает меня также к участию в этой армии; но так-как я, относясь с отвращением ко всяким армиям, хотя бы и «освободительным», решительно отказываюсь от этой уничижительной роли, то мой теперешний товарищ — Аршинов — клеймит меня именем контр-революционера и не только отказывает мне в насущном, но и бросает меня в тюрьму, как это теперь коммунисты делают с анархистами и толстовцами.

Если толстовское учение «пассивного сопротивления» может быть рассматриваемо как утопия (это не мое, конечно, мнение), то система насильственного достижения анархического коммунизма не только утопична, но противоречива и не натуральна.

Еще одно. Вывод т. Аршинова, что цель анархизма, это — служение трудящимся, звучит, чтобы не сказать больше, чуждо и неприятно. Повторение того, что мы находим густым, искусственным звуком в устах либералов, со-

циал-демократов и большевиков, анархистом, — не только старо, но и неестественно.

Анархизм, кроме своего внутреннего содержания, — своих симпатий, своей любви, своей правды, своей справедливости, своего свободолюбия, — никого и ничего не защищает. Он ни у кого ничего не требует и никому ничего не обещает. Он никому никаких систем не навязывает и не терпит никакого навязывания. Он людей не на классы разделяет, а на слепых и зрячих, — на здоровых и больных.

Когда я вижу костлявую фигуру, согнутую над верстаком, и рядом с ней плотного, краснощекого финансового владыку, разгуливающего взад и вперед по своей конторе, — я возмущаюсь, страдаю и протестую.

Когда я вижу, что сотни и тысячи недавно сгорбленных, но вдруг выпрямившихся людей прижимают к стене бледного, окровавленного и испуганного обладателя конторы, — я опять-таки страдаю, негодую и протестую.

Отлично говорит Гай Вагенд в своем «Приходящему»: «Свобода возможна только тогда, когда она основана на уважении к чужой личности, будь это друг или враг». И дальше: «Всякий, борясь за свободу, должен всегда помнить, что моя свобода кончается там, где начинается свобода другого». Я добавляю к этому: моя свобода кончается там, где начинается рабство другого.

Рабочий.

Можно ли обойтись без насилия?

Ни одно из социально-философских учений не собирает вокруг себя столько разнородных элементов, как анархизм. Ряд темпераментов и мировоззрений, порою прямо противоположных, начиная с кипучего и революционного бакунизма и кончая мирным толстовством, имеют свое место под сенью анархизма. Правда, места эти очень различаются по своей величине и значению. На ряду с основным потоком анархической мысли и анархического движения — революционным бакунистско-кропоткинским анархизмом — имеются второстепенные ручейки анархической мысли и анархического движения — философия Штирнера, учения Толстого, Годвина, Текера и др. И как бы малозначительны ни были эти ручейки в социально-революционном движении, они тем не менее живут своим пониманием анархизма и нередко противопоставляют его основному течению анархизма.

Нельзя сказать, чтобы такое разнообразие было плодотворно на практике. Множественность течений в одном и том же движении несомненно вредит самому движению, невольно

рвут его на части, мешая осуществить цельность воли и цельность действия, необходимые в массовой социальной борьбе.

В статье первой «Проблема производства и потребления в социальной революции» я ставил вопрос, кто и в каких формах будет решать важнейшую задачу революции — задачу производства и потребления. И я отвечал, что задача эта будет решаться широкими массами труда на основе присущего им трудового принципа. Я при этом исходил из того общепринятого в анархизме положения, что основной спор труда с капиталом может быть решен только самими борющимися сторонами, а не какой-то третьей, извне приходящей силой. Раз это так, то отсюда естественно следовало, что коль скоро в этой борьбе победят трудящиеся, то дело строения нового хозяйства они не уступят никому, а возьмутся за него сами, введя в него принцип, выношенный ими в подневольной жизни и являющийся единственно справедливым, — принцип равенства в правах и обязанностях. Само собой разумеется, что принцип этот явится грубым, жестким одеянием

для тех, кто привык жить на одних правах, без всяких обязанностей, — для властителей и собственников всевозможных рангов. Он полностью лишит их эксплуататорских прав и привилегий и сурово, как сама жизнь, потребует от них войти в колею общей трудовой жизни. Несомненно, любители одних прав воспротивятся этому. Они разразятся стонами, проклятиями и борьбой. Однако, эти, вполне естественные с их стороны, стоны и проклятия ни в какой мере не могут смущать борющегося труда. Ибо что значит недовольство горсти туеядцев в сравнении с тем благом, которое социальная революция доставит всему трудовому человечеству.

Освобождение трудящихся, не на словах, а на деле, возможно лишь путем введения трудового принципа, осуществляющего всеобщее равенство в экономической и общественной жизни народа. Эту мысль в своей статье я и старался заострить и остановить на ней внимание товарищей, зная, что в нашей среде имеются лица с огромным либеральным и толстовским уклоном, подходящие к данному вопросу, а также к ряду иных, не с революционным методом, а с личным настроением*).

В напечатанной выше статье «Опасные противоречия» мысль моя оспаривается именно с точки зрения толстовства, а не с точки зрения революционного метода. Автор не в силах понять, как можем мы, анархисты, допускать принуждение даже в отношении врагов. Он решительно не согласен с тем, чтобы в деле строения нового хозяйства было оказано необходимое хлебное воздействие на эксплуататорские и контр-революционные группы. Он считает бесчеловечным и противонархическим положение, по которому в новом обществе, чтобы получить необходимое для жизни, все, кроме детей, стариков, больных и увечных, обязаны трудиться.

Подобное непонимание и подобные страхи могут быть объяснены только тем, что автор стоял в стороне от революционной борьбы трудящихся, не знал и не интересовался знать рождающуюся в этой борьбе социальную правду масс. Так оно и есть. Для автора, как явствует из его статьи, не существует, в нашем смысле, той великой драмы, имя которой социальная борьба угнетенных с угнетателями.

*) «Идеология потребления», выдвигаемая в противовес трудовому принципу, отстаивается не только мирными анархистами, но и некоторыми анархистами, признающими социальную революцию. Это служит показателем лишь того, что товарищи эти, стоя далеко от трудовой массы, не зная или не желая знать ее революционных устремлений, до сих пор не освободились от греха либерализма, приносящего громадный вред нашему движению.

Анархизм, исповедуемый им, вырастает у него не из этой борьбы, а из разума. Люди подразделяются у него не на классы, не на угнетенных и угнетателей, а лишь на слепых и зрячих, на больных и здоровых. И миссия анархизма, по его мнению, состоит не в том, чтобы служить угнетенному человечеству, а в том, чтобы отстаивать свою собственную правду, любовь и справедливость.

Естественно, при таком понимании анархизма автор будет оспаривать любое практическое мероприятие революции, сопряженное с силой, ибо он вообще не приемлет революционных построений анархизма. Анархическое строительство переносится им в отдаленное будущее, когда все люди или большинство их переродятся в сознательных и знающих истину анархистов. — «Вместо того, чтобы судить и ридить о всемирной революции, нам необходимо на практике произвести революцию в самих себе. Каждый из нас должен переродиться в нового человека». (Статья того же товарища «Единственное средство». «А. В.» № 1).

Подойдем ближе к возражениям автора. Он пишет: «...мы права никакого не имеем заставлять их (контр-революционеров) принимать участие в производстве, с формой которого они не согласны. Все, что мы можем от них требовать, это — чтобы нам не мешали, но не больше. Они могут быть лишены нашей любви, нашего уважения, но не хлеба.»

В том, что мы не должны силой заставлять контр-революционеров участвовать в производстве, с формой которого они не согласны, среди анархистов не может быть разногласий. Тем-то мы и оглищаемся от социалистов-государственников, что признаем за всякой личностью право быть самим собой; но при условии, если она ни в какой мере не покушается на личность другого человека. От людей, не желающих работать в будущем трудовом обществе, мы действительно потребуем одного — оставить нас и наше трудовое общество в покое. Но как быть в том случае, когда эти люди, вместо того, чтобы оставить в покое, пытаются подчинить нас себе и заставить работать на них? Русская революция богата такими примерами. Ясно, что каждый из нас обратится к единственному в этом случае средству, — к открытой борьбе с насильниками, ибо в свободе, в отстаивании своего человеческого достоинства заключается смысл и ценность нашей жизни.

Допустим, что люди эти — современные собственники и властители — в момент революции откажутся от идеи порабощения, но при этом они также откажутся участвовать в общем труде. Как быть тогда? Конечно, никому в голову не придет мысль преследовать их только за отказ участвовать в производстве, с формой которого они не согласны. Им будет

предоставлена полная свобода устраиваться по-своему, с условием, однако, — не насильствовать никого из близких. Но из этого совсем не следует, что мы обязаны материально и как-либо иначе заботиться о них. Подобная забота была бы с нашей стороны не только глупостью, но явилась бы, кроме того, огромным упущением перед революцией. Ведь трудовой принцип в революции имеет двойное значение — моральное и революционно-стратегическое.

Содержать добровольно на своем горбу людей, сознательно не желающих работать, могут только лица, морально принижённые. Здоровые и свободные люди не потерпят такого позора в своей среде. Для иллюстрации возьмем такой пример. Крестьяне, скажем, села Андреевки после победы революции приступили к коммунальному земледелию. К ним на тех же основаниях примкнули рабочие местной ситце-набивной фабрики. Дело их крепнет и растет. Находящиеся в том же селе бывший хозяин фабрики и два-три помещика не принимают никакого участия в коммунальном хозяйстве села. Но жить им надо. Имевшиеся у них запасы продовольствия пришли к концу. И вот они являются в общество крестьян и рабочих и заявляют им: — работать мы не умеем, да и не хотим, ибо мы не согласны с вашими коммунальными порядками. Вы можете за это неодобрять нас, можете лишить нас вашего уважения, но вы не вправе лишить нас хлеба, ибо без хлеба мы погибнем.

Как бы отнеслось трудовое общество к таким лицам? Несомненно, оно отказалось бы кормить их на том только основании, что они не желают трудиться, а предложило бы им заняться наиболее простой работой в хозяйстве, с какой справится любой неподготовленный человек, — подавать снопы, возить дрова, убирать фабричное помещение, помогать в кооперативе и т. д. И если бы фабрикант и помещики все же отказались от работы, то крестьяне и рабочие могли бы посоветовать им одно — пойти в другое место и поискать таких людей, которые бы взяли добровольно кормить и одевать их, но сами не согласились бы на это. В другом месте, куда фабрикант и помещики пришли бы за дармовым хлебом, они получили бы столь же разумный и справедливый ответ. В третьем — то же самое, и так везде.

Никогда трудовая самоуправляющаяся масса не согласится добровольно содержать тех, кто по лени и иным подобным причинам откажется выполнять ту или иную хозяйственную работу. Об этом могут мечтать те, кто не знает массы, стоит фактически вне ее. Но желал бы направлять ее жизнь согласно своим фантазиям.

В расцвете своего анархического мышления и анархической деятельности (в 1871 г., по предположению тов. М. Неттлау) М. Бакунин, разбя-

рая вопрос о правах и обязанностях членов будущего свободного общества, писал: «...Каждый должен будет работать, чтобы есть. И каждый, кто не пожелает трудиться, волен будет умереть с голода, если только он не отыщет какой-либо ассоциации или коммуны, которая согласилась бы из жалости кормить его. Но тогда будет, по всей вероятности, найдено справедливое не признавать за ним никаких политических прав, раз он, будучи трудоспособным, предпочтет находиться в позорном положении и жить за счет чужого труда: ибо не будет никакого иного обоснования для общественных и политических прав, кроме труда, несомого каждым... Одни только дети, пока они не достигнут известной силы, а впоследствии лишь постольку, поскольку необходимо будет дать им время для приобретения знаний и не перегружать их, при этом, чрезмерной работой, затем — инвалиды, старики и больные смогут быть освобождены от труда без ущерба для их прав свободных граждан...» (Программа Общества Международной Революции, — неизданный отрывок из соч. М. Бакунина, «Анар. Вестник» № 7, стр. 39).

И по революционно-стратегическим соображениям трудящиеся не могут допустить, чтобы огромная группа лиц, враждебно настроенных им, содержалась бы их трудом. Это означало бы, что трудящиеся своими усилиями и заботами подготовляли против себя выступление контр-революции.

Само собой разумеется, что революционное общество, как целое, в данном вопросе не будет руководствоваться чувствами мести. В то время, когда производство не будет еще налажено и когда нельзя знать, кто не участвует в нем по причине неналаженности, а кто по мотивам контр-революции и по лени, — в это время строющееся трудовое общество о каждом индивиде, не выступающем против революции, будет заботиться, как о потребителе. Однако и в этом случае трудовое общество будет исходить из соображений революционной целесообразности, а не из чувства долга перед каждым человеком только потому, что он потребитель. Всякий потребитель, раз он здоров и в возрасте, обязан быть и производителем. Такова воля борющегося труда. И силою революции он воплотит ее в жизнь. Как я уже говорил в своей статье, одно из двух: или ожидаемый социальный порядок будет построен на начале труда; тогда все, за исключением детей, стариков и увечных, будут производителями; или же в первые дни революции трудовой принцип укрепится не в полной мере и не повсеместно; тогда между трудящимися и их противниками будет продолжаться борьба до победы трудового принципа.

Следовательно, в великом деле построения свободного общества насилие неизбежно. Оно

неизбежно просто потому, что современное общество, в котором мы живем, построено на грубейшей несправедливости и держится сплошным непрекращающимся насилием. Первый шаг угнетенных масс по пути устранения этой несправедливости явится грубым нарушением покоя и сладостного жития тех, кто вырос на этой несправедливости, кому она дорога и мила. Таково уж наше общество, что, чтобы добиться крупицы правды и тепла для ограбленных и обворованных труженников, необходимо в той или иной форме беспокоить тех, кто на этом ограблении и воровстве построил свое благополучие.

Как свет, борясь с тьмою, делает день, так и труд, борясь с капиталом и властью и побеждая их, создаст свободное общество.

Нам еще говорят: — но ведь принцип: «не-трудящийся да не ест» есть большевистский принцип. Чем же мы, держась за этот принцип, будем отличаться от большевиков? — Очень многим. Большевики фактически провели в России обратный принцип: «трудящийся да не ест». В коммунистическом государстве, как и в капиталистическом, труд приспособлен к удовлетворению потребностей горсти бездельников; трудящиеся же получают лишь то, что необходимо для поддержания в них животной рабочей энергии.

Если бы русская революция действительно провела принцип труда, искоренила бы барство и освободила бы рабочие массы от ярма наемничества, то результаты ее были бы совсем иные: трудящиеся многих стран несомненно во-время пришли бы ей на помощь и, усиленные русской революцией, вероятно провели бы то же самое у себя.

Мы видим, таким образом, что основное возражение автора против революционно-трудового принципа не выдерживает критики. Утверждения же его о том, что признаваемая нами организованная борьба и организованная защита революции, допускающие насилие, ведут к диктатуре, власти и законам, не имеют под собою никакого основания. Всякий, кто читал мою статью, видит, что в ней нет не только намека на какую бы то ни было диктатуру, но, наоборот, дано определенное предупреждение против диктатуры одной части трудящихся над другой, против диктатуры квалифицированных рабочих, объединенных в про-

фессиональные организации, над более широкой неорганизованной рабочей массой. (Пробл. произв. и потребл. в соц. рев., статья вторая. «А. В.» № 3—4, стр. 7).

Все рассуждения автора о диктатуре анархистов являются следствием того, что он пробыв в стороне от массовой революционной борьбы трудящихся и не научился отличать революционное освободительное насилие трудовых масс от насилия властнических групп, живущих рабством и трудом рабочих классов. Являясь противником всякого насилия, будь то наступательное или оборонительное насилие, автор естественно не может принять революционных мероприятий трудящихся, направленных к установлению и ограждению их прав и поэтому неминуемо несущих в себе элементы насилия по отношению к эксплуататорам. Он не допускает мысли о том, чтобы человек, прибегающий к насилию даже в отношении врага, был действительно свобододолюбимым человеком.

Само собой разумеется, что свобододолюбие измеряется не насилием, и не всякий, прибегающий к насилию, свобододолюбив. Но в то же время неоспоримым является тот факт, что в борьбе за свободу насилие играет огромную роль. История человечества, от зари ее и до наших дней, представляет собою непрерывную борьбу труда с капиталом, борьбу, в которой трудящимся удавалось добиваться крупин свободы и хоть немного отстаивать свое человеческое достоинство лишь благодаря тактике оборонительного и наступательного насилия.

Социальная борьба поработенных выдвинула ряд выдающихся личностей, теоретически обосновавших идею насильственной борьбы за свободу и доказавших, что вне таковой борьбы нет спасения трудящимся. Назовем хотя бы Бакунина и Кропоткина. Вряд ли кто дал лучшее определение свободы, нежели Бакунин; немногие были преданы свободе так, как ей был предан Бакунин. И в то же время в лице Бакунина мы имеем одного из неутомимых проповедников насильственной социальной революции трудящихся. Нет, свобододолюбие и насилие не всегда исключают друг друга. В области анархической борьбы, анархического идеала насилие носит характер творческого прогрессивного акта. Оно, разрушая величайшее зло современности — рабство капитала и власти, двигает человечество в мир свободы.

П. Аршинов.

Мой взгляд на насилие

Однажды человек, знавший мои взгляды, но не разделявший их, задал мне вопрос: «Как можете вы, — как анархист, то-есть человек, борющийся против всякого принуждения и насилия над личностью во имя чего бы то ни было, — сами применять насилие?» А также: «Может ли случиться, что вы убьете и меня, несмотря на наше продолжительное знакомство и приятельские отношения?»

На первый вопрос я ответил следующее:

— Да, несмотря на то, что я борюсь за полное освобождение личности от всякого гнета, принуждения и насилия, я все-таки признаю насилие и буду сам участвовать в таких актах и вооруженной борьбе во имя проведения в жизнь моих взглядов, если это понадобится. — Я не считаю насилие ни методом пропаганды моих идей, ни способом установить анархический строй на земле. Я знаю, что нельзя заставить людей быть свободными или хотя бы свободомыслящими против их желания. А вводить насильственно анархический строй, — значит принуждать людей к свободе и заставлять их жить свободно, что является абсурдом. Анархический строй, то-есть такая организация общества, где каждая отдельная личность будет иметь максимум свободы и возможности наилучше удовлетворить свои потребности, не может быть установлен только добровольным соглашением людей, освободившихся от властнических и рабских предрассудков и разрушивших те институты гнета и принуждения (каковыми в настоящее время являются капитализм и государство), которые задерживают развитие общества в сторону наибольшей свободы. Насилием я не смогу добиться проведения в жизнь моих взглядов, а только пропагандой и попытками основывать и в настоящих условиях жизнь на началах свободы. — Но мне также известно, что те слои населения, которым выгоден существующий строй, а также все те, кто еще настолько инертны и несознательны, что поддерживают его с помощью всех институтов, созданных для этой цели, и всеми способами, вплоть до физического истребления своих противников, — все они борются и будут еще бороться против всякой, самой мирной попытки нарушить существующее положение вещей, будут бороться против пропаганды свободы и против попыток основать жизнь на началах, противоречащих существующим принудительным формам. В этой борьбе наши враги не стесняются и, прикрываясь громкими фразами, применяют самые грубые и подлые способы искоренения нас, на-

ших идей и начинаний. И когда нам мешают мирно распространять наши взгляды и проводить их в жизнь и начинают преследовать и истреблять нас и разрушать нашу работу, то мы, конечно, защищаемся и на насилие отвечаем насилием там, где нас преследуют; ибо иначе мы не в состоянии добиться возможности мирной работы. — Кроме того. Еще неизвестно ни одного случая, чтобы слой привилегированных, — тех, кому выгодно существующее положение вещей, — добровольно отказался от своих привилегий, а не попытался вступить в борьбу и, в случае победы, уничтожить те силы, которые покушаются на него и на его привилегии. Также и при реализации нашего идеала — нам придется столкнуться с этим слоем и вступить с ним в вооруженную борьбу, чтобы уничтожить существующий порядок вещей, дающий возможность существованию привилегированного паразитирующего слоя и задерживающий свободное развитие общества. — Итак, я признаю насилие и вооруженную борьбу, как средство самозащиты против преследований, с целью добиться возможности ведения пропаганды, а также как средство разрушить тот строй и его институты, которые будут препятствовать свободному развитию общества и проведению в жизнь анархического идеала. Поле действия насилия и вооруженной борьбы отрицательно. Насилием нельзя ничего создать: можно только разрушить препятствия, стоящие на пути. —

Что касается второго вопроса: «Может ли случиться, что вы, несмотря на приятельские отношения и продолжительное знакомство, убьете меня?» — я ответил на него так:

— Да, может случиться, что я лично убью вас. Это может произойти в трех случаях: во-первых, в случае, если я встречу вас в момент вооруженной борьбы в лагере моих врагов; во-вторых, в случае, если вы будете вести провокационную работу в анархической или революционной среде, то-есть, войдя в движение, будете, исполняя поручения какого-либо правительства, толкать его на акты и действия, вредные и порочащие его, с целью дать поводы для борьбы с ним, а также в случае вашей шпионской работы в нем; в-третьих, в случае, если вы будете одним из ответственных руководителей насильственной (не идейной) борьбы с анархическим или революционным движением и будете ответственны за гибель близких мне по духу людей, а также в случае вашей вредности, как гонителя дорогого мне идеала.

ОБ ИНДИВИДУАЛИЗМЕ

(Очерк III, последний*)

Быть-может, в том и состоит специфическая особенность индивидуализма, что он рассматривает всякую личность как нечто законченное, цельное, самородное и самодовлеющее, как самостоятельный организм, а не как атом или частицу? Быть-может, это-то и отмежевывает его так резко от всех остальных идеалов, что личность эта не стремится к соединению и спайке с себе подобными, — подобно пылинкам, от тесного сплочения которых образуются планеты, — и, вследствие этого, не исключается, будто бы, всякая роковая возможность столкновений и раз'единений, расколов и отколов, которые в жизни космоса приводят к взаимному уничтожению и гибели целых миров, а в жизни человечества к революциям и катаклизмам. Каждая индивидуальность силой собственной интуиции прокладывает себе дорогу, не считаясь не только с волей других, но и с их интересами.

Это было бы, быть-может, законно и возможно лишь в том случае, если б человек действительно не принадлежал к разряду социальных животных, как это, напр., пытается доказать «алостол снисходительного эгоизма» Монтэнь, стремившийся установить бессмысленность общественных учреждений, вследствие невозможности установления какого бы то ни было социального правила, исходя из того, что взаимоотношения людей — не что иное, как вечная и жестокая междоусобная война, что столь желанная гармония между людьми — только фикция, призрак.

«Выигрыш одного есть убыток для другого. Купец выигрывает от безумия юношей, и архитектор от разрушения домов. Вот врач, который будет жить от вашей болезни, и священник, которому ваши похороны заплатят за обед». И Монтэнь, усомнившись в возможности и необходимости гармонии, вполне консервентно призывает к отречению от т.н. общества, убеждая, что каждый может вполне довольствоваться собою, что «себя изучать, себя познавать, собою восхищаться, собою обладать и довольствоваться собою составляет высшую мудрость и цель жизни». Не надо даже связывать себя браком, дабы не видеть на

смертном одре слез жены и детей, не слышать их рыданий и не чувствовать всю ложь и лицемерие т.н. сострадания. Неудивительно, поэтому, что Ган Ринер называет Монтэня «трусливым индивидуалистом» (*individualiste lâche*), несмотря на то, что Монтэнь стремится оправдать свою теорию эгоизма, ссылаясь на несоциальный характер человека и, следовательно, на законность эгоизма. Если человек не относится к категории социальных животных, то нечего ему туманить голову разного рода идеями социального устройства; нечего его оболванивать разными теориями и идеалами, которые только препятствуют его свободному и полному самопроявлению.

Монтэнь, как мы видели, чувствует некоторую потребность в оправдании своей теории; он ищет некоторой правовой предпосылки и законного обоснования своих утверждений. Об этом совершенно не заботится Штирнер, ибо для него понятия законности, справедливости, истины etc. вообще не существуют. Для него все закончено, что человек считает таковым, ибо право и закон в нем, — в Я, которое одно реально и неоспоримо, все же остальное является только мифическим, бредовым сознанием этого Я; и недостойно, поэтому, вполне освободившегося человека бояться созданий своего большого воображения. Принципы же добра, справедливости, любви, солидарности etc., которые являются атрибутами только несвободной и неполной личности, — те же денежные знаки: они мыслимы только как средство общения и обмена. Но раз человек (как утверждает Монтэнь) может и должен вполне и исключительно довольствоваться самим собою, то, следовательно, лишни средства обмена; раз он — не социальное животное и не нуждается в общении, то ясно, что ему не нужны и средства общения, как не нужны телеграф, телефон, почта и железные дороги отшельникам, эремитам и аскетам. Итак, хоть и разными путями, Монтэнь и Штирнер приходят к одному и тому же заключению. Первый опираясь на несоциальный характер человека, второй — на реальность одного только Я, оба считают, что Я это должно руководствоваться исключительно своими инстинктами, не думать о последствиях, не заботясь о результатах и

*) См. «А. В.» №№ 1 и 3—4.

не ограничивая свое самопроявление ненужными соображениями о благе своих ближних.

Но если произвольны утверждения Штирнера; если соображения Монтэня — только гипотеза; если человеку вовсе не чужды элементы социальности, то не приведет ли игнорирование этих элементов к взаимному игнорированию личности, к постоянным конфликтам и столкновениям, ко взаимному истреблению и пожиранию, во избежание чего обществу и необходим, по мнению большинства социологов, государственный аппарат, как насильственный регулятор во взаимоотношениях его членов, а также все атрибуты этого аппарата: кодексы и своды законов, устанавливающие некоторое равновесие между ними; судьи и трибуналы, разбирающие и устанавливающие законность и произвольность поступков их по отношению к законам; полицейские, как блюстители; тюрьмы, виселицы, ссылки, пытки и иные меры устрашения, «внушения» и возмездия; тюремщики и палачи, как исполнители, — одним словом, вся та скорлупа, вся та надстройка, против которых индивидуалисты и направляют, главным образом, стрелы своей критики, справедливо считая их ненужным стесняющим коконом. Ведь было бы непростительной узостью и близорукостью обвинять всех сторонников государства во властолюбии и корыстолюбивых поползновениях. Многие из них действительно и искренно убеждены в том, что абсолютное, внешне-неограниченное самопроявление личностей неминуемо приведет к их взаимному игнорированию и антагонизму, и весь мир, вследствие этого, превратится в огромное скопище зла, несправедливости и преступлений, в ад, в тартар, в Содом и Гомору, где торжествует кулак и превосходство грубой физической силы; где слабый, не наделенный природой в достаточной мере усовершенствованными способами самообороны и лишенный также защиты и опоры извне, легко станет добычей более сильного, и земной шар неминуемо превратится в огромную кровавую арену, а вся жизнь — в пресловутую «войну всех против всех» со всеми ее последствиями и результатами.

Хорошо, — говорят сторонники государства, — если человек действительно родился «христианином» со всеми положительными свойствами, как это думает, напр., Ж.-Ж. Руссо, приписывая все беды пагубному влиянию дегенерирующей цивилизации; хорошо, если бы эти свойства руководили его поступками. Но что, если прав, напр., Гобс, признавая эти положительные зародыши человека, но признавая также неминуемыми, в своем роде фатальными эти пагубные метаморфозы, как естественное последствие жизненных условий; или если прав, напр., Ницше, доказывая абсолютное равноправие добра и зла, как взаимное

дополнение положительных и отрицательных свойств человека, одинаково равноценных, необходимых и законных; доказывая, что, следовательно, нельзя, не посягая на целостность человека, требовать и ожидать только тех, а не иных поступков, и что все они в одинаковой степени находят свое оправдание в источниках, заложенных в человека природой, для которой не может быть ни пасынков, ни законнорожденных... А если так, если человек, отбросив всякое внешнее давление, базируясь только на внутренних санкциях своего Я, не признавая ни за кем никакого права перегибания и выравнивания, будет, вслед за Штирнером, повторять, что «*meine Macht bin ich selbst*» (моя власть — я сам); что «я на все имею право, если только в состоянии им завладеть», и не только по отношению к себе подобным, но — «я имею также право низвергнуть Зевса, Иегову, Бога, если только в силах это сделать»; что «я даже в праве убивать, если сам не воздерживаюсь от убийства, как от бесправия (*Unrecht*)»; что «нет вне меня иного права»; что «то право, которое мне дает природа, бог или народное избрание, — чужое право (*das fremde Recht*), которое я сам себе не даю или беру», — если это так, то можно ли надеяться на исчезновение несправедливости и произвола, можно ли мечтать о гармонии, о мире, о равенстве и братстве? Правы, конечно, по-своему Монтэнь и Ницше. Первый не верит в гармонию и вместо мира видит только междоусобную войну. Второй считает идеал равенства и братства только фикцией и самообманом. Но Монтэнь и Ницше — не человечество; а это последнее, так или иначе, все же стремится к идеалу эгалитарности, к гармонии и миру.

Вот почему многие, стремясь толкать человечество вперед к этой цели, видят в государственном устройстве общества надежное и верное орудие для ее достижения, возлагают на него святую миссию неспровергнутого грозного, но справедливого бога, который, в противовес своему созданию солнцу, проводит резкую грань между праведными и нечестивыми, казня одних муками ада и вознаграждая других прелестями рая, защищая слабого, удерживая сильного etc., etc... Государство для них — единственная гарантия для реализации идеала, — единственное, хотя и временное, но верное средство для достижения цели; и если, порою, средство это оказывается суровым и жестоким, то зато его оправдывает цель... А если цель будет достигнута, то не будет надобности в этом средстве: государство, выполнив свою историческую миссию, станет лишним, как кокон для развившейся бабочки, и исчезнет. «Общество, — говорит Энгельс, — которое организует производство на основах свободной и равной ассоциации всех производителей, перенесет машину государства

туда, где отныне будет его место: в музей старины и древности, рядом с прялкой и каменным топором». Итак, общество, опираясь на авторитарную силу большинства своих членов, имеет право, при помощи усовершенствованного государственного аппарата, подчинить личность воле этого большинства, основываясь на том, что это необходимое зло (*notwendiges Uebel*) в конечном счете приведет эту же личность к полной и столь желанной эмансипации, т.-к. свободная личность возможна только в свободном обществе. Этими руководились и руководятся, главным образом, сторонники т.-н. социалистического государства, надеясь при помощи *сюр д'Etat* оздоровить общество и эмансипировать отдельные его составляющие личности.

Но, в силу каких-то фатальных законов, вместо «во здравия» получается «за упокой»: получается то, что и волк не сыт, и овцы не целы, что общество больно и личность несвободна.

Неудивительно, поэтому, что после стольких безуспешных и безрезультатных попыток общества достигнуть своей цели при помощи государственного аппарата, после стольких разочарований и фиаско, жаждающая освобождения личность проникается духом скептицизма, теряет постепенно веру в спасительное свойство и мессианские возможности государства и ищет иных путей для своего освобождения. Неудивительно, что, задышавшись в обществе, она судорожно ищет иных пор и выходов и прибегает к иным методам и средствам. Не раз, при виде этого все глубже и глубже в мрак погружающегося общества, раздавалось, как при виде тонущего корабля, отчаянное «спасайся кто может!»... И многие, отчаявшись, послушались крика...

Некоторым, в страстном стремлении к освобождению, в неудержимом порыве спастись, кажется достаточным «посыпать пеплом главу», взять посох в руки, котомку на плечи, шагнуть чрез голову общества и, оставив своих спутников, спастись «кто как может», одиноко двинуться вперед к обетованной земле свободы. С этой соблазнительной мечтой долго и упорно, до гроба боролся Толстой; в конце концов, он бросил все и пошел; но дальше Астапова, как мы знаем, он уйти не мог... Многие судорожно и конвульсивно билась в холодных объятиях этого умирающего общества, не имея, как Жан-Жак Руссо, Микель Анжело и др., достаточно сильной воли вырваться. История насчитывает немало таких трагических личностей. Но вернулся, в конце концов, Иоанн Креститель из пустыни к людям... Оставил и свою узкую монастырскую келью отец Сергей (князь Касатский) и вернулся в мир. Покинул также и Заратустра свою пещеру и спустился в долины — к хуторам и селам... Многих соблазняла жизнь циклопов, о которых Гомер

говорит, что «нет между ними ни пастбищ народных, ни общих советов; в темных пещерах или на высоких горных вершинах живут они вольно; над женой и детьми безотчетно там каждый властвует, зная себя одного и о других не заботясь». Но история вопять не идет, во что, несмотря на душевные муки и жестокую действительность, упорно отказывался верить Руссо.

Итак, общество не в состоянии освободить личность при помощи государства; полное самоосвобождение личности тоже невозможно.

Где же выход и есть ли он? Разве — поработенность личности, «вооружившись критикой относительно форм, ею созданных», образовать «партию критически мыслящих личностей и революционным путем бороться с общественным строем, препятствующим развитию этой личности и торжеству справедливости», как предлагает Лавров? Но ведь и это, в конце концов, создает новый род авторитета, внешней власти коллектива «критически мыслящих личностей»; получается новая окостеневающая форма, и личность из огня попадает в полымя. К тому же и Лавров в государственном аппарате видит вполне достойное и надежное орудие освобождения. Или же, поверив теории Фр. Ницше, что «всюду, где есть жизнь, есть также стремление к власти (*der Wille zur Macht*)», и что «чувство это одинаково присуще как поработенным, так и поработителям», — стремиться к этой власти, как к конечной цели? Но ведь и это, в конце концов, неминуемо приведет к тому, к чему konsekventно приводит и философия Штирнера: — к отрицанию идеала равенства и братства. Ницше, как известно, не отказывается пожинать плоды своей теории. Для него агалитарные загляния — только фикция; он видит в них опасные зародыши декаденства, нападает поэтому сурово на социализм и прокликает христианство... как рассадник этих идей. Ницше не останавливает трагические последствия его теории стремления к власти. Он, как и Дарвин, знает, что эта суровая беспощадная война неминуема; но его утешают перспективы этой борьбы: — она даст несколько усовершенствованных типов человека или сверх-человека, а в этом, как мы видели выше, Ницше видит цель человечества. Но мы, конечно, не можем согласиться с Ницше, как не мог в свое время Кропоткин согласиться с Дарвином...

Вот почему, не оставляя своей эклектической базы, не замыкаясь в узкие формы догматизма, а беря жизнь в ее всесторонних проявлениях, как совокупность различных эмоций, руководящих людьми в их взаимоотношениях, мы не можем подвести весь ансамбль этих эмоций под одну догму, признавая ее единственно законным и реальным двигателем человечества на пути прогресса. Кропоткин, не отрицав

теории борьбы за существование Дарвина, наглядно доказал наличие и иных факторов, обуславливающих возможность существования, как напр. солидарности, которой он, как мы знаем, придает не меньше значения, чем борьбе. И мы, не отрицая необходимости отречения от внешней санкции морали, которая, как это показал Штирнер, является только паутиной для свободного самопроявления личности, не отрицаем также наличия в каждом человеке чувства стремления к власти, как доказывал Ницше, все же не можем считать его единственным двигателем в жизни людей, ибо для нас идеал сверх-человека является идеалом не только человечества, но и каждого отдельного человека, в котором, выражаясь словами Толстого, тлеет искра божья, т.е. зародыш или возможность ницшеанского сверх-человека, и от воли которого в известной степени зависит, развернуться ли этому зародышу и расцвести или задохнуться в эмбриональном состоянии.

Вот почему, сознавая всю важность самоосвобождения от ложных принципов морали, вполне учитывая все значение воли к власти (не над себе подобными, как этого хочет Ницше, а над самим собой), как необходимого условия идеала сверх-человечества (или совершенного человечества), вполне соглашаясь со Штирнером в необходимости искания правовых санкций внутри себя, в своих инстинктах, а не извне, — мы, тем не менее, не можем допустить, чтобы право это было, т.е., самодержавным и прояв-

лялось без какого бы то ни было контакта с остальными элементами его «я» в целом и с разумом в частности, и без всякого соотношения с остальными существами, составляющими человечество, стремящееся и двигающееся, хоть и зигзагами, с передышками и паузами, вперед к своей заветной цели. Ибо право, опирающееся только на один из составных элементов «я», — на волю к власти, на инстинкт самосохранения и т.п., — неполное право. Настоящее же неоспоримое право, это, — как говорит Прудон, — «чувствовать и утверждать человеческое достоинство сначала во всем, что нам свойственно, а затем в личности своего ближнего, и это — без всякого обращения к эгоизму, без всякой предвзятости божественности или общечеловечности». А это право не только не противоречит здравому человеческому разуму, который, по Толстому, должен играть роль путевода для слепых инстинктов, но, наоборот, право это, опираясь на разум, несомненно бы толкало человека к тому, что Прудон считает основой жизни: — к справедливости или, выражаясь его словами, к тому, чтобы «быть готовым при всяком случае взять энергично, и при нужде даже против самого себя, защиту этого достоинства».

А сознание этого права и разумное стремление воплотить его в жизнь путем справедливости, несомненно, привело бы личность к эмансипации от вековых пут тупости, бесправия и произвола.

Ефрем Полонский.

НАША БОЛЕЗНЬ

Уважаемые Товарищи

Редакц. Колл. «Ан. В.»!

Очень прошу Вас не отказать поместить на страницах «А. В.» прилагаемую статью, хотя последняя является лишь возражением на статью т. Худолея, напечатанную в № 48 «Волны». В свое время я в «Волну» ее и направил. Но, к сожалению, редакц. колл. «В.» не дает мне возможности высказать свое мнение по отношению к статье т. Худолея.

В случае, если, по тем или иным соображениям, Вы не найдете нужным поместить мою статью в «А. В.», то прошу Вас возвратить мне статью без странных приписок, как это сделала редакц. колл. «Волны»: «Поместить Вашу статью на страницах «В.» редакц. колл. находит невозможным. Являясь членом группы, издающей свой журнал, у Вас есть полная возможность печатать свои статьи в том же органе... в издании которого Вы принимаете участие».

Не странно ли? Ругательную статью помещают, а возражение на нее «ред. колл. находит невозможным помещать», ссылаясь на то, что у меня-де есть «свой журнал», в котором я, как член группы, издающей его, могу помещать, что мне вздумается.

Мне кажется, редакц. колл. «В.» рассуждает неправильно: у меня нет своего собственного органа, где бы я, по своему капризу, делал, что мне нравится. Так же и у Вас, товарищи редакц. колл. «Волны», журнал «В.» не должен быть собственностью того, кто его издает или редактирует: он принадлежит всем идейным рабочим, которые его поддерживают морально и материально, которые им интересуются. И мне думается, что на страницах таких органов всякий рабочий или группа имеет право высказать свое мнение по тому или иному предмету.

С тов. приветом

С. Горбунов.

От ред. «А. В.». — Редакция «А. В.» находит совершенно излишним отвечать по существу на неприличную и лишенную всякого смысла «статью» т. Худолея. Редакция решила оставить таковую без ответа, находя неудобным и неуместным занимать страницы журнала ответами на подобные выпады. В виду того, однако, что журнал «Волна», поместивший статью т. Худолея, отказался поместить ответную статью т. С. Горбунова, ред. «А. В.» считает себя обязанной дать место этой статье.

* * *

В № 48 «Волны» напечатана статья т. Худолея: «О наших разногласиях». Автор статьи, находящийся в Москве, с первых строк пишет следующее:

«Недавно в Америке появилась группа (впрочем, корни ее нужно искать в России), которая недовольна тем, что анархизм, в процессе своего развития, разделился на самостоятельные ветви. Она хочет, содрвав по лоскуткам с каждой веточки, прибавить к существующим фракциям новую — лоскутную, наивно воображая, что преодолевает таким образом фракционные различия».

Из приведенных слов видно, что автор обвиняет упомянутую группу в стремлении образовать новую фракцию в анархизме. Если бы это было так, то я вполне согласился бы с автором, осуждающим упомянутую группу. В самом деле, к чему дробить и без того раздробленные наши анархические силы? Нам нужны не фракционные ручейки, ведущие между собою взаимонеприятную борьбу, а могучее анархическое движение, которое бы смогло осуществить анархические идеи. Но так ли это на самом деле? Оказывается, что гнев т. Худолея имеет под собою совершенно другое основание, — именно не борьбу за единство в анархизме, а наоборот — борьбу против принимаемого объединения анархических сил. Он говорит, что еще на страницах «Вольной жизни» в статье «Лоскутное одеяло» он выступил против объединенного анархизма. Теперь же на страницах «Волны» он исправляет свою ошибку, говоря: «что несмотря на громкую рекламу единства и синтеза, в объединенном анархизме нет элементов коммунистического анархизма... «Это не триединый анархизм, а только два лоскутка, сшитые белыми нитками: индивидуализм и синдикализм. О вольной коммуны только один разговор». Так рассуждал т. Худолей, несколько не заботясь о том, что главной силой объединенного анархизма на практике в России были анархисты-коммунисты, боровшиеся за анархическую коммуны на практике, а не в больших словесных спорах.

Критикуя анархо-индивидуализм и анархо-синдикализм, он старается доказать, что оба эти течения в анархизме представляют что-то ужасное, но доказательств ни теоретических, ни практических не приводит, а ограничивается одними голыми утверждениями, что, мол, анархо-индивидуализм — буржуазная идеология, а анархо-синдикализм — государственная (должно-быть, тоже буржуазная?). В объединенном же анархизме он видит не более, как реформированную советскую республику. В доказательство этого он приводит следующее место из резолюции «Набат»: «Анархист должен постоянно и упорно агитировать за создание, вместо нынешних Совдепов, истинных советов рабочих и крестьянских организаций — беспартийных и безвластных, подлинно объединяющих местные организации по предприятиям и деревням и действительно способных осуществить организацию нового строя». Тов. Худолей вопрошает: «что это: анархическая коммуна или советская республика?» И отвечает, что это советская республика. Признаюсь, я, как простой малограмотный рабочий, совсем не убежден бездоказательными заявлениями тов. Худолея, особенно принимая во внимание то, что заявления его наполовину перемешаны с возмутительной руганью, недопустимой в анархической среде. Я думаю, что и редакция «Волны», и другие товарищи могут только благодарить случай, по которому часть письма, где тов. Худолей особенно разошелся в своих ругательствах, утерялась в дороге (как заявляет редакция «Волны»).

Обругав и раскритиковав набатовское движение и объединенный анархизм, тов. Худолей выставляет, в качестве анархической коммуны, следующее: «Мы полагаем, что сразу можно уничтожить государство, но не сразу удастся установить коммунизм. Хозяйство преобразуется постепенно... Некоторое время и в некоторых местах вероятно будет существовать денежная система, как остаток капитализма. Но остатков государства не будет никаких. В экономике может быть эволюция, но в политике — только революция».

Вот это называется анархической коммуной — в экономике капитализм (денежная система и пр.), а в политике анархизм. — Новую теорию в анархизме открыл тов. Худолей. — Я бы спросил его, почему бы не свернуть шеню капитализму, как и государству? Да и как можно разрушить государство, не разрушив в корне капитализм?

Но возникает еще вопрос: — Как вы свою коммуны с буржуазными хвостиками проведете в жизнь? Ведь вы же сами говорите, что не сразу удастся установить коммунизм после

установления анархизма. Где вы его (анархизм) установите? И потом — кто, как и с кем установит его? Ваш ярлык или главари? Я думаю, что и тов. Худолей согласится, что, не объединившись, невозможно осуществить ни анархизм, ни коммунизм.

Недавно в Германии имел место факт*), из которого видно, как следует приступать к анархическому делу, а именно — объединив все силы революции в одно целое. А раз дело идет об объединении, то в это объединение войдут и а. - к., и а. - с., и а. - и., хотя бы Худолей и его единомышленники и противились этому. Вернее всего, они убегут от такого объединения, как в свое время многие крикуны боялись и бежали от повстанческого махновского движения.

«В экономике может быть эволюция, но в политике — только революция», — это ваши слова, тов. Худолей, и вряд ли кто из революционных анархистов согласится с ними. Мы всегда считали и считаем, что разрушение государства (политическая область) должно идти революционным путем. И захват земли, фабрик, заводов и всех орудий и средств производства рабочими и крестьянами (экономич. область) тоже должно осуществляться революционным путем. Проповедывать эволюцию могут люди, совершенно не знакомые ни с капиталистической системой, ни с революционной борьбой трудящихся, и место таким героям не в анархических рядах, а в кадетских или меньшевистских.

Махновское движение, по мнению Худолея, «дает блестящий пример анархического разрушения, но оно лишено всякого творческого содержания, благодаря глубоко-антианархической и совершенно бессмысленной агитации за «вольные советы».

Мы должны сказать, что в этой характеристике махновщины много неправды. В повстанческом районе были свободные коммуны, об-

единявшиеся в вольные советы. Об этом ясно говорится в «Истории махновского движения» П. Аршинова на стр. 84—85. Кроме того, всегда следует спросить критиков махновщины, как Худолей и ему подобные, где они были в то время, когда повстанческое движение, борясь на нескольких фронтах, билось в муках социального творчества, нуждаясь в анархических работниках?

Почему тов. Худолей и ему подобные не явились к революционным крестьянам-повстанцам и не указали им, как следует «сразу» ввести анархию? Хотелось бы знать, где в 18—19—20 г.г. находился тов. Худолей и что он делал.

Прочитавши № 1-ый «Анарх. Вестн.», тов. Худолей без разбора всех выругал: одних назвал «левой фракцией», других — «правой фракцией», а третьих — «черт знает чем». Кропоткина упрекнул в том, что «он последнее десятилетие своей жизни слишком легко относился (не по-худолеевски) к анархо-синдикализму».

В конце своей статьи тов. Худолей просит, чтобы кто-то «не рядился в профессорский фрак», просит «не вносить путаницу и дезорганизацию в наши ряды». Спросим его, а чем же, как не путаницей и дезорганизацией, является все его выступление? Писать ругательные письма и ничего не доказывать, косячить всех направо и налево — не значит ли это вносить самую преступную дезорганизацию в анархические ряды? Подобное геройство с его стороны полезно «красным москвичам», но никоим образом не анархизму.

Пора бы нам обратить серьезное внимание на болезнь ругани, разъедающую наши ряды, и взяться за изгнание ее из нашей среды. Болезнь эта, как эпидемия, разрастается, разлагая и дезорганизуя наши силы. Надо положить ей конец. Не дело анархистам опускаться до разных «лоскутьев» и лохмотьев. Время всем нам взяться за общее анархическое дело. От этого анархическое движение только выиграет.

С. Горбунов.

*) Благодаря раздроблению рабочих сил, не удалось революционное выступление в конце 1923 года.

Современное положение в России

1. Общий обзор.

Господствующий сейчас в России государственно-коммунистический капиталистический строй трудно определить старыми шаблонными терминами политической экономии: коммунистический ли это капитализм или капиталистический коммунизм? Сам Ленин определял уже неоднократно этот строй, как исторически неизбежное сожительство четырех форм собственности. Обанкротившись в своих попытках урегулировать по единому плану хозяйственно-экономическую жизнь страны, правящая партия пошла на соглашение с частью старой буржуазии, предоставив ей свободу эксплуатации народного труда. Но «командные высоты», как они называют крупную индустрию, остались все-таки в руках пролетарского государства, т.е. Всероссийского Совета Народного Хозяйства и разных трестов. Но все предприятия совнархозов и трестов переведены на хозяйственный, т.е. буржуазно-капиталистический расчет. В этих «пролетарских» государственных предприятиях царит один только бог — червонец. Ведь хвастался же недавно нарком внешторга Красин тем, что червонец стал такой же устойчивой валютой, как и доллар! И вот эта червонная вакханалия, разыгрывающаяся в нашем социалистическом отечестве, является одной из причин кризиса, переживаемого сейчас. Тяжелая индустрия, находящаяся в руках государства, — в положении... катастрофическом. В государственной торговле застой: крестьянину, рабочему и вообще бедняку не на что покупать фабрикаты государственной промышленности. А казенные публичисты утешаются тем, что такие кризисы свойственны капиталистическому строю тоже. Да, пусть запомнит рабочий Европы и Америки, что грядущий государственно-коммунистический строй не избавит его от всех прелестей современного строя, как голод, безработица, кризис и т.д. И не даром Муссолини, американские сенаторы и французская буржуазия собираются наконец-то принять СССР

в семью цивилизованных государств. Государственный коммунизм окончательно выявил свой буржуазно-реакционный лик. Вот почему часть международной буржуазии добивается соглашения с советской буржуазией. Пока идут на соглашение только те круги международной буржуазии, которые убедились в контр-революционной роли советской власти на международной арене, — убедились, что своей внутренней и внешней политикой она убила социальную революцию на западе.

Перелом в настроениях зарубежной белогвардейско-петлюровской эмиграции, а также внутренней буржуазии и интеллигенции; принятие значительных кругов этих группировок советской властью; переход на ее сторону таких ярких фигур, как Славцев, Тютюник и Грушевский, — все эти явления и факты подтверждают всю правильность нашего анализа государственно-коммунизма, как контр-революционного по своей сути и реставраторского по своей тенденции. Вот почему господствующая сейчас в России коммунистическая партия, как партия порядка и твердой власти, начинает импонировать даже черносотенным монархическим элементам; вот почему крепнет и усиливается «сменовеховство», возглавляемое правыми октябристами: Бобрищевым-Пушкиным, Ключевским и правым крайним монархистом Шульгиным. «Сменовеховство», это — идеология той политической воспитанной и умной части интеллигенции и буржуазии, которая, получив вновь привилегированное положение, видит в институтах насилия, созданных компартией, как защиту от народных революций, так и орудие восстановления своего политического господства. В кругах духовенства тоже побеждают течения живой церкви, признающие существующую власть, как национально-государственную силу. К последним октябрьским торжествам синод обновленной церкви разослал циркулярную телеграмму, предписывающую служить молебны по случаю праздника. А еще раньше всероссийский церковный собор постановил выступить с проповедью в пользу сов-

власти. Так все темные силы старого мира концентрируются вокруг «рабоче-крестьянского правительства». По меткому выражению одного «сменеховца», новая Россия, которая создается, это — синтез коммунистического Аракчеева и капиталистического Тита Титыча.

Положение рабочих масс в городе, несмотря на кажущееся улучшение в связи с предоставлением свободы частному капиталу, становится все более и более невыносимым во всех отношениях. Заработная плата, переведенная на реальный рубль, все больше понижается: цены на продукты первой необходимости в течение месяца повышаются на 500%. Заработная плата М.-Б. ж. д. за сентябрь текущего года равнялась 6 000 000 000 плюс даровой проездной билет и казенная квартира. Даровой билет (так-называемая «провизионка») выдается железнодорож. рабочему для поездки за покупкой дешевых продуктов, т.-е. для спекуляции. Свободы спекуляции и торговли, свободы «обогащаться» и свободы умереть с голоду не лишен рабочий класс в России, как и всюду. На всех фабриках и заводах введены сдельная плата и потогонная система Тейлора. Эта система развивает среди рабочих самые низменные инстинкты, убивает инициативу товарищеской солидарности и ведет к физическому вырождению. В особенности в швейной промышленности, где введена эта потогонная система, положение рабочих ужасное. Для того, чтобы выработать сдельно несколько червонцев в месяц, рабочий должен напречь все свои силы. Следствием такой интенсивной работы является массовое заболевание туберкулезом. В Киеве на государственно-швейной фабрике медико-санитарная комиссия по охране труда нашла половину рабочих больными туберкулезом. Так что при такой системе труда 8-ми часовой рабочий день, которым так гордятся казенные писаки, является в России фикцией. Что же касается рабочего законодательства, «Охраны детства и материнства», а также всех комиссий по улучшению быта рабочих, то все это — жалкая каррикатура на буржуазное законодательство и филантропию. Хотя по дипломатическим мотивам, высказанным ленинским «чего изволите», Стекловым, статья, карающая за забастовку изъята из нового уголовного кодекса, но фактически, согласно резолюции последнего съезда Р. К. П., забастовки в пролетарском государстве даже на частном предприятии считаются недопустимыми, т.-к. наносят ущерб развитию производительных сил. Так в красной деспотии, под охраной коммунистической жандармерии, частный и государственный капитал разедаёт тело и душу рабочих.

2. Настроение рабочих масс.

Никогда еще рабочий класс не был так распылен, деморализован, как сейчас в России. Поработив его политически и экономически, власть старается будить в нем только самые низменные плуточные инстинкты. Система провокации и предательства культивируется в широких размерах на фабриках и заводах. «Рабочее» правительство не брезгает никакими средствами для борьбы с рабочим движением, а также для фабрикации выгодных ему настроений. Рабочие, жестоко обманутые правящей партией большевиков, в октябрьские дни обещавших ему полную свободу, а в настоящие дни показавших свои волчьи зубы, разочарованные и разбитые, не верит никому и ни во что. Пользуясь усталостью, равнодушием и инертностью масс, власть имущий душил все смелое, честное, прикрываясь именем рабочих. Рабочий, стуганный комьячками, завкомками и правлениями профсоюзов, которые являются органами чисто полицейскими, покорно молчит. Глубоко затаив в своем сердце злобу и ненависть к существующей власти, рабочий ушел в себя. Но наружное спокойствие, кужущееся таким невдумчивому наблюдателю, является обманчивым. Глубоко в недрах рабочих масс зреют и нарастают элементы недовольства, которые в известный момент могут вылиться во все сметающую бурю: в августе и сентябре прошлого года, — в то самое время, когда Стеклов и др. борзописцы писали на столбах «Правды» о тесной связи и доверии рабочего класса к советской власти, — по Питеру и Москве прокатилась волна забастовок. В Москве бастовали прохоровская мануфактура и жел.-дор. мастерские. Хотя забастовки были вызваны чисто экономическими причинами, власть испугалась, опасаясь, чтобы эти забастовки не стали кастрофическими для нее. Начались массовые аресты и обыски, заработала красная жандармерия во всю, вылавливая все «крамольное» и «неблагонадежное». Среди рабочих этими мерами им удалось предотвратить готовящуюся жел.-дор. забастовку по линии Москва—Брянск. Но сильные еще к несчастью в умах рабочих идеи государственности и власти, и если в некоторых предприятиях забастовками руководили анархисты, то надо отметить преобладающее влияние меньшевиков во время забастовок. Много ошибок совершат еще рабочие массы: много уроков, купленных дорогой ценой, они еще получают, пока освободятся от трагической для них веры в «лучшую власть» и подойдут к единственному верному разрешению рабочего вопроса — к уничтожению капитала и всякой власти во всех ее видах и формах.

3. Голод, безработица и „пре- ступность“ в Советской России.

Если рабочий, занятый в производстве, ведет полуголодную жизнь, то положение безработного — кошмарное. «Счастливишки», зачисленные на так называемое социальное страхование от безработицы, получают жалкие гроши. А кадры безработных растут все больше и больше. В одном только Киеве зарегистрировано свыше тридцати тысяч безработных, а сколько незарегистрированных и снятых с учета на бирже? Ведь за нарушение какой-либо формальности, как, например, за неявку на очередную регистрацию, в Москве на бирже исключают из числа безработных. Стон, крики и плач безработных слышатся в Москве на бирже труда.

Приезжих инородных московская биржа труда отказывается принимать. С 22-го декабря по всей России начинается перерегистрация безработных, имеющая целью чистку и фильтрацию. Причины безработицы, как мы уже выше указывали, лежат в кризисе государственной торговли, так-как рабочие и крестьянская беднота не могут приобрести страшно вздорожавшие фабрикаты государственной промышленности. Потому-то и сокращают производство. Но есть еще одна причина безработицы: это — просто тайные локуты тех заводов и предприятий, которые попали в разряд «неблагонадежных». Стоит только какому-нибудь заводу провалить коммунистов на выборах в совет или угрожать забастовкой, как его закрывают и рабочих расчитывают. Спустя немного времени после закрытия набирают новый штат рабочих и «сокращенное» предприятие опять начинает функционировать. В 1922 году были закрыты огромные железнодорожные мастерские, находящиеся в городе Конотопе Черниговской губернии. В этих мастерских в свое время работала группа анархистов, которая имела большое влияние на рабочих. Следы этой работы остались и до последнего времени. Желая обезопасить себя от беспокойного элемента, власти закрывают железнодорожные мастерские и расчитывают всех рабочих. Спустя некоторое время был объявлен набор другого штата рабочих. Обращали внимание при новом наборе не столь на квалификацию, сколь на благонадежность. Причем каждый вновь поступающий на работу должен был дать подписку в том, что он беспрекословно будет подчиняться всем распоряжениям начальства.

Массовое сокращение, предпринимаемое только для того, чтобы избавиться от неблагонадежных элементов, значительно увеличивает кадры безработных. Всегда панически настроенная, трусливая и лицемерная коммуни-

стическая власть мечется из стороны в сторону, бессильная что-нибудь сделать. Объясняясь в пламенной любви к рабочим, представители этой власти и официозные писатели стараются им доказывать, что безработица и сокращение производства, это — в интересах укрепления производства и следовательно в интересах пролетариата. А потому нужно терпеть и ждать, пока мифическое развитие производительных сил приведет в обетованное царство небесного коммунизма. А что касается голода, то ведь не единым хлебом жив человек. За последнее время губкомы и райкомы получили инструкцию усилить политработу и культработу среди безработных. По «царством небесным сыт не будешь». Голод и нужда толкает женщину на проституцию. Проститутки и дети улицы, это — новое социальное явление в жизни России. Голодные и обворованные, как собаченки, валяются дети на улицах, попрошайничают и с малых лет приучаются к воровству. А рядом — дразнящие и манящие витрины магазинов, полные яств и деликатесов. Голодные, измощенные и исхудалые, как тени, бродят по улицам больших городов безработные, а в ресторанах, наполненных изпмановской и комиссарской буржуазией, гремит музыка. Яркое выраженное социальное неравенство резко бросается в глаза, вызывая так-называемую «преступность»: налеты, грабежи, кражи и раздевания на улицах принимают колоссальные размеры. Ретивая и честная коммунистическая власть стоит на страже частной собственности и богатства. Тюрьмы переполнены рабочими и крестьянами, попавшими за преступления, на которые их толкнули голод и нужда.

4. Положение и настроение крестьянства.

Подавив огнем и мечем крестьянские восстания в России и на Украине, коммунистическая власть окончательно разорила крестьянское хозяйство. Карательные экспедиции действовали в деревне, подобно опричникам Ивана Грозного. Целые деревни сравнивались с землей; убивали стариков и детей, насиловали женщин. Благодаря варварской системе заложничества и круговой поруки, были пролиты потоки невинной крови. Такой участи подвергались деревни и села особенно в районе действий Махно. Эта карательная политика, подрывавшая в корне крестьянское хозяйство, вызывавшая сокращение посевной площади, и была главной причиной голода, а не только солнце, которое обвиняли во всем случившемся казенные экономисты. Показательно, что именно районы повстанчества, как Екатеринославщина и Поволжье были наиболее поражены голодом. Ка-

ким же цинизмом дышали слова Калинина, сказанные им беженцам из Екатеринославщины во время их пребывания в Каменец-Подольске в 1922 году: — «Вы видите, чего вы добились вашей махновщиной!».

Несмотря на замену продрозверетки продналогом, попрежнему выкачивают все из деревни, грабя и так разоренное крестьянство. Запуганные и усталые крестьяне молчат. Села и деревни наводнены массой тайных и явных агентов власти, среди которых преобладают старые царские охранники*). Бывшие городовые, жандармы, а также разные темные личности заседают в так-называемых комнезамах. Крестьянство переживает глубокую психологическую реакцию. То там, то здесь вспыхивают иногда индивидуальные и разрозненные выступления, как протест против насилия. Но если к коллективным революционным выступлениям крестьянство неспособно в настоящий момент, то зато дезертирство крестьянской молодежи из красной армии стало повальным. Отношение крестьян к существующей власти, красной армии и др. институтам насилия пассивно-враждебное, выжидательное. По отношению к войне крестьянство и рабочий класс настроены пораженчески. Гнет и произвол большевистской власти над рабочими и крестьянами достигли своего апогея, и им безразлично, будет ли их эксплуатировать польский или советский помещик, частный или государственный капитал. Вот почему, хотя публицисты из «Правды» бражуют картонными мечами, дипломаты из Кремля, учитывая настроение масс, готовы идти на все уступки международному империализму ради сохранения своей власти.

5. Саморазложение и кризис правящей партии.

Потеряв почву под ногами, стоящая у руля правления партия большевиков запуталась в своей собственной шерсти. Начав с объявлением себя ориентироваться на буржуазию, она начинает перерождаться в открыто буржуазную группировку, сбрасывающую все этикетки и фиговые листочки. Оторвавшись от масс, не имея никакой опоры в них, партия боится именно этого перерождения, ибо тогда часть непримиримой буржуазии, или другие борющиеся за власть политические группировки безболезненно, при равнодушии созерцании масс, займут ее место. Она боится дворцового переворота, который в данный момент может

устроить любая кучка властолюбцев белого или красного цвета.

В этой опасности партия лавирует, придумывая каждый раз искусные шахматные ходы. Как, оставаясь «рабочим» правительством, удерживать в своих руках власть? На этой почве внутри партии борются несколько течений. Большинство Ц.К. стоит за методы Красина — за логическое завершение нпа до конца. По их мнению, только частно-хозяйственный почин и инициатива частного капитала способны вывести страну из того тупика, в который завел ее государственный коммунизм.

Против этой открытой буржуазно-хозяйственной идеологии напманов и трестов восстают коммунистические литераторы, а также комиссарская знать, стоящая за ограничение нпа или даже за его ликвидацию. Это — сторонники восстановления военного коммунизма. Есть в партии и сторонники «синдикалистской государственности», стоящей за передачу власти существующим профсоюзам. Это — преимущественно профсоюзная бюрократия. Есть в партии течение, добивающееся орабочения партии, мечтающее о действительной «рабочей власти». В сентябре текущего года в Москве была арестована подпольная организация «рабочей» оппозиции, издававшая в течение почти двух лет подпольную газету и периодически выпускавшая листовки. В связи с этим в Москве были произведены массовые аресты «неблагонадежных» коммунистов. На почве этих внутренних разногласий разгорается борьба великих и малых самолюбий и честолюбий. Каменев и Зиновьев, прикрываясь именем Ленина, окончательно затерли опасного конкурента власти Троцкого. Если борьба Каменева с Троцким, Сапронова - Преображенского с Зиновьевым является для нас только показателем полного банкротства правящей партии, то те искренние элементы, которые находятся в «рабочей оппозиции», заслуживают нашего внимания. Может-быть и поздно, но когда-нибудь они убедятся, что не может быть государства без бюрократизма, без спецов; что наивной утопией является их «подлинная рабочая власть»; что половинчатые, полу-анархические методы строительства в жизни неприменимы.

Тогда они придут к нам и вместе с нами будут бороться за подлинную анархическую революцию.

6. Анархизм и анархисты в Советской России.

Если на опыте одной только русской революции проявилась вся ложь и лицемерие со-

*) Примечание. По секретной инструкции все старые охранники мобилизованы для работы секретно-оперативных отделов Г. П. У. как спецы по наружному наблюдению.

циалистической демократии и государственно-го коммунизма, то это одно является моральной и теоретической победой анархизма. Но если идеологически анархизм, несмотря на все вопли ренегатов о его банкротстве, вышел победителем, то практически анархисты в России пока побеждены. Наиболее активные и идейные из анархистов расстреляны или томятся на коммунистической каторге. На свободе находятся те из идейных анархистов, которые являются в данный момент пассивными и которых власть считает неудобным для себя до поры до времени трогать. В атмосфере тяжелой коммунистической реакции, которая царит сейчас в России, наиболее закаленные идейные анархисты загнаны в подполье, а менее устойчивые и слабовольные уходят в партию или приспосабливаются к власти. Есть и такие, которые считают себя анархистами, но по занимаемым ими ответственным правительственным постам, как Шатов и Сандомирский, или по проводимой ими линии соглашательства, как Гроссман-Рощин, ничем не отличаются от большевиков. Объективно поведение этих анархо-большевиков является предательством по отношению к русскому и международному анархизму. Многие из анархистов в России и на Украине еще до последнего времени не расстались с иллюзиями легальной работы!

Но если в Москве власть еще терпит кое-какие легальные учреждения, как книгоиздательство «Голос Труда», карелинский Черный Крест и Музей имени Кропоткина, то в провинции конфисковывают «Записки революционера» Кропоткина*).

В Харькове в 1922-23 годах группа анархистов добивалась от ВУЦИКА разрешения на открытие книжного магазина. Для этой цели она привезла литературу из Москвы от «Голоса Труда». Г. П. У., узнав об этом, произвела обыски среди анархистов с целью отображения этой литературы.

Зимой прошлого года группа анархистов Москвы обратилась с заявлением в Ц. К. Р.

К. П., предлагая ему смягчить положение анархистов в России. Приблизительно в это же самое время пресловутый Сандомирский начал переговоры с представителем Ц. К. о легализации анархистов в России. Знаменательно, что в ответ на все эти ходатайства Г. П. У. ответило массовыми арестами анархистов.

В карелинском Черном Кресте постоянно находится засада липиков.

Против музея имени Кропоткина Г. П. У., со специально занимаемой ею квартиры, наблюдает за всеми посетителями музея, фотографируя их при помощи специальной моментальной фотографии. Так само Г. П. У. своими действиями разрушает все иллюзии мирных легалистов.

В небывало тяжелых условиях коммунистической азефщины находятся те товарищи, которые пытаются вести подпольную работу.

В виду того, что во время революции анархисты отыски от подпольной работы, а также вследствие отсутствия конспиративной выдержки у молодых наших товарищей, всякие попытки планомерной подпольной работы пресекаются органами государственной охраны. В Питере и Москве за 22 и 23 г.г. то одни, то другие товарищи пытались повести подпольную работу. Создавшиеся группы проваливались, на их месте возникали другие. В текущем году в Питере подпольная организация анархистов вела широкую кружковую работу среди рабочих. С провалом этой организации подпольная работа в Питере временно заглохла. На Украине в некоторых городах в 22 и 23 г.г. были сделаны попытки подпольной работы, причем одной группой периодически выпускались листки. До последнего времени одна молодая группа пыталась вести работу среди крестьян. Отсутствие средств и литературы являлось серьезным тормазом подпольной работы. Особенно ощутительна потребность в новой анархической литературе, которая, подведя итоги всему пережитому и пройденному, наметила бы твердую тактическую линию нашего поведения и наши задачи в грядущей революции.

Группа Анархистов Юга России.

*) Этот случай имел место в Ярославле.

ЛОЗОВСКИЙ ПРИПОДЫМАЕТ ЗАВЕСУ

Во время первого конгресса «Красного Профинтерна», глава последнего — Лозовский — использовал со своими помощниками все средства для убеждения заграничных и особенно французских делегатов в том, что III Интернационал не намерен подчинить «Красный Профинтерн» своему контролю. Будучи — де очень далеки от мысли о превращении Красного Профинтерна в филиальное отделение III-го Интернационала, они приветствовали в нем независимую братскую организацию, думая работать с ней рука-об-руку.

Находясь в то время в России и близко соприкасаясь с подготовительной работой Красного Профинтерна, мы хорошо знали истинное положение дел. Мы знали, что Красный Профинтерн должен был влить свежую кровь в хилый организм Коммунистического Интернационала, состоявшего лишь из горсточки интеллигентов. В русских коммунистических кругах цель, предназначенная Профинтерну, была секретом полишинеля; но заграничных делегатов, особенно французских анархо-синдикалистов, исконных противников опеки над своими организациями со стороны какой бы то ни было политической партии, необходимо было уверить, что Коммунистическому Интернационалу чужды подобные намерения; это было необходимо, по меньшей мере, до того, как эти делегаты окажутся уже вовлеченными в Крайний Профинтерн.

В моей памяти хорошо сохранилась беседа моя с русско-американским де-леонитом Рейнштейном о взаимоотношениях обоих Интернационалов.

Живя много лет подряд в Соединенных Штатах, Рейнштейн всегда был одним из противников И. Р. М. и анархо-синдикалистов. В 1917 году он уехал в Россию и парадировал там под видом «делегата американского пролетариата». Это происходило во время блокады, когда в Россию очень трудно было проникнуть, и когда другие самозванные делегаты еще не poznали, насколько выгодно служить Москве. Но что делить бедному Рейнштейну теперь, когда американская конкуренция стала так сильна.

В 1921 г. Рейнштейн состоял председателем англо-американской комиссии для подготовки конгресса профсоюзов. Рейнштейн говорил тогда, что ему принадлежала идея о создании нового интернационала профсоюзов, поддержан-

ная коммунистическим Интернационалом. Этот шаг был необходим для III Интернационала, если он не хотел оставаться только политическим клубом; ибо в то время III Интернационал состоял лишь из русских и нескольких заграничных коммунистов, отрезанных от заграничных и не имевших никакого понятия о том, что происходило в рабочей среде других стран. «Организованное рабочее объединение в интернациональном масштабе» — заявил Рейнштейн, — влило бы в III Интернационал молодую свежую кровь и превратило бы его в мировую силу». — Судьбы и функции Профинтерна были, таким образом, предопределены задолго до его рождения.

И надо сказать — Красный Профинтерн оказал честь своим творцам: он не только был создан по образу и подобию Коминтерна, но является простым отражением всех его чаяний и планов. Чаения же эти — ничто иное, как господство над рабочими и подчинение последних политическому учреждению — государству: то, что теперь именуется «ленинизмом». Единственная задача Профинтерна — помочь обеспечить это господство в мировом масштабе.

Делегаты I-го Конгресса Красного Профинтерна легко попались в сети, расставленные Москвой: один — благодаря наивной вере в то, что III Интернационал действительно представляет русскую революцию; другие — и таких было большинство, — хотя и были достаточно умны, чтобы разглядеть трюк, — сочли, однако, за лучшее служить московским господам, а не организациям, пославшим их отстаивать независимость Красного Профинтерна против попытки обречь его на служение политическим целям. Написши, впрочем, среди делегатов и серьезные люди, отказавшиеся дать себя надуть или загипнотизировать; но они имели мало случаев проявить себя в этом собрании, наполненном псевдо-делегатами таких, например, индустриальных центров, как Палестина, Бухара или Азербейджан.

С тех пор прошло три года. Неодиократно показывал Красный Профинтерн, кто является в его доме хозяином, и чьи приказания должны там выполняться, — приказания, не имеющие никакой иной цели, кроме внесения хаоса, путаницы и недоверия в ряды международного пролетариата. И все же неходяты еще верующие души, упрямо державшиеся за суеверие,

что Коминтерн является лишь добрым братом Профинтерну, защищая слабую еще родственную организацию от вражеских нападений. Пусть же они узнают из самых авторитетных коммунистических источников, — от самого председателя Красного Профинтерна, — какую роль играл и будет играть Коминтерн в жизни Профинтерна.

В «Правде», посвященной пятой годовщине рождения III Интернационала, имеется статья Лозовского, где он, между прочим, пишет следующее:

«... Так был поставлен перед Коминтерном практически вопрос о завоевании или разрушении профсоюзов... Дело шло о методах завоевания масс...»

Разумеется, решено было «завоевать». И вот —

«Можно сказать без преувеличения, что этим решением Коминтерн спас мировое революционное движение от распыления на сектантские кружки... Если рассмотреть всю деятельность Коминтерна, т.е. работы не только его конгрессов и расширенных пленумов, но и заседаний исполкома и президиума, мы увидим, какое громадное место занимают во всей его деятельности вопросы профдвижения. Если конгрессы давали общие директивы, а расширенные пленумы уточняли их, то исполком и президиум Коминтерна приходилось рассматривать практическую деятельность партии в этой области и исправлять те ошибки, какие делали партии в вопросах профдвижения. Успехи коммунистов в международном профдвижении являются результатом систематического — организационного и идейно-политического — участия Коминтерна в практической работе международного профдвижения...»

«... Коминтерну принадлежит не только идейно-политическое и организационное инструктирование коммунистических партий по вопросам профдвижения. Коминтерну принадлежит инициатива создания Красного Интернационала профсоюзов...»

«... Если взять всю работу и деятельность Профинтерна, резолюции его съездов и решения трех сессий его центрального совета и, наконец, повседневную работу его исполнительного бюро, то мы увидим, как тесно все это переплетено с деятельностью Коминтерна, как принятые решения идут по линии, намеченной Коминтерном...»

«... Профинтерн не мог бы возникнуть, если бы Коминтерн не продал предварительной работы. Профинтерн не мог бы существовать и действовать, если бы в каждой стране не было революционного двигателя в лице коммунистической партии. Эта идейно-

политическая связь, которая служит предметом постоянных нападок для анархистов, тем более естественна, что оба эти Интернационала отражают один и тот же процесс оздоровления международного рабочего движения и освобождения его от реформистских иллюзий...»

«... Коминтерн никогда не рассматривал профдвижение, как заповедную рошу, куда коммунисты должны идти при условии отказа от своей коммунистической программы и тактики. Анархисты и реформисты все время добиваются именно такой тактики со стороны Коминтерна, но Коммунистический Интернационал на это пойти не может, если не желает изменить своим основным принципам. Задача партии заключается в завоевании большинства рабочего класса и в организации революции. Большинство рабочего класса нужно завоевывать везде, где имеются рабочие массы; нужно помнить, что исторически сложившиеся профсоюзы — необходимые и крайне полезные для социальной революции формы рабочих организаций. Профсоюзы не самоцель, а средство к цели, т.е. средство для низвержения капитализма, установления диктатуры пролетариата и организации коммунистического общества. Вот почему Коминтерн борется против узкого профессионализма, против выпячивания профсоюзов (лозунг французских анархо-синдикалистов — «вся власть союзам»)».

Со времени 1921 года Лозовский, повидимому, научился высказывать иной раз правду, выдавая, таким образом, коммунистические тайны. Точнее говоря, он заявил, что Коминтерн никогда и в мыслях не имел, чтобы цели и деятельность Профинтерна имели нечто свое, отличное от его собственных, и что, таким образом, все должно подчиниться Коминтерну, целью которого, по Лозовскому, является завоевание политической власти и диктатура пролетариата.

Наступит, конечно, день, когда рабочие прозреют и поймут подлинное значение этой диктатуры. Они узнают тогда, что были лишь марионетками на коммунистической сцене и тем содействовали развитию русской драмы, — драмы, погубившей революцию, парализовавшей мысль и действие масс, создавшей систему политических преследований, какую мир едва ли видел ранее. Тогда им станет ясно, что именно они под предводительством коммунистов восстановили капитализм и еще раз доставили ему победу.

Можно было бы окончательно усомниться в массах, если бы не страстная вера в то, что это пробуждение настанет.

Эмма Гольдман.

Исторический отдел

ПРОГРАММА ОБЩЕСТВА МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(Неизданный отрывок из соч. Михаила Бакунина)

(Окончание)

Наша социалистическая программа. XVIII. — Она требует и должна требовать:

1. Политического, экономического и социального уравнивания всех классов и всех людей, живущих на земле.

2. Уничтожения наследственной собственности.

3. Присвоения земли сельскохозяйственными ассоциациями, а капитала и всех орудий производства — ассоциациями индустриальными.

4. Уничтожения патриархального семейного права, — т.е. деспотической власти мужа и отца, основанной исключительно на праве наследственной собственности, а также уравнивания женщины с мужчиной в правах политических, экономических и социальных.

5. Содержания, воспитания и образования всех детей обоего пола, до достижения ими совершеннолетия, на счет общества, причем обучение, научное и техническое, включая сюда и все отрасли высшего преподавания, должно быть равное и обязательное для всех.

Школа должна заменить собою Церковь и сделать ненужными уголовные уложения, наказания, тюрьмы, палачей и жандармов.

Дети не являются ничьей собственностью — ни родителей, ни даже общества: они принадлежат только их собственной будущей свободе. Но в детях свобода эта еще не реальна — она у них лишь в потенции, ибо действительная свобода, т.е. полное сознание и осуществление ее во всякой личности, основанное преимущественно на чувстве собственного достоинства и на настоящем уважении к чужой свободе и достоинству, т.е. на справедливости, — такого рода свобода может развиваться в детях лишь благодаря разумному развитию их ума, а также их характера и разумной воли. — Отсюда следует, что общество, — вся будущность которого зависит от надлежащего образования

и воспитания детей, и которое, поэтому, не только вправе, но и обязано следить за ними, — является естественным опекуном всех детей обоего пола; а так-как оно, вследствие предстоящего уничтожения личного наследственного права, будет впредь и единственным наследником, то оно естественно будет считать одной из первых своих обязанностей предоставить все необходимые средства для содержания, воспитания и образования всех детей обоего пола без различия, независимо от их происхождения и от их родителей.

Права родителей будут сводиться к тому, чтобы любить своих детей и иметь над ними естественный авторитет, поскольку последний не будет противоречить их нравственности, умственному развитию и будущей свободе. — Брак в смысле гражданского и политического акта, как и всякое вмешательство общества в дела любовные, должны будут исчезнуть. Дети будут принадлежать — естественно, а не по праву — преимущественно матери, под разумным надзором со стороны общества.

Ввиду того, что дети, в особенности малолетние, неспособны рассуждать и сознательно управлять своими поступками, принцип опеки и авторитета, который надлежит вовсе устранить из жизни общества, будет все-же находить естественное применение в деле их воспитания и образования. Однако, авторитет и опека эти должны быть истинно гуманны и разумны, совершенно чужды всяким отголоскам теологии, метафизики, юриспруденции; они должны будут исходить из того положения, что от рождения ни одно человеческое существо не является ни дурным, ни хорошим, и что добро — т.е. любовь к свободе, сознание справедливости и солидарности, культ или, скорее, уважение и навыки к истине, разуму и труду — не может быть развито в человеке иначе, как путем ра-

зумного воспитания и образования, основанных на явно чувствующемся уважении, в теории и в то же время на деле, к этому разуму, справедливости и свободе. Таким образом, — подчеркиваем, — единственной целью этого авторитета должна быть подготовка всех детей к полнейшей свободе. Этой цели авторитет может достичь только тем, что он будет постепенно сводить самое себя на нет, уступая место самодетельности детей, по мере их приближения к совершеннолетию.

Образование должно будет обнимать все отрасли науки, техники и ремесленных знаний. — Оно должно быть одновременно и научным, и профессиональным, общим — обязательно для всех детей, и специальным — применительно ко вкусам и наклонностям каждого из них, для того, чтобы всякий юноша и девушка, вышедшие из школы и признанные совершеннолетними и свободными, были одинаково пригодны и к умственному, и к ручному труду.

Вышедши из-под опеки, они вольны будут вступать или же не вступать для работы в трудовые объединения. Однако, все они по необходимости пожелают вступить в эти объединения, т.-к., с уничтожением права наследования и с переходом всей земли, капитала и орудий производства в собственность международной или, вернее, всемирной федерации свободных рабочих ассоциаций, не будет больше ни места, ни возможности для конкуренции, т.-е. существования обособленного труда.

Никто не сможет более эксплуатировать чужой труд; каждый должен будет работать для того, чтобы жить. И каждый, кто не пожелает трудиться, волен будет умереть с голода, если только он не отыщет какой-либо ассоциации или коммуны, которая согласилась бы из жалости кормить его. Но тогда будет, по всей вероятности, найдено справедливое не признавать за ним никаких политических прав, раз он, будучи трудоспособным, предпочтет находиться в позорном положении и жить за счет чужого труда: ибо не будет никакого иного обоснования для общественных и политических прав, кроме труда, несомого каждым. Впрочем, случаи подобного рода могут представиться только во время переходного периода, когда будет еще, к несчастью, на свете немало личностей, выросших при современной системе организованной несправедливости и преимуществ, и не воспитанных в сознании справедливости и истинного человеческого достоинства, а также в уважении и привычке к труду.

По отношению к подобным личностям революционное или революционизированное общество будет находиться перед типичной дилеммой: либо принудить их работать, что было бы деспотизмом, — либо же дать себя эксплуатировать бездельникам, а это было бы новым рабством и источником нового развращения всего общества.

В обществе, организованном на началах равенства и справедливости, которые служат основанием подлинной свободы, при разумной постановке дела воспитания и образования, и под давлением общественного мнения, не могущего не презирать бездельников, раз оно зиждется на уважении к труду, — в таком обществе праздность и тушеводство станут невозможны. — Сделавшись чрезвычайно редким исключением, они по справедливости будут рассматриваться, как особого рода заблуждения, от которых будут лечить в больницах.

Одни только дети, пока они не достигнут известной силы, а впоследствии лишь постольку, поскольку необходимо будет дать им время для приобретения знаний и не перегружать их, при этом, чрезмерной работой, затем — инвалиды, старики и больные смогут быть освобождены от труда без урона для их достоинства и без ущерба для их прав свободных граждан.

XIX. — В интересах своего коренного и полного экономического освобождения, работники должны будут требовать полного же и решительного уничтожения государства со всеми его учреждениями.

Прим. 1. Что такое государство? Оно — историческая организация принципа власти и опеки, божеской и человеческой, распространяемой на народные массы во имя либо какой-нибудь религии, либо исключительных и привилегированных способностей одного или нескольких классов собственников, в ущерб тысячам работников, подневольный труд которых они жестоко эксплуатируют. — Завоевание, легшее в основание права собственности и личного наследования, тем самым явилось и фундаментом всякого государства. — Узаконенная эксплуатация труда масс в пользу известного числа собственников, — из которых большинство даже мнимых, и лишь небольшая часть реально существует, — осязаемая Церковь во имя вымышленного Божества, которое постоянно

заставляли принимать сторону более сильных или более ловких, — вот что именуется правом. — Развитие благосостояния, комфорта, роскоши и утонченного и извращенного интеллекта привилегированных классов, — развитие, необходимому основанием которого является нужда и невежество огромного большинства населения, — называется цивилизацией; а организация, гарантирующая существование всего этого ансамбля исторических несправедливостей, именуется Государством.

Итак, работники должны желать уничтожения государства.

Прим. 2. Государство, по необходимости зиждущееся на эксплуатации и порабощении масс и, в качестве такового, угнетающее и попирающее всякую свободу народа и всякую справедливость внутри себя, неминуемо должно быть грубым, завоевательским, грабительским и хищническим в своих внешних действиях. — Государство, — всякое государство: безразлично, монархия или республика, — есть отрицание человечности. Оно есть отрицание человечности потому, что, ставя своей высшей или абсолютной целью патриотизм граждан, — ставя, согласно самому своему принципу, выше всех интересов в мире интерес собственного самосохранения, собственной мощи, увеличения этой мощи внутри и распространения ее во-вне, — государство отрицает как частные интересы и человеческие права своих подданных, так и права чужеземцев; тем самым оно нарушает всемирную солидарность между народами и между людьми, ставит их вне справедливости, вне человечности.

Прим. 3. Государство — меньшой брат Церкви. Оно не может дать никакого иного обоснования своему существованию, кроме какой-либо теологической или метафизической идеи. — Будучи по природе своей противно справедливости человеческой, оно должно основываться на богословской или метафизической фикции справедливости божественной. — В античном мире не существовало даже понятия нации или общества, т.-е. последнее было всецело заложено, порабощено и поглощено Государством, а каждое государство выводило свое происхождение и свое особое право на существование и на господство от какого-ли-

бо бога или от системы богов, которые и почитались исключительными покровителями того или иного государства. В древнем мире человек был неизвестен; самое понятие человечества не существовало. — Были одни только граждане. Вот почему, в той цивилизации рабство было естественным явлением и необходимой базой свободы граждан.

Когда христианство разрушило политизм и провозгласило единого Бога, государствам пришлось прибегнуть к святым из христианского рая: у каждого католического государства оказалось по одному или по нескольким святым — его покровителям и защитникам, заступникам его перед лицом Господа Бога, который по этому случаю, вероятно, не раз должен был очутиться в весьма затруднительном положении. Кроме того, каждое государство находило еще и по сей день нужным заявлять, что Господь Бог покровительствует ему особым и исключительным образом.

Метафизика и наука о праве, основанном в идее на метафизике, а в действительности на классовых интересах имущих классов, также пытались отыскать разумные основания для факта существования государств. — Они прибегли к фикции всеобщего и молчаливого соглашения или договора; или же — к фикции объективной справедливости и всеобщего народного блага, представляемого, по их словам, государством. — По мнению демократов-якобинцев, государство имеет задачей — способствовать торжеству всеобщих и коллективных интересов всех граждан над эгоистическими интересами отдельных личностей, общин и областей. Оно — всеобщая справедливость и коллективный разум, одерживающие победу над эгоизмом и глупостью отдельных людей. — Это — объявление негодности и неразумия каждого отдельного индивида во имя мудрости и добродетели всех. — Это — фактическое отрицание или, — что одно и то же, — бесконечное ограничение всех частных свобод — индивидуальных и коллективных — во имя так называемой свободы всех — свободы коллективной и всеобщей, которая в действительности есть лишь гнетущая абстракция, выведенная из отрицания или ограничения прав отдельных лиц и основанная на фактическом рабстве каждого. — Ввиду же того, что всякая абстракция может суще-

ствовать лишь постольку, поскольку ее поддерживает положительная заинтересованность в ней реального существа, — абстракция «Государство» действительно представляет весьма положительную заинтересованность правящих и имущих классов, эксплуатирующих других и именуемых интеллигентными, а также

и систематическое принесение им в жертву интересов и свободы поработанных масс.

Прим. 4. Патриотизм — добродетель и страсть политическая и государственная.

(Рукопись осталась незаконченной).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ

Искусство для искусства

Искусство: — это понятие претерпело все капризы человеческой софистики; затаскали, затрепали его на словах и в литературе до того, что убили самое понятие. Одна теория изгоняет другую. Направления вырастают в течение ночи, и по-утру стоят знаки искусства и рассматривают сквозь свои большие очки новые светильники... Форма без содержания. Содержание без формы. Форма без формы. Подобные определения встречаются изо дня в день у критиков искусства. Что же делать в области искусства старикам, уже теряющим волосы и зубы, неспособным угнаться за модой, умеющим двигаться лишь своей старой привычной рысью? Творить искусство по рыночному спросу?

Так признанные величины опускаются до положения порнографических фотографий. И экономическая борьба за обладание рынком ведется не на жизнь, а на смерть между различными направлениями.

Не значит ли в коммунистическом кодексе III-го Интернационала: «пролетарское искусство»; «искусство, как классовая борьба»; «искусство, как средство достижения цели»? Искусство там — политика, нечто равнозначное баррикадной борьбе; и лишь квалифицированный рабочий — творец, лишь он — производитель и потребитель искусства. В капиталистических же странах Европы и Америки искусство — это: реклама, ночной кабачок, волшебное кино и иллюстрированная газета.

А они, художники: — одни из них, старшие, без разговоров приспосабливаются к рынку, к потребностям толпы, потакают грубым инстинктам. И оплачиваемые ими критики проводят

параллели между Рембрандтом и ими, современниками, его учениками... Да, бессмертие этих работников в винограднике искусства обеспечено, при помощи экономики, по меньшей мере на 70 лет. Другие, напротив, — художники будущего. Они смотрят в Будущее. И всякий из них провозглашает себя первосвященником в храме человеческих идеалов, построенном им самим и украшенном автопортретами: здесь дата, имя, фамилия и направление являются выражением гениальности. Здесь бессмертие обеспечено в балансе Будущего. И — Шпенглер прав: искусство в Европе (я беру здесь слово Европа, как символ) больше не существует. То, что зовется искусством, есть акробатика, ложь, хлам, подделка и самобман. Вот итоги наблюдений и размышлений об искусстве последнего десятилетия.

Происходит какая-то пошлая индивидуальная, национальная и климатическая ассимиляция (обезличивание) во всех областях человеческого мышления, чувствования и творчества. Здесь, друзья, я в известном смысле — реакционер, не «космополит». Ибо раньше, чем делать дальнейшие шаги, надо ощутить цельность в себе самом, надо обрести себя. И подобно индивидуальным особенностям, существуют также особенности национальные и климатические — плод тысячелетней культуры, итог окружающей среды и расовых свойств. Космополитизм, — как он обычно понимается и проявляется, — понимается не в космическом, мировом смысле: это — просто шаблон, подражание, приспособление. И естественным оружием против такого «космополитизма» служит мешанина, мелко-буржуазная психология

раскола, дробления и ограниченности. А равнодействующая колеблется между этими двумя ложными крайностями: космополитизмом и ограниченностью. И вот почему всякое слово — неясно, всякое прячется под личиной другого.

Нет и нет: все это — не искусство!

Искусство есть Космос, рожденный из глубин «Я».

Искусство есть то, что мы обозначаем затасканными и извращенными словами: Бог, Душа, Рок, Закон.

Искусство есть пространство, время и материя, когда эти три элемента соединяются и действуют по законам иллюзии — экспрессионистски по форме, импрессионистски по вечному существу. Искусство есть творческая потенция человеческого гения, действующая до творческого момента скрыто в подсознании. Художник — как-бы Бог, ибо, подобно воображаемому Богу, он сочетает различные данные элементы и творит из них собственные миры, подчиненные его воле и своим законам, — также, как Космос подчиняется воле воображаемого Бога и своим законам. Поэтому художники и различные искусства различны между собою не по существу, а по формам сочетания. Искусство — не бытие, а творчество. Временное (материя) сочетается здесь с присущим ему сокровенно-вечным, благодаря интуиции и творческому порыву, овладевающим всяким истинным художником.

Все ошибки, совершаемые при оценке того или иного произведения искусства, проистекают из того, что мы подходим к этому произ-

ведению с заранее готовыми вопросами: цель? почему? для чего? Мы вечно ищем тенденцию в картине, а не картину. Мы хотим чему-то поучиться, интересуемся художником, настроением, но не самой картиной. Мы изучаем каждую отдельную линию, каждое слово, но не целое. Так получаем мы всегда неполное впечатление, ибо мы вкривь и вкось толкуем, переживаем и расчлняем, но не упиваемся целым.

Искусство есть сосредоточение в данной форме всех невидимых спиритуалистических (духовных) моментов. Форма определяется самим материалом. (Так, живопись не адекватна скульптуре: первая имеет два, вторая — три измерения). Поэтому искусство, сочетая в себе материал и иллюзию, не должно быть отражением действительности: оно, по своей природе, есть само — действительность. Поэтому же искусство не должно быть выражением общественной идеи: ибо оно в своих воплощениях есть само в себе идея. Оно не должно проповедывать, не должно ограничивать себя нуждами и потребностями класса или же личности: оно должно отдаваться только себе, быть самим собою! В противном случае, оно закрыло бы для себя врата вечности, ибо последнее слово есть человек, а не класс; вечность, а не время. И так-как вечность для нас — отвлеченна, абстрактна, то и искусство должно быть абстрактным, а не конкретным.

Вот что, по-моему, означает выражение: Искусство для искусства.

Иосиф Готтферштейн.

Труждающимся и обремененным

Цари земли! Рабы ее купивших Властителей!..

Берите факелы, и пусть со всех концов Пылает этот мир природу оскорбивших, Ее продавшихся жрецов!..

Берите факелы! И смелою рукою Во все концы несите пламя мятежа. Зажгите всё, цари!.. Рабы, идите к бою, Ничем, ничем земным не дорожа.

За вашу спиной дымят тысячелетия, Где всё, что ныне есть, — рабами создано. Так что-ж! Ужель свершенное под плетью Свершить царям земли свободно — не дано?!..

Долой сомнения! Из праха разрушенья Вы призваны, рабы, воздвигнуть новый храм. Пусть всё разрушено: великие творенья, Богатыри, тем легче будут вам!..

Вы робко медлите... И новые столетия На вас ложатся новым бременем цепей. И вы свыкаетесь с своей позорной плетью, — Рабы, венчанные на поприще царей!..

Но если вы — покорны пред судьбою, То в сыновей своих вдохнете-ль пыл борцов, Да воздадут они карающей рукою

За поругание отцов?!...

Париж. Дек. 1915.

В. Э.

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

Рудольф Роккер. «Иоганн Мост. Жизнь бунтаря». С предисловием Александра Беркмана. Изд. «Der Syndikalist». Берлин, 1924 (436 стр.; на немец. языке). — Выход в свет этой превосходной работы, первоначально предполагавшейся в виде небольшой биографии И. Моста, но затем разросшейся в целый том, является весьма ценным вкладом в сокровищницу анархической литературы. Основное значение книги — не в самих по себе, интересных и по большей части новых, данных из жизни и деятельности Моста: оно — в той богатой панораме развития анархического движения разных стран, какую автор разворачивает перед читателем на фоне многолетней и подвижной жизни и деятельности Моста.

Яркая и во многом до сих пор неизвестная картина анархического и, вообще, рабочего революционного движения в Германии, Австрии, Англии, Америке и пр. за последние 70 лет проходит перед нами в ряде сочных языком написанных глав. И недаром даже т. М. Неттлау, этот историк и знаток анархического движения *par excellence*, нашел в этой книге немало для себя нового.

Ряд темных, доселе неизвестных или мало знакомых эпизодов и даже целых периодов в истории движения освещены со всей возможной полнотой. Галерея лиц, в свое время игравших в движении выдающуюся роль, но отошедших в тень прошлого и забытых, воскрешены и выведены автором с изумительной выпуклостью и жизненностью.

Помимо отмеченной уже сочности языка, книга отличается подкупающей объективностью и эпическим спокойствием изложения, отнюдь не исключающими глубокой убежденности и душевной теплоты, которыми она проникнута и согрета.

Пожелаем этой книге самого широкого распространения и будем надеяться, что переводы ее на другие языки, — в частности, на русский, — не заставят себя долго ждать.

Е. Ярчук. «Кронштадт в русской революции». Изд. Исп. Ком. Проф. Союзов. Нью-Йорк,

1923 (64 стр.). — Небольшая, но далеко не бесценная книжка тов. Ярчука знакомит читателя в основных чертах с своеобразной позицией и ролью Кронштадта на протяжении всей революции, начиная с февраля 1917 г. и кончая трагическим восстанием марта 1921 г. Сам будучи непосредственным участником событий (за исключением этого последнего восстания), автор живым, легким языком рисует нам ряд выдающихся моментов из революционной жизни Кронштадта — этого оплота революции в течение всех ее лет. Разумеется, это — далеко не полная история революционного Кронштадта. Такая полная история ждет еще своего повествователя. Но и данная книжка дает отчетливое представление об исключительной роли, сыгранной Кронштадтом в дни революции, и этим заполняет значительный пробел в имеющейся до сих пор на русском языке литературе по истории событий 1917—1921 г.г.

* * *

Во Франции (Париж) выходит новая анархическая двухнедельная газета: «L'Ideé Anarchiste» («Анархическая идея»). Вышли №№ 1—4. Орган предназначен для широкого и свободного обсуждения теоретических и практических вопросов анархизма и, таким образом, носит дискуссионный характер. Первые номера — живы и интересны. Имеются статьи Малатесты, Бертона, Роккера, Сантьяна и др. Адрес редакции: Lucien Haussard, Boîte postale № 8, Bureau XX, Paris, France.

Получены редакцией:

Pierre Ramus. «Neuschöpfung der Gesellschaft durch den Kommunistischen Anarchismus». Verlag: «Erkenntnis und Befreiung». Wien 1923 (280 стр.).

E. Armand. «L'Initiation individualiste anarchiste». Edition de «L'en dehors». (344 стр.)

Bureau International Antimilitariste (B.I.A.). Janvier 1924. (46 стр.).

B. de Ligt. «Anarchismus und Revolution». Uebersetzt von A. M. Lehning. Verlag «Der freie Arbeiter». (36 стр.)

Свободно Общество. Месечник на свободното разбирање на живота. (Болгария). Кн. 10—12.

«La Revue Anarchiste». №25, Mars 1924.

Бюллетень Об. К-та защиты революционеров закл. в рос. тюрьмах. № 4.

«Волна». № 51, март 1924 г.

«Социалистический Вестник». Центр. Орг. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии. № 9 (79), 17-ое апр. 1924 г.

«Заря». Орган соц.-дем. мысли. № 3 (25). 1924.

«Знамя Борьбы». Орган загр. делег. п. лев. с.-р. и союза с.-р. максималистов.

Резолюции первого съезда Конфед. Анарх. Организаций Украины «Набат» (состав-

шегося в г. Елисаветграде 2—7 апреля 1919 г.). Изд. Раб. Изд. Гр. в Респ. Аргентине. 1923. (32 стр.).

К. Ф. Г.-ко. «Религиозные предрассудки». Изд. Раб. Изд. Гр. в Респ. Аргентине. 1924 г. (20 стр.).

А. Горелик. «Воспитание в Советской России (Коммунистическая власть и воспитание)». Изд. Раб. Изд. Гр. в Респ. Аргентине. 1923. (144 стр.).

Обращаем внимание товарищей, владеющих немецким языком, на то, что в Берлине издается еженедельная анархическая газета — орган немецкой федерации а.-к. — «Der freie Arbeiter».

Желающих ознакомиться с таковым просим обращаться по адресу: «Der freie Arbeiter». Berlin O. 17, Bödikerstraße 30.

Родственные газеты и журналы на русском языке за-границей.

Американские Известия. Орган Российских Рабочих Организаций Соединенных Штатов и Канады. — Выходит еженедельно. — 274 E. 10th Str., New York, N. Y., U. S. A.

Голос Труда. Орган Федерации Российских Рабочих Организаций Южной Америки. — Выходит еженедельно. — Vicenta Kitra, Correo Central, Casilla 1752, Buenos Aires, Rep. Argentina.

Голос Труженика. Орган Индустриальных Рабочих Мира. — Выходит два раза в месяц. — 1001 W. Madison Str., Chicago (III.), U. S. A.

Волна. Ежемесячный орган федерации анархо-коммунистических групп.

Только - что приехавший из России и пробывший там около 2-х лет товарищ - рабочий рассказал нам чрезвычайно много интересного о нынешнем русском быте, о действительном положении рабочих и крестьян и т. д. Рассказывал он живо, ярко, в виде ряда выхваченных из жизни сцен, картинок и эпизодов, им самим виденных или пережитых. Большой природный юмор придавал его рассказам особую прелесть. Одной из целей его поездки в Россию было, именно, непосредственно и на месте ознакомиться с русской действительностью, лично проверить все рассказы, сведения и слухи из России, самому вынести определенное впечатление и прийти к твердому выводу. Почти все время своего пребывания в России, тов. работал на заводе в одном из крупных городов Веплкороссии.

К сожалению, товарищ не мог остаться в Берлине и проехал далее. За два-три дня остановки он успел, однако, набросать кое-что из своих рассказов. Это кое-что не дает, конечно, и сотой доли того, что он передавал нам устно. Возможно, что более полный и подробный очерк будет им дан в южно-американский «Голос Труда».

Вот что он пишет (мы сохраняем почти неприкосновенными манеру письма и стиль подлинника).

«Только тот, кто сам побывает в СССР, сможет понять жизнь русского рабочего народа, — т.е., понять, как именно живет теперь рабочему и крестьянину в действительности, и как он чувствует себя. Послушать со стороны, — как-будто и ничего... И на самом деле: жаловаться громко не приходится, — это раз; а два — почему бы им жилось нехорошо? Сами, кажется, теперь хозяева, чего же лучше?... Ну, вот, пробыл я около 2-х лет в России и все высматривал да наблюдал, кто же в ней — хозяин, и кто — рабочий. И нашел я вот что: рабочим в России является тот, кто работает под надзором других, а хозяином тот, кто не работает, а надсматривает за рабочим. Примерно, все «коммунисты» (а их в России свыше 200.000 человек) являются хозяевами: сами очень мало или совсем не работают, но зато очень хорошо и умело дают других.

Все-ж-таки, разница с прошлым есть большая. Теперь, чтобы надсматривать за рабочими, надо хорошо наладить шпионаж по за-

водам. И его очень даже хорошо наладили. Все, находящиеся на заводе, коммунисты (а их, настоящих - то, на каждом заводе немного) не работой заняты, а почетным делом шпионства за рабочими. Если случится, что на заводе коммунистов вовсе нет, то присылают с другого завода. И, конечно, быть хозяином или почетным государственным шпионом на заводе значит ходить по заводу и посматривать, кто как работает и кто о чем толкует. Так-что разница большая: раньше были «десятники», а теперь — «коммунисты». И еще разница. Раньше, если в чем-нибудь заметят рабочего, то разговор короткий: расчет; иди — ищи работу в другом месте. Теперь — не то. Если тебя в чем заметили, то в первый раз закупают на «черную доску», а уже во второй — выгоняют. Выгоняют теперь тоже по-иному, вроде как-бы с волчьим паспортом, — т.е., так дело обставят, что уж больше на завод и не думай поступить.

Нанимаешься нынче на работу тоже по-иному. Приходишь и объясняешь хозяевам (коммунистам), по какому ты мастерству. Все идет ладно: по мастерству взяли бы. Но начинаются расспросы: кто, да откуда, да где раньше работал, да почему ушел? А главное — состоишь ли в партии коммунистов? И уже если нет, то какой бы ты мастерской ни был, — свободных мест для тебя нету. А за последнее время, главное — родство и кумовство. Если у тебя «руки» нет, — голодная смерть. А впрочем, обхождение с рабочим при разговорах — вежливое. Не бьют.

Так-что, в общем, положение рабочего, пожалуй, получше, чем при Иване Грозном было. Авось, когда-нибудь история об этом положении тоже подробно расскажет.

Теперь — еще несколько фактов.

Знаете ли вы, как обстоит дело с рабочими собраниями в СССР? А вот как:

Прежде — рабочие вовсе не имели права собираться: ни на заводе, ни вне завода. Нынче они тоже не имеют права собираться по своему желанию и почину, потому — могут беды натворить. Но, зато, правительстве, которое, конечно, знает, когда, где и для чего рабочим надо собираться, даже заставляет их собираться, когда находит это нужным. Но так-как собрать рабочих вне завода нынче мудрено (какой интерес голодным рабочим торчать на совершенно пустых собраниях, на которых им

только зубы заговаривают?), то делают очень просто. По окончании работы, рабочие толпой устремляются к воротам, — спешат домой, поест, отдохнуть... Ан — ворота оказываются на запоре. Рабочие требуют открыть. Не тут-то было: выходит завком; говорит — товарищи, сейчас собрание, надо идти в помещение... И вот — собрание, из-под палки. Выходят ораторы-коммунисты. Говорят о том, что необходимо такой-то процент на такое-то дело от заработка отчислить; или о бандите Махно; или о меньшевиках и эсерах... Рабочие слушают молча, угрюмо. Мурлычут: голодным не до собрания... Но должны стоять и слушать до 9 часов вечера и позже...

Так-то разница с прошлым большая: собрания не только свободны, но и обязательны, когда коммунистам они нужны. А в других случаях они, очевидно, ни к чему...

Ну, и заботы правительства о рабочем теперь тоже совсем не те, что раньше. Затянутся по-настоящему, отечески. Вот пример.

В октябре месяце завком выхлопывает кредит рабочим на покупку одежды. Выпускаются так-называемые «кредитные чеки», по которым в государственном магазине можно получить платье, с рассрочкой платежа на 6 месяцев, на сумму, обозначенную в чеке. Ну, вот, рабочие и кинулись брать эти чеки: кто на 50, кто на 80, а кто и на все 100 рублей. И давай покупать платье. А затем получились вот что: скажем, за пальто в декабре платили по 70 рублей. В апреле же такое пальто стоило только 30 руб., потому что перешли на новый расценки. Оказалось, — вся история с чеками придумана была потому, что предполагалось перейти на новый расценки. Наши защитники и покровители не хотели терпеть убытка на товаре и придумали хороший способ, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Пришлось рабочим убедиться, что их обманули, и что убыток они из своего кармана покрывали.

Хотел бы я еще многое порассказать: и о том, как обирают рабочих; и о том, как выжимают соки из крестьян; и о том, как заставляют всех молчать, и шпионят, и арестовывают, если чуть против шерсти погладить... И еще надо бы о всей той грязи рассказать, какая творится по всяким «коммунистическим» учреждениям... Да нет времени обо всем этом писать. И в заключение — скажу одно: я приехал в Россию бог знает откуда и хотел поработать в «рабочем государстве»; но прожив в нем 1 месяц, я почувствовал, что нахожусь в стране величайшего модернизированного деспотизма, какого не было в России, да и в других странах, в самые худшие времена прошлого века. Мне лично удалось вырваться из этого ада. Но тем более обязан я предупредить других. Пусть знают и помнят все товарищи-рабочие за границей,

что государственный коммунизм — самая ужасная и самая преступная кабала для трудящихся, и что только в анархическом, то-есть безвластном и свободном коммунизме найдет социальная революция верный выход.

А. Бочаров.

* * *

Один из товарищей в Берлине получил письмо от анархистки, из далекой сибирской тюрьмы. В письме есть характерные и интересные для любого товарища-эмигранта места. Приводим некоторые выдержки:

«В тюрьме становись особенно чуткой в смысле угадывания печальных настроений. И у тебя в письме мне удалось изловить минутку грусти — там, где ты говоришь, что мыслью бываешь каждый день на родине. Эта строчка твоя мне была близка и понятна. Не странно ли, вообще говоря: анархист, тоскующий по «родине»? А между тем, и я на 90% всеми мыслями моими с движением русским... Есть объяснение этому — несколько не сентиментальное, самое прозрачное. Тут нет, конечно, обывательской «тоски по родине», где вся родня и все имущество. Тут другое: мысль о своей приложимости для дела...»

«Забитость и загнанность наша здесь сузила наш кругозор. Всю силу, как бы велика или мала она не была, эта обстановка нашей жизни заставила уйти вглубь и конечно за счет широты. Для широкого легального движения нужен, прежде всего, инстинкт широкого размаха. Думаю часто: способны ли мы, русские, к такому размаху? Выйдя на свет, я не уверена, смогла ли бы сейчас сколько-нибудь правильно ориентироваться в движении вообще, особенно в масштабе международном. Находясь на вашем месте, я просто растерялась бы, сразу же погнавшись за журавлями. И вот этой несостоятельностью и я объясняю свою привязанность к России и русскому, ибо охватить это я более в состоянии. Именно в этом положении растерянности и распыленности, как мне всегда казалось раньше (сейчас, после твоего письма, и надеясь на будущее, я хочу сделать переоценку этого мнения), находились наши эмигранты. Вот откуда это предвзятое отношение к ним, как к людям, пренебрегшим своей синицей. А разве всякая маленькая синичка меньше есть хочет, чем журавль?..»

«В силу каких-то подлейших причин все это идет мимо тебя, а ты, как ненужная тряпка, отброшен в сторону, спущен в какую-то грязную яму, из которой, кажется, во век не вылезешь. Барахтаешься в темноте — между баней, парашкой да пшенной кашей...»

«Вот степь только хороша. Смотришь в нее из окна: сколько людей из этих же окон, с теми же думами, на ту же степь смотрели еще и в

царское время. А она, все одинаково спокойная, безглазыми очами смотрит на часовых, на решетки. И спокойствия этого, как-то незаметно, прищипаешься сам.»

* * *

Из письма от товарища из России:

«Деньги я получила, т.е. десять долларов... Я на эти десять долларов сделала посылку*); послала сала, масла, овощей и т. д. Но посылка стоит больше, чем вся посылка. Конечно, вы сами понимаете, что это — небольшие деньги, и на них купить много нельзя было, ибо у нас ужасно все дорого... А нужда у них ужасная. Мне еще Н. не все пишет. Но Е. получил отсюда письмо — что-то кошмарное. У них, кроме хлеба и гречневой каши, ничего нет. Словом, без всяких жиров. А с ними — дети, один еще грудной ребенок, и около 20 человек больных, которым необходима диета. Можете себе представить, что они там переживают... А зима там еще такая длинная... Если только у вас имеется еще денег или если возможно собрать между родными, то непременно сделайте это. Ибо для них это будет большая поддержка...»

За что ссылают в России.

Недавно, пересматривая маленький архив «Общества помощи заключенным анархистам», случайно сохранившийся, я наткнулся на три письма, в свое время присланные мне товарищами П. Скурихиным и Лией Готман. За эти письма оба эти товарища были арестованы в Архангельске, привезены в Москву и приговорены к ссылке в Нарымский край на два года.

Я хочу вкратце привести историю этих двух товарищей и, приложив к моей заметке эти письма, как живые документы, предоставить читателю судить самому о той революционной свободе, которая существует в большевистской России.

Тов. Скурихин, старый анархист, Кронштадтский матрос, принимал активное участие в революционном движении России. В 1920 году он был приговорен к ссылке в Архангельск на три года.

Лия Готман**) в феврале 1923 г. была командирована «Обществом помощи заключенным анархистам» на север для оказания помощи нашим товарищам, находившимся в то время в Пертоминском концлагере. Перед тем, как она выехала из Москвы, секретарь общества обратился к Г. П. У. (быв. Чека) за разрешением ее поездки туда и получения права на свидание. Просьба была удовлетворена.

*) Речь идет о посылке товарищам, заключенным в сибирской тюрьме. — (Р е д.)

**) До того отбыла сама долгую сидку.

Тов. Готман, вместе с членом общества Еленой Ганшиной, совершенно легально выехали в Архангельск. По приезде они остановились у Петра Скурихина, который, как ссыльный, отбывал свой срок.

Во время их пребывания там, наши товарищи, заключенные в Пертоминском лагере, объявили голодовку. Естественно, что товарищи Скурихин, Готман и Ганшина письменно по почте сообщили нам о событиях. И вот за это преступное дело они были арестованы и теперь в далеком Нарымском краю отбывают свой срок.

Я полностью привожу текст этих писем.

С. Флешин.

25-го марта 1923.

Дорогие товарищи!

Оказалась возможность сообщить Вам кой-какие новости, и вот сообщаю. 15 марта нашими товарищами в Пертоминске объявлена голодовка с требованием перевода в Архангельск. Мотивы голодовки следующие: 1) с появлением весны многих начинает трепать малярия, т.к. местность болотистая и сырая — тундра; 2) среди заключенных много больных различными серьезными болезнями, которые требуют немедленного специального лечения, чтобы остаться в живых, а там этого сделать невозможно; а также и то, что есть болезни экстренные: сердечные припадки и много других, которым бывает нужна моментальная помощь, а это сделать нельзя, ибо город находится 115 верст от лагеря; значит, больной обречен на страшные муки боли или на верную гибель; в 3) отдаленность и изолированность Пертоминска лишает заключенных получения полагающихся регулярных свиданий с родственниками, возможности получать с воли газеты, письма и прочие, вполне легальные, сведения о мире живых, что совершенно убивает духовно товарищей заключенных, а также и еще целый ряд уважительных причин, которые побуждали товарищей на этот тяжелый для их здоровья шаг. Сегодня уже 11 суток, как голодовка продолжается. Мы от себя сделали все, что было возможно. Губкомпартия местная сказала, что весь президиум решил требовать от Москвы немедленного перевода голодающих в Анхангельск, как больных. Не хочется так думать, но в атмосфере деспотов чувствуется, что решения у них гнусны, поэтому и финал голодовки будет паршивый. Среди голодающих еще раньше было много серьезных больных разными острымучительными болезнями. Например, Лена Чекмасова мучается женскими болезнями после Холмогорских избиений (22 ноября 1922 года), и она

все-же принять участие в голодовке, т.к. оставаться в Пертоминске — тоже обречь себя на верную гибель. Возмутительно поведение правых эсеров и меньшевиков: они тоже жаждают перевода, но совершенно не хотят за это бороться. (Эксплуатация наших.)

В Москву сразу же было сообщено и неоднократно. Ответа пока не получили. Г.П.У., как видно, решило доканать товарищей до последних вздохов и даже допускает смерть. Для них — садистов — это удовольствие.

На днях перевели в Архангельск из Пертоминска «махновку» — Катю Кручкову, с 4-хмесачным ребенком. Но видеть ее еще нам не удалось. Поэтому ничего не узнали о положении голодающих товарищей. Передайте М.В., что письмо Т. передано. Она конечно тоже голодает. Ждем новостей, т.к. скоро возвратятся эсерки из Пертоминска — они увезли туда передачу, полученную от Пешковой.

О всем важном Вас уведомлю. Холмогорцы тоже осведомлены относительно голодовки, но решения их пока не знаем.

С горячим товарищеским приветом

П. Скурихин.

25-го марта 1923.

Дорогой А., С. и другие!

Все подробности моего пребывания здесь, а также мои перспективы на будущее Вам вероятно уже известны со слов Л. Чрезвычайно тяжелая голодовка наших товарищей пертоминцев совершенно выбила меня из колеи. При своем бессилии что-нибудь сделать для них, я все же не могу уехать. Другие безнадежно смотрят на голодовку; я же думаю, что скорее всего наши выиграют и их переведут в Архангельск. Наши товарищи и раньше понимали, что голодовка будет затяжная, и все же А. и В. писали нам, что они «непреклонно решили добиться перевода». Там, в далекой глуши, они чувствуют, что как физически, так и духовно начинают вымирать. Полнейшая оторванность; невозможность получать частые свидания (дорога стоит 700 руб.); письма, газеты, посылки туда прибывают очень редко, а к тому еще вредные климатические условия, которые способствуют сильному развитию малярии, — вот причины, которые заставили наших объявить голодовку, несмотря на сильный упадок их физических сил. Трудно, конечно, сейчас предвидеть конец и результат голодовки. Думаю, что их перевезут, т.е. удовлетворят, но сильно боюсь, что опоздают, что не учтут состояния их здоровья. Все это так тяжело для меня, что и трудно собраться с мыслями

и написать Вам обстоятельное письмо. Мучительно быть только зрителем страдания близких людей, тем более, что за страданиями совсем недалеко — смерть. Очень хотелось бы получить что-нибудь от Вас, дорогие, узнать, что у Вас? А., хоть немного и не обо всем, но напиши мне. Не медлите сообщить обо всем заграницу. Что слышно там? Живут ли наши еще русским духом и как? Хотелось бы побывать у Вас, поговорить обо всем. При первой возможности буду у Вас. Сильно жму руку всем далеким, но близким по духу. Петр шлет привет А. Если А. знает адрес Л., пусть пришлет.

Ваша Л.ия.

27-го марта 1923.

Дорогие товарищи!

Хочется поделиться с Вами всем, что здесь происходит, но рука дрожит, мысли путаются и вряд-ли удастся написать обстоятельное письмо и сказать все, что хотелось бы. Как Вам уже известно, наши товарищи в Пертоминске объявили голодовку с единственным требованием — перевод в Архангельск. Начали они голодать с 15-го марта. Очень трудно разделять требование голодовки и самой не голодать, но я хочу сказать, что будучи там в Пертоминске, я вполне убедилась, по личным наблюдениям и уверениям товарищей, что там в Пертоминске их все равно ждет длительная и мучительная смерть; а раз так, то вполне понятно, почему они пустились на такую рискованную голодовку. Рискована она тем, что они все почти разбиты, с надорванными организмами, а голодовка, — было очевидно и раньше, — будет длительная. Уже на восьмые сутки товарищи почувствовали себя очень скверно, а в особенности, в критическом положении оказались — Чекмасова, Глебов и Чарин. Стало ясно товарищам, что без жертв голодовка не пройдет; и не знаю, какие еще причины привели их в отчаяние, но 22-го марта, восемь человек (мужчин) из голодающих, запершись в своей камере, прибегли к самопожизению. К счастью (или к несчастью) другие политические, там находящиеся, но не голодающие, почуяли дым, ворвались в комнату и спасли наших! Подробности мне неизвестны, знаю только что после этого всех голодающих — 8 мужчин и 3 женщины — перевели в тюремную больницу, где за ними установлен усиленный надзор. Кто чем повредил себе, мне неизвестно. Сегодня уже 13-ий день голодовки. Знаю, что Чекмасова, Глебов и Чарин находятся при смерти, но к великому ужасу — бессильна что-нибудь сделать. Здесь мы подыали большой шум, но

результатов пока никаких. Губнарком местный вынес постановление — требовать от центра перевода голодающих в Арханг., по видно с этим требованием центр не считается, так-как все зависит от центра, а центр пока отказывается удовлетворить требование. С тех пор, как забрали голодающих в тюремную больницу, нам неизвестно их состояние. Имею основание предполагать, что применяют к голодающим насильственное питание. Одним словом, жутко, страшно жутко за наших... А дальше, скоро распутица и поехать к ним будет невозможно. Может так случится, что надолго не будем знать, чем все это кончилось, кто умер, кто жив... Очень хорошо было-бы, если б Вы могли дать знать за-границу обо всем этом, и чем скорее, тем лучше. А больше, что можете Вы сделать?! Очень прошу написать мне более или менее подробное письмо обо всем, что делается у Вас и в Москве.

С горячим товарищ. приветом Лия.

* * *

«Социалистический Вестник» № 9 (79) от 17-го апреля 1924 г. дает следующий список заключенных анархистов на Соловках:

1) В «Савватиевском скиту»:

Барон, А.; Бирюлин, М.; Браверман, И.; Владимир, М.; Геньба, А.; Изгодин, Ю.; Волченков, А.; Красавчиков, Ф.; Кирбунов, Н.; Кузнецов, Ф.; Лебедев, А.; Махов; Макаров; Тарловский, Г.; Цукерман, М.; Чарин, И.; Шилин, А.; Женщины: Альтшуль, Л.; Вегер, Т.; Вегер, М.; Видерман, Е.; Изгодина, Н.; Кеврик, В.; Курганская, П.; Лютович, Е.; Полозова, Т.; Степная, Д.; Розова, А.; Чарина-Готман, Л.; Яковлева, В.; Ганьшина, Е.; Чекмасова, Е.

2) В «Кремле»: Модин, С.; Клейман, В.

Занимствуем из того же журнала:

Драма в застенке.

«После большого московского процесса над членами ЦК партии с.-р-ов тою же осенью в Петрограде слушались два процесса. Первый над двумя с.-р-ми Хохловым и Эстриным и Михайловым, и второй над лев. с.-р-ми, анархистами и налетчиками.

Первые обвинялись в использовании государственного учреждения (Внешкольный Педагогический Музей) в контр-революционных целях, и петроградский Трибунал присудил к высшей мере наказания. Однако, ВЦИК «помиловал» и заменил расстрел — 10 годами заключения.

Второе дело особенно сложно было скомбинировано: заплочных дел мастера обвиняли лев. с.-р-ов и анархистов в налетах и старались их

выдать за налетчиков и вместе с налетчиками судили. Это не удалось, но в отместку анархисты получили сугубо строгие приговоры.

Осужденных с.-р-ов по первому процессу и анархистов по второму перевезли в Москву в Лефортовскую тюрьму. В этой же тюрьме находился приговоренный к высшей мере наказания Егоров, по делу бакинских коммунистов. Он и при царском режиме отбыл 7 лет каторги. Приговора ГПУ не приводило в исполнение, и Егоров под этим приговором находился 3 года в тюрьме.

5-го февраля 1924 г. агенты ГПУ явились в тюрьму за Егоровым, очевидно, для того, чтобы привести приговор в исполнение. Три года собирались и теперь нашли удобным его привести в исполнение! Это вызвало среди заключенных политических сильнейший протест; они заявили, что, если Егоров будет взят, они покончат с собой.

ГПУ пошло на переговоры, в результате которых обещало, что Егоров не будет расстрелян, а только переведен в Бутырскую тюрьму, причем Егорова будет сопровождать еще один из заключенных.

7-го февраля Егоров в сопровождении Хохлова был отправлен из Лефортовской тюрьмы в Бутырки. Когда обоих заключенных привезли в Бутырки, Хохлова связали по рукам и ногам и бросили в одиночную камеру, а Егорова увезли. Несмотря на все наводные справки, не удается выяснить, что случилось с Егоровым. 12-го февраля Михайлов из Лефортовской тюрьмы был отправлен в Челябинск, а анархистов перевели с положения политических на положения уголовных.

Так исчерпало этот «досадный инцидент» ГПУ.

Там же читаем об ужасах в Нарымской ссылке. Здесь, между прочим, рассказывается:

«Нас стали снова ссылат в такие пункты, которые в старой нарымской ссылке и не значились: малярные, инородческие и отстоящие далеко от почты.

Особенная жестокость была проявлена по отношению к 18-летней Ольге Романовой, которую послали на верховья реки Кенги, где никакой работы не достать, где ее кормили три месяца одним хлебом и горячей водой. Я говорю «кормили», потому что на верховьях Кенги оказалось не вольное поселение, а самовольно Томском организованный концлагерь, который отличался от остальных лагерей только тем, что в нем заключенных морили голодом. Там содержалась часть церковников, уголовных, несколько крестьян и — анархистка Романова.

Крестьяне и Романова оттуда ушли, попали на первые морозы и отморозили себе ноги. Романова пришла в летнем платье в с. Паравель, где ее приютили наши товарищи.»

МЕЖДУНАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ

БОЛЬШЕВИЗМ ПЕРЕД СУДОМ МИРОВОГО ПРОЛЕТАРИАТА

Если четыре-пять лет назад среди революционных масс Европы и Америки считалось контр-революционным и недопустимым критиковать большевистскую власть и большевистский режим в России, то теперь отношение этих масс к коммунистической власти радикально изменилось. Произвол и деспотия коммунистов в России в отношении трудящихся выросли до таких размеров, что стало невозможным скрыть их от глаз международного пролетариата, несмотря на все старания и ухищрения Коминтерна, — этой интернациональной политической агентуры Росс. Ком. Партии.

Уже летом 1921 г. делегаты рабочих организаций Европы и других стран, приехавшие на конгресс красных профсоюзов в Москву, познакомились с актами чудовищных преследований, которым комвласть, т.е. Ц. К. партии, подвергала революционных борцов в России. И раз'ехавшись после конгресса, многие из этих делегатов выступили во многих странах Европы и Америки с обвинениями коммунистических зверств. Ряд изгнанных и бежавших из России анархистов представили более обширный и систематический материал о деспотии комвласти и раскрыли жгучую картину гонений и физического истребления в России всех поборников социальной революции.

Этим самым во всю высоту был поставлен вопрос об отношении революционных масс Европы и Америки к диктатуре большевиков и к их притязаниям на захват власти в разных странах Европы и Америки.

Теперь, в 1924 году, международный пролетариат дает ясный ответ на этот вопрос. Анархические организации разных стран и Международное Товарищество Рабочих, объединяющее наиболее революционный элемент рабочего класса, обратились к пролетариату всего мира с призывом, выступить на борьбу с террористическими злодеяниями комвласти и придти

на помощь заключенным в России революционерам. В выпущенном 7-го марта с. г. воззвании М. Т. Р. говорится:

«Русское правительство именует себя «рабочим» и «социалистическим». Оно претендует на осуществление «диктатуры пролетариата». Преследуя своих противников, уничтожая революционеров лишь за их убеждения, несовпадающие с правительственными взглядами, это «революционное правительство» лицемерно заявляет, что оно борется лишь с бандитизмом и контр-революцией. Широкие массы пролетариата во всех странах вводятся в заблуждение этими лицемерами, этим блефом насковзь ревационного и бессовестного правительства. Отвратительные и преступные злодеяния русского правительства в общем еще не известны трудящимся массам других стран.

Преследования в России в настоящее время превосходят все, что можно себе вообразить. Создается отчетливое впечатление, что посредством радикального истребления хотя бы совершенно уничтожить все анархистские, социалистические и революционные элементы в стране. Ежедневно гибнут многие из лучших товарищей. Каждый день приносит на этот счет всё новые сведения. Условия тюремного заключения и ссылки на далеком севере ужасны. Избиения, убийства и расстрелы за малейшие попытки протеста против невыносимых тюремных порядков входят в обычай. Лучшие товарищи умирают в тисках этого режима. Самоубийства учащаются...

Давно пора раскрыть эти злодеяния и сорвать маски с находящихся у власти преступников. Наша обязанность — предать широкой огласке хотя бы часть бесчисленных накопившихся фактов, довести их до сведения трудящихся во всех странах. Необходимо раз на всегда покончить с опасными и лживыми баснями о революционности и идеализме русско-

го правительства и воочию показать всю его реакционность и буржуазность.

Пора начать энергично действовать, чтобы вырвать из рук палачей дорогие нам жизни, лучшие силы революции, невинные жертвы красной реакции».

И на призывы анархистов и Международного Товарищества Рабочих откликнулись широкие массы труда. Рабочие Франции, Германии, Сев. и Южн. Америки и других стран приняли живое участие в организованных массовых митингах протеста против насилий и зверств большевистского цезаризма. И вслуду вынесли негодующий протест против этих насилий, зверств и гонений на борцов за социальную революцию. К сожалению, мы не располагаем в настоящее время сводкой всех резолюций протеста, вынесенных трудящимися разных стран на этих митингах. Приводим одну, вынесенную, несмотря на организованные и ярые противодействия ком. партии Германии, германскими рабочими, собравшимися в количестве свыше четырех тысяч человек, 24-го апреля с. г., на массовой митинг, организованный Вольным Союзом рабочих Германии (анархо-синдикалистов), Рабочей Биржей Труда и Федерацией Анархистов-Коммунистов г. Берлина:

«Публичное рабочее собрание в Доме Учительского Союза в Берлине заявляет себя вполне солидарным с русской октябрьской революцией 1917 г. Оно с негодованием принимает к сведению, что революционные социалисты, анархисты и синдикалисты, вместе с большевиками подготовившие крушение царизма и буржуазии, ныне жесточайшим образом преследуются, травятся, бросаются в тюрьмы, изгоняются из страны и даже лишаются жизни коммунистической партией, имеющей в своих руках государственную власть.

Собрание выражает самый резкий протест против этого варварского образа действий русского советского правительства. Его приемы и методы деспотизма и тираннии — тем отвратительнее, что они исходят от правительства, именующего себя «рабочим» и «коммунистическим» и выставляющего себя в глазах революционного пролетариата всех стран авангардом социальной революции.

В виду 1-го мая, — мирового исторического праздника пролетариата, — собрание требует у русского правительства освобождения многочисленных жертв его неистовых преследований и предоставления полной свободы

устной и печатной пропаганды представителям всех социально-революционных течений, равно как неприкосновенности их жизни и свободы.

Преследуемым и осужденным товарищам, томящимся в тюрьмах центральной России, в концлагерях ледяного Севера и в гибельных по климату местах ссылки, собрание шлет свое глубочайшее сочувствие и дает обет вести энергичную борьбу за их освобождение. Берлин, 24-го апреля 1924 г.».

Подобные же резолюции были вынесены рабочими Парижа и других городов. И они лучше всего много говорят о решительном переломе в отношении международного пролетариата к большевизму и его кровавой шестилетней практике.

Но не будем, однако, обманываться и думать, что поднятый голос международного пролетариата сразу заставит кремлевских диктаторов отказаться от политики крови и насилия и принудит их открыть двери коммунистической каторги, на которой гибнут лучшие борцы за свободу и равенство трудящихся. Кровавые драконы, укрепившиеся в Кремле, считаются теперь, подобно своим предшественникам, не с голосом международного пролетариата, а только с голосом международной буржуазии. Для них важны не воля и желание масс труда, а исключительно то, признает ли европейская и американская буржуазия их равноправными членами своей — капиталистической — семьи и даст ли она им денег на дальнейшее развитие и укрепление комдееспотии. На это не должно закрывать глаз и строить себе лишних иллюзий.

Но протесты международного пролетариата имеют огромное моральное и политическое значение. Они определенно и твердо намечают в среде этого пролетариата линию противобольшевистского фронта. Этим самым рабочие Европы и Америки предохраняются от повторения гибельного опыта с «диктатурой пролетариата» большевиков. Трудящиеся же России эти протесты помогут выравнивать линию строгой классово-социальной борьбы за их полное освобождение.

Обязанность наша, анархистов, — еще более вскрыть противоречия между господской эксплуататорской сущностью большевизма и интересами трудящихся; усилить и организовать начинающуюся в международном масштабе войну труда с коммунистической деспотией.

П. А.

ГЕРМАНИЯ

Общее положение.

Наше последнее сообщение относилось еще ко времени инфляции и валютной катастрофы. С тех пор экономическая жизнь Германии сделалась несколько устойчивее и спокойнее. Падение марки приостановилось.

Теперь нам становится ясным значение мировых событий, ареной которых являлась Германия.

Инфляция, вызванная капиталами Антанты, сыгравши на-руку спекулянтам и ростовщикам в их темных делишках, дала, с другой стороны, возможность немецким эксплуататорам понизить заработную плату до половинной расценки мирного времени, уничтожив при этом 8-ми часовой рабочий день. В настоящий момент положение рабочего немного улучшилось, но оно никоим образом не сравнимо с условиями труда и жизни рабочего в 1914 году. Безработица несколько уменьшилась, что на первый взгляд должно означать начало восстановления хозяйственной жизни страны; но напрасно некоторые тешат себя этими иллюзиями при настоящем курсе руководителей мировой экономической политики. Когда репарационная комиссия, при содействии немецкой буржуазии, — ибо без этого содействия она не может придти к какому-либо результату, — придет к окончательному соглашению, тогда мировая эксплуатация германского пролетариата будет на известное время обеспечена. Вся цепь событий, разыгравшихся начиная с 1919 года, не-

уклонно вела к объединению всемирного капитала и превращению Германии в его колонию; русская война явилась заключительным аккордом, где Германия играла траги-комическую роль.

Немецкий рабочий класс до сих пор не осознал еще своей трагической роли, — об этом достаточно позаботились политиканы всяких оттенков. Внутренняя политика немецких партий является незначительным фактором перед лицом мировой силы объединенного капитала, по крайней мере в том смысле, что даже будучи выбраны в парламент, партии не представляют собою никакой опасности для эксплуататоров, а в избирательной шумихе истощаются последние силы рабочего движения.

Утешительно одно: в происходящей сейчас выборной кампании имеются довольно значительные элементы, ведущие со всей доступной им энергией пропаганду против выборов в парламент. Впервые в Германии раздается пропаганда, имеющая своей целью отвлечь рабочих от выборов, направив их энергию в сторону революционной классовой борьбы.

Результаты происходящих сейчас выборов, в связи с размерами сознательного бойкота их рабочими, окончательно покажут нам, на что можно рассчитывать в ближайшем будущем, и возможны ли в настоящее время серьезные успехи революционного рабочего движения в Германии.

Р. Б.

ФРАНЦИЯ

Унехи анархического движения.

За последние месяцы ряд событий привлек здесь к анархизму внимание, интерес и даже симпатии довольно значительных кругов населения. В связи с этим расширилась сфера влияния анархических идей и дан был толчок росту анархической пропаганды.

События, приведшие к такому результату, были следующие:

Прежде всего, смерть юного анархиста Филиппа Додэ — сына вождя монархической партии Леона Додэ. Мы собирались посвятить этой необычной смерти подробную корреспонденцию; но с тех пор прошло уже несколько месяцев, событие стало широко и хорошо из-

вестным, и нет поэтому надобности долго останавливаться на нем. Отметим одно: за последнее время почти окончательно установлено, что Филипп Додэ не сам покончил с собой, — как предполагалось первоначально, — но был убит полицейскими сыщиками, явившимися с целью арестовать его по доносу провокатора, посвященного в намерение Филиппа совершить террористический акт. Хотя полиция и судебные власти, по понятным причинам, до сих пор уклоняются от следствия по этому делу, но имеющиеся данные вполне подтверждают такую версию. Не исключена возможность, что дело это дойдет, все-таки, до судебного про-

цесса, и что тогда окончательно выяснятся остающиеся до сих пор загадочными моменты этой смерти.

Смерть Филиппа Додэ и все окружающие ее обстоятельства вызвали во Франции большое возбуждение и привлекли к анархическому миру внимание слесей, до тех пор совершенно не интересовавшихся им. Монархисты с ожесточением напали на анархистов. Леон Додэ — отец погибшего юноши — повел бешеную кампанию против «убийц его сына» (анархистов), не останавливаясь ни перед какой клеветой и угрожая расправой. Разоблачения анархической прессы («Le Libérateur») и поединки между нею и «L'Action Française» (орган Л. Додэ) захватили общественное внимание и дал анархистам неожиданную возможность тотчас превратить свою газету из еженедельной в ежедневную. С тех пор, смерть Филиппа Додэ и острая борьба между приспешниками монархизма и анархистами не перестают занимать общественное внимание во Франции. На почве этой борьбы разыгрался уже ряд новых инцидентов, из которых последний, только-что происшедший, снова вызвал большое возбуждение: после многократных угрожающих писем, получавшихся многими активными анархистами, один из последних, Анри Фор, — толстолец и противник всякого насилия, — подвергся в ночь на 22 апреля нападению нескольких монархистов и был последними тяжело ранен. Лишь по случайности он оказался не убит. Все эти события продолжают расширять круг лиц, вовлекаемых в сферу анархических идей.

Тем временем, в Париже имел место процесс молодой анархистки Жерманы Бертон, убившей, еще задолго до смерти Филиппа Додэ, одного из ближайших приспешников Леона Додэ — Плато. Ж. Бертон была судом оправдана, и процесс этот также приковывал в течение долгого времени именно к анархистам внимание широких масс, — тем более, что Ф. Додэ погиб как-раз незадолго до процесса, и все эти отвлеченные события слились в одно трагическое и волнующее целое.

Еще одно событие наделало недавно большого шума: это — стрельба «коммунистов» (здесьших большевиков) по синдикалистам и анархистам на рабочем собрании в Доме Синдикатов. Разъяренные оппозицией синдикалистского и анархистского меньшинства, не желавшего идти на поводу у коммунистической партии, члены последней вступили с первыми в драку и, в конце концов, открыли по ним стрельбу из револьверов. В результате стрельбы оказалось несколько убитых и раненых.

Необходимо также учесть внимание, вызываемое в широких кругах неустанной кампанией

против преследований революционеров коммунистическим правительством в России. Кампания эта энергично ведется во Франции Объединенным Комитетом всех левых организаций. Анархисты принимают в ней активное участие. Они ведут систематическую кампанию в своей ежедневной газете и этим также приковывают к себе всеобщее внимание.

На почве всех этих и некоторых менее крупных событий и явлений, анархическое движение во Франции сейчас переживает период подъема и оживления. Растут анархические организации, растет анархическая пресса. «Le Libérateur» выходит ежедневно уже в течение четырех слишком месяцев, и хотя существование его в виде ежедневника нельзя еще считать вполне обеспеченным, однако, имеются шансы на то, что газета прочно станет на ноги. Кроме этого ежедневника, выходит еженесячный журнал («La Revue Anarchiste»), двух-недельник «L'en dehors» (индивидуалистич. направления) и недавно стал выходить новый двух-недельник — «L'Idée Anarchiste». Издаются также многочисленные брошюры и книги. Ширится и устная пропаганда. Совершаются регулярные объезды широкой провинции в целях анархической пропаганды, и т. д.

Небезинтересно отметить, что, рядом с этим оживлением анархического движения, последнее обнаруживает ясную тенденцию к объединению, к большей связности и организованности, чем это было до сих пор. Так, «Le Libérateur», являющийся по существу органом анархического коммунизма, называет себя просто анархической газетой, помещает статьи авторов анархистов различного направления (между прочим, и индивидуалистов) и относится с живой симпатией к синдикалистскому движению, которому газета уделяет немало места. «La Revue Anarchiste» и «L'Idée Anarchiste» прямо заявляют себя органами широкой анархической дискуссии, а не узко-«фракционными» изданиями. Такое явление заслуживает нашего внимания и всеобщего одобрения. Будем надеяться, что стремление к организованности будет нарастать во французском анархическом движении и приведет к еще большей его сплоченности, а следовательно и к дальнейшим успехам.

В заключение упомянем о том, что во Франции сейчас происходит (как и в Германии) новые выборы в Палату Депутатов, и что, — в противоположность Германии, — здесь ожидается левый состав парламента. Имеются крупные надежды на победу так-наз. «левого блока».

ИТАЛИЯ

Активная общественная работа анархистов в Италии все еще невозможна. Но престарелый Малатеста не опускает рук. Он издает в Риме, начиная с января месяца, весьма интересный двух-недельный журнал — «Pensiero e Volontà» («Мысль и Воля»). В журнале обсуждаются все теоретические вопросы анархизма. Он построен на началах свободной дискуссии и преследует цели широкого революционного просвещения. Главные сотрудники — Л. Фабри, К. Бернери, К. Моласки и др.

Гонения и всяческие преследования со стороны фашистов, конечно, не прекращаются. Но

они не в силах помешать печатной пропаганде, которая продолжает развиваться, — хотя, конечно, в меньших размерах, чем прежде.

Только под большевистской диктатурой голос анархистов совершенно заглушен! Примодеривера в Испании и Муссолини в Италии, при всей их власти и яко-бы силе, вынуждены терпеть — первый ежедневную «Solidaridad Obrera» («Рабочая Солидарность») в Барселоне, второй — «Мысль и Волю» в Риме.

Итак, анархическое движение в Италии медленно оправляется от разгрома и продолжает дело, возложенное на него волею истории.

Д. С.

ИСПАНИЯ

Рабочее движение здесь идет своим путем, несмотря на военную диктатуру. Его нельзя убить.

Анархическое движение, как таковое, также живет и продолжает быть силой, которую не удастся растоптать военным салогом.

Сейчас по всей стране ведется анархистами широкая и энергичная агитация против осуждения на смертную казнь анархиста-поэта тов. Ашер. Спасти его — вот главная задача дня. Кампания против его убийства ведется и в других странах, — глав. обр., во Франции.

Конечно, преследования и трагические случаи с преданными движению, активными товарищами не прекращаются. Таких товарищей всячески стараются обезвредить и, по возможности, навсегда изъять из движения. Как я уже

писал в прошлый раз, делается это, главным образом, при помощи «судебных процессов», широко инсценируемых по всей стране и выносящих чудовищные приговоры за «политические преступления».

Вот еще пример (кроме дела Ашер). Старый анархический деятель, доктор Педро Валлина, член комитета Национальной Конфедерации Труда, после трех-месячного заключения приговорен, вместе со всеми членами комитета, к ссылке в Африку. Его санатория в Севилье конфискуется.

Тем не менее, наше движение отстояло свою прессу. «Solidaridad Obrera» («Рабочая Солидарность») продолжает выходить ежедневно в Барселоне. Отметим, между прочим, что газета печатает сейчас фельетоном брошюру «Гонения на анархизм в советской России».

С.

ПОРТУГАЛИЯ

Анархическое и синдикалистское движение.

Анархическое движение в Португалии за последнее время сильно развилось. Португальский Анархический Союз был представлен на только что состоявшемся съезде 29-ю группами. Издается еженедельник («Коммуна»), хорошо поставленный; а в ближайшем времени намечается выход и ежемесячного журнала. Издательская группа «A Sementeira» выпускает в свет ряд пропагандистских брошюр, расходящихся в большом количестве.

Синдикалистское движение, тесно примыкающее к анархической идеологии, здесь также весьма сильно.

Всеобщая Конфедерация Труда насчитывает 120.000 членов. Вопрос об Интернационале (Москва или Берлин?) вызвал, правда, на некоторое время состояние кризиса. Но Конфедерация очень быстро справилась с ним и в этом году решительно примкнула к М. Т. Р. (Берлину). В. К. Т. считается ныне сильнейшей организацией в Португалии.

В Португалии имеется сейчас, кроме того, 26 групп синдикалистской молодежи, образующих федерацию с 4.500—5.000 членов. Идеологическая ориентация федерации — анархическая. За последние годы она стоит в авангарде ре-

волюционного движения страны и поэтому активно и безостановочно преследуется правительством. Но, несмотря на постоянные аресты, избиения, разгромы и даже, зачастую, убийства товарищей, молодежь бодро продолжает вести неустанную и очень успешную пропаганду.

Экономическое положение пролетариата Португалии — очень неважное. Положение это, к тому же, ухудшается с каждым днем и теперь становится прямо бедственным вследствие дороговизны продуктов, низкого заработка и все растущей денежной спекуляции.

Некоторые политики масти Муссолини и Ривера делали попытки ввести в стране диктатуру, но свободнический характер португальского народа аннулировал все эти попытки.

Федерация синдикалистской молодежи Португалии хочет вступить в тесные сношения со всеми революционными организациями мира. Для этой цели ею рассылается специальный информационный ежемесячный бюллетень. Федерация настоятельно просит все революционные организации присылать ей свои издания: книги, брошюры, журналы и пр.

Адрес федерации синдик. молодежи: Fernando de Almeida Marques, rua de Palmeira 46—1º, Lissabon, Portugal.

Адрес Анархического Союза Португалии: José Pires de Matos, travessa Agua de Flor 16—1º, Lissabon, Portugal.

М. и С.

А Р Г Е Н Т И Н А

Рост анархического движения.

Интенсивный рост анархического движения, — пропаганды и борьбы, — отмеченный мною уже в прошлый раз, не прекращается, несмотря на все преследования и даже на некоторые неблагоприятные события внутри самого движения. Дело в том, что после выстрелов, имевших место на одном рабочем собрании, полиция, воспользовавшись поводом, арестовала до 70 товарищей. Однако, все арестованные тотчас объявили голодовку, и на 6-ой день, — как раз в день, когда должна была начаться всеобщая стачка солидарности, — все были освобождены.

В провинции происходят непрерывные движения масс. Издаются и широко распространяются многочисленные газеты анархической пропаганды. Ведется массовая работа.

В самом Буэнос - Айресе намереваются поставить на ноги вторую ежедневную газету. Еще

в 1909 г. здесь выходили две ежедневных анархических газеты: одна утром — «La Protesta», другая вечером — «La Batalla». Теперь выходит ежедневно только «La Protesta» (с большим еженедельным иллюстрированным приложением). Еженедельная же «La Antorcha» («Факел») именно и собирается стать вторым ежедневником. Если это намерение осуществится, то мы будем иметь в Буэнос - Айресе две ежедневных газеты и большое число еженедельных и других изданий.

Арг.

КУБА

В Гаване — столице Кубы — анархическая пропаганда быстро развивается. Начал регулярно выходить еженедельник «Accion Libertaria» («Анархическое действие»).

СОЕД. ШТАТЫ

Общий очерк.

Америка — страна всех возможностей.

Война, разрушившая устои Европы, выдвинула Америку далеко вперед не только в материальном отношении. Есть основание предполагать, что Соед. Штаты — накануне занятия первого места и в научно - культурной области.

Мне думается, при этом, что и в Америке имеются крупные предпосылки для быстрого развития идеи безвластия или анархизма.

Если сильное развитие капитализма и повлекло за собою ограничение тех вольностей, которые были завоеваны первыми пришельцами и искателями большей свободы, то население все же гордится и дорожит этим преимуществом. На почве свободы слова и печати одержано уже не мало частных побед над местной плутократией.

До сего времени Америка не выявила много оригинального в революционно - прогрессивном

отношении. Под словом революция английская литература прежде всего понимает политический переворот. Однако, указывая на быстроту современных перемен в индустрии, профессор Нириг, например, не без основания останавливается на совершающихся быстрых и глубоких общих изменениях во внешнем и внутреннем мире людей.

Профессор Нириг — несомненно самый талантливый из американских социалистов: замечательный оратор и маститый писатель. Его популярность не ослабела, несмотря на то, что он открыто выступает против недостатков марксизма. Он в настоящее время занимает близкую к синдикалистской позицию.

После войны и по ликвидации театрального успеха большевиков, профессор Нириг об'ехал большинство штатов и написал интересную статью о «младенчестве Америки». Он нашел, что Социалистическая Партия как бы под пол провалилась. «Коммунисты» подполья были им высмеяны, как «крысы, боящиеся света». Американская федерация труда, — констатирует он, — потеряла половину имевшихся у нее членов. Однако, упадка духа профессор нигде не заметил.

* * *

Рабочее движение Америки можно разбить на два лагеря.

Восточная часть, работающая в большинстве на фабриках, и западная, которая вечно перемещается с места на место, работая на полях, в лесах, на нефтяных промыслах и т. д. Оседлый рабочий востока и больших городов принадлежит в большинстве к Амер. Фед. Труда — этому рабочему тресту, из которого вербуются много мелких и крупных хозяев, и члены которого преследуют тактику узкую и чисто местную, ничего общего не имеющую с прогрессом, который коснулся бы широких масс Америки.

На западе создано движение, которое можно рассматривать как единственное движение, выросшее на чисто американской почве и имеющее все достоинства и недостатки молодой Америки. Сильно пострадав во время войны, эта организация все же заслужила уважение всех слоев населения за выдержанность в открытой и храброй борьбе с врагами. Я говорю об Индустриальных Рабочих Мира (I. W. W.), которые отнюдь не являются типичным «пролетариатом», в марксистском значении термина. Может-быть, они потому и поддают такие надежды, что еще не втянулись во чрево фабрик — этих чудовищных машин, создающих людей-автоматов, на которых легко выезжает диктатура лидеров.

Движение I. W. W. не создало чего-либо основательного в литературе, но оно дало первоначальное революционное образование миллионам рабочих, которые или пребывали в организации или же постоянно сталкивались с членами ее на работе. Место работы служит излюбленной ареной шумной агитации I. W. W. Своими победами на забастовках, в борьбе за свободу речи и т. д. I. W. W. заслужили с одной стороны весьма понятную ненависть хозяев, а с другой — симпатии широких рабочих масс.

Бунтарский дух этой организации поддерживается анархическим элементом, который находится и работает в ее рядах. Однако, редакционные коллеги и братья, исполняющая конторские работы, — если и не чистые марксисты, то во всяком случае люди с сильным марксистским уклоном.

За последнее время организация эта начала оправляться от своих потерь в борьбе против истеричной войны и от частичного разгрома большевиков. Оставив подполье, американские большевики стараются завоевать организации и все движение I. W. W. Есть основание думать, что они, таки, овладеют временно некоторыми центральными организациями. Но можно с уверенностью сказать, что они в свое время получат отпор от бунтарей-рядовых.

* * *

Картина современного социального положения Америки не будет полна, если не остановиться на положении фермеров. Как известно, земледельческий класс и до сего времени играет первенствующую роль во всех странах, и аграрные волнения равносильны колебанию фундамента.

Конкуренция между фермерами в Америке заставляет их покупать все более и более усовершенствованные машины. Эти машины изготовляются трестами и необычайно дороги. В результате — задолженность банкам. Одна половина фермеров арендует землю, а 90% другой половины заложили землю в банках. Таким образом, частная собственность на землю утеряла ныне свою прелесть. Всякие средства для облегчения положения фермеров, как напр. кооперация, не дают ожидаемых плодов. Благодаря частной собственности на землю, то подымающей, то понижающей аренду, то дающей возможность купить земли, то заставляющей вновь продать ее на выплату, — фермер обирается со всех сторон. Частная собственность оказалась тут заколдованным кругом, из которого нет выхода.

Отсутствие общинной жизни все сильнее чув-

ствуется в Америке. Сама жизнь подсказывает целесообразность и неизбежность коммунальных объединений. В этом отношении русский «мир» поистине является, по выражению К. Кочаровского, мало развитой формой высшего рода общественной организации (конечно, формой искаженной и отчасти развращенной под давлением враждебных сил в течение многих столетий).

Может-быть, путь к анархическому коммунизму, в широком смысле, лежит именно в направлении коммунизма. Пишущему эти строки кажется невероятным, чтобы синдикаты, члены которых подвержены постоянному влия-

нию рабских условий хозяйских мастерских, могли разрешить вопрос будущего производства. Более естественным кажется основоположение нового производства на новых общинных началах, на почве которых и должен совершиться переворот, — без боя или с боем, смотря по обстоятельствам.

Идею анархизма трудно вмести́ть в рамки того или другого «изма». — «Перспектива и метод, — по выражению Ницше, — «самые великие вещи». Не нуждается ли анархизм в новых методах и перспективах насаждения новой и вольной жизни?..

Нью-Йорк.

Ф. Кремер.

М Е К С И К А

Общее положение и Конгресс Ген. Конф. Труда.

После 12 дней напряженной работы под непрерывной угрозой разгрома и избиения, 26 декабря 1923 г. закончился 3-ий Национальный Конгресс Мексиканской Генеральной Конфедерации Труда. Человек в наше время привыкает к угрозам смерти, и потому делегаты, несмотря на тяжелые условия, работали бодро и дружно. Конгресс оказался самым плодотворным в истории мексиканского революционного движения. Многие давно наболевшие вопросы были обсуждены; обеспечены были меры для осуществления принятых решений.

На конгрессе присутствовал русский товарищ, вырвавшийся из когтей большевизма. В просторном и интересном докладе он дал отчет о положении русского рабочего, о «диктатуре пролетариата», тирании большевиков и т. д. Сознательное отношение делегатов и сплоченность нашего движения в Мексике произвели сильное впечатление на русского товарища.

Наиболее интересные вопросы, остановившие на себе внимание конгресса, были:

1) Организация женских групп.

Принимая во внимание, что человечество никогда не освободится, пока женщина еще остается под влиянием церкви и реакции, и что в борьбе рабочего класса за свое освобождение участие женщины необходимо, конгресс решает приложить все старания к усилению пропаганды среди женщин и к организации женских групп.

2) Синдикат учителей и новая школа.

Теперешние методы детского воспитания превращают душу ребенка в душу раба, и поэтому Генеральной Конфедерацией Труда органи-

зуются так-называемые рациональные школы Франсиско Ферреро. Таковые уже имеются во многих городах и пользуются большим успехом. Конгресс считает необходимым привлечь учителей и заинтересовать их идеей новой школы. Учитель в Мексике — такой же плохо оплачиваемый пролетарий, как и другие; но в отличие от других рабочих он имеет наихудшего хозяина — государство.

3) Крестьянские коммуны и коммунальные магазины.

Во многих областях, как напр. в Вера-Круз, Эль Мораль, Пуэбло, Тикскала и др., существуют общины и общинные магазины, основанные местными отделами Г. К. Т. и делающие большую полезную работу. Конгресс рекомендует продолжать и расширять эту работу.

4) Организация.

Когда влияние Г. К. Т. настолько увеличится, что охватит всю страну, она индустриально реорганизуется. Индустриальная организация объединяет уже теперь весь передовой городской пролетариат в его борьбе с капиталом. Крестьянство организуется по областям и уездам. Каждый уезд или область формирует свой синдикат и связывается с ближайшими городскими синдикатами для координации работы.

Еще много других вопросов были рассмотрены конгрессом, но они — чисто местного характера.

К концу конгресса прибыли сведения, что 7 товарищей расстреляны контр-революционными бандами де-ля-Гуэрты в гор. Вера-Круз.

* * *

Теперь — несколько слов о мексиканском крестьянине («пеоне»). Мексиканский крестьянин

на практике познал, что его участь не изменяется от перемены правительства. Президенты менялись, один сбрасывал другого, — для того, чтобы третий убил этого последнего и занял его место, и так без конца. Крестьянин же оставался крестьянином и козлом отпущения. Несмотря на то, что, благодаря бунтовскому духу и постоянной борьбе, ему удалось вырвать куски земли из когтей земельной буржуазии, — фактически он остался в тех же условиях, оказавшись без средств и без орудий для обработки своей земли. Крестьянин остался бедняком, несмотря на то, что он за последние 13 лет переменял 12 президентов. Но многие крестьяне поняли теперь, что правительства существуют только для того, чтобы охранять богатых, и что если Каранза и Обрегон дали крестьянам кой-какую землю, — т.-е., только утвердили уже свершившийся акт захвата земли крестьянами, то лишь для того, чтобы, жертвуя малым, спасти значительно большее: предотвратить опасность немедленного свержения капитализма. Так-называемые «аграрные законы» — такое же усыпительное средство, как и «рабочие законы»; те и другие существуют для того, чтобы рабочих и крестьян ждала с открытыми ртами манна, падающей с неба. Правительство, государства и всякие вообще власти, как бы они ни назывались, не могут быть друзьями трудящихся. Яркие-красные ли, подобно правительству Ленина, или же с шелковым цилиндром, подобно министрам Пуанкаре, — они всегда будут жестокими и тираническими. Различие только в том, что одни расстреливают с пением Интернационала, — чтобы обмануть дураков, — другие же поют патристическую Марсельезу. Это поняли уже многие рабочие и крестьяне; и поэтому не все трудящиеся в Мексике дают себя обманывать политическими махинациями и распрями.

Г. К. Т. держится в отдалении от грязного болота политиканства — к великому сожалению Моронеса (мексиканского Гомперса). Моронес гневается на Г. К. Т., так-как она не помогает ему и ему подобным захватить теплые местечки в правительстве. Эти господа распустили слухи, будто Г. К. Т. помогает Ля-Гузрта. Слухи эти были пущены с целью дать Обрегону повод для разгрома Г. К. Т. и избиению наших товарищей. Моронес и Ко. отлично знают, что после последних событий они недолго будут держать свою лавочку открытой. Рабочие их раскусили и не простят им их преступлений, не простят той сети лжи, посредством которой они заставили рабочих идти в армию, дабы использовать это для своих личных эгоистических целей.

Г. К. Т. публично заявила, что не принимает участия ни в каких политических распрях. От Г. К. Т. нельзя было и ожидать другого. Рабо-

чим в таких случаях только и остается, что послать всех политиканов с той и другой стороны в пренеподную.

В стране Запаты, в штате Морелос, крестьяне — совершенно независимо — стали на ту же точку зрения, что и Г. К. Т., только познергичней. Их ответом служили хорошие винчестеры (ружья), которыми они дали свободный пропуск на тот свет всем, мешавшим им жить, как они хотят. (До сих пор еще никто не мешал работе Г. К. Т.; но если таковое случится, то кое-что произойдет в старой стране ацтеков).

На-днях отряды «революционного» генерала Фигуэроа перешли границу штата Морелос, где спокойствие совершенно не нарушалось революцией, и где крестьяне спокойно обрабатывают уже давно ими захваченную землю. Отряды захватили скот и хлеб, принадлежавшие жителям пограничного округа. Немедленно же организовалась погоня из старых ветеранов Запаты, догнала бандитов, разбила их и отобрала назад скот и хлеб, в придачу захватив несколько ящиков аммуниции, ружья и пулеметы. По возвращении, бойцы снова застали у себя незваных гостей, — теперь уже с противоположной стороны: федеральные отряды, подобно своим предшественникам, только что ограбили население, и пустились, было, на-утек. Тогда снова старые ветераны Запаты, стекшиеся из более чем 20 городов, бросились за грабителями в погоню, разбили их, отобрали захваченное и возвратились, чтобы снова взяться за свои плуги и за свою мирную работу, готовые всегда, при первой же необходимости, с оружием в руках защитить свою свободу. В стране Запаты теперь нет ни одного помещика; все их поместья — в руках крестьян, как и фабрики, орудия и машины.

И во многих других местах мексиканской республики крестьяне готовы, подобно ветеранам Запаты, отстаивать свою самостоятельность с оружием в руках.

Город Мексико.

Энрике Флорес Магон.

Последние события.

Политическая революция последних месяцев, закончившаяся пока победой правительства, стоила жизни многим товарищам, убитым как солдатами правительства, так и землевладельцами, хотевшими с оружием в руках завоевать власть. Обе борющиеся стороны заявили, что они защищают интересы рабочих. Анархисты делали, конечно, все возможное, чтобы отвлечь широкие массы трудящихся от чисто политической борьбы. Именно за это они подвергались нападению с обеих сторон. Землевладель-

цами, руководившими «революцией», были убиты товарищи: Ока и Валлежо — члены рабочей федерации в Вера-Круз; Б. Гидальго, М. Мартинес, М. Ортега и К. Круз — секретари синдикатов в различных городах. Все они были убиты ночью, во время сна. Убиты также товарищи И. Карракас и А. Циснерос, преступление которых заключалось в пропаганде среди крестьян. В различных городах и местечках повешены или расстреляны товарищи — активные работники анархисты и синдикалисты: Р. Санчес, П. Пикета, Г. Лира, И. Кардель, Г. Галло, И. Клара, К. Цебаллос, И. Моралес и др.

Убийство т-ща И. Чавез вызвало всеобщую забастовку текстильных рабочих.

Текстильные рабочие являются, вообще, оп-

лотом анархизма в Мексике. В январе этого года, в ответ на первые провокационные призывы капиталистов, они решили взять фабрики в свои руки и кое-где приступили к делу. На этот раз, однако, капиталистам и правительству удалось всевозможными мерами и, главное, широкими обещаниями остановить движение. Как всегда, сильно мешает близкое соседство Соед. Штатов. Печатная пропаганда развивается все быстрее. Группа Р. Ф. Магон издала за последнее время 10 томов произведений Р. Магона (убитого в тюрьме, в Соед. Штатах). В городе Мексико выходит еженедельник «Humanidad» («Человечество», ан.-комм.) и др. менее регулярные издания. В Оризаба выходит еженедельник «El Rebelde» («Бунтарь»).

Д. С.

ИНДИЯ

Движение Ганди*).

Роль Ганди в индусском национальном движении большей частью плохо истолковывают. Верный смысл его идеи и значение его политической деятельности можно понять лишь после ознакомления с теми революционными силами, которые живут в индусском народе уже свыше ста лет и конечным продуктом которых является боевая доктрина «non coöperation» (отказ от какого бы то ни было участия в правительстве).

Политическая эволюция Индии под британским господством распадается на четыре периода. В первоначальной фазе борьбы — от начала XVIII до середины XIX в. — Индия представляла собою совокупность феодальных государств с примитивным хлебопашеством и с еще более примитивной индустрией. Введение английских высококвалифицированных методов производства вызвало настоящую индустриальную революцию, но в то же время завершило полное политическое и хозяйственное рабство страны. Великое восстание индусской феодальной аристократии (1857—58 г. г.) под лозунгом национальной независимости потерпело фиаско; оно помогло только расцвету великобританского мирового империализма. Британская буржуазия не замедлила использовать свою колоссальную победу, которая обеспечивала ей обладание неисчислимыми земельными богатствами и сырьем богатейшей страны мира. Англичане поступили вполне последовательно, и в промежуток времени от

1858 до 1881 г. им удалось совершенно обезоружить всю страну. Этот факт имеет громадное значение, так как только он объясняет практическое значение гандийской доктрины «non violence» (отказ от всякого насилия). После этого «умиротворения» Индии, английская буржуазия стремилась приобрести поддержку индусских князей и земельных магнатов. Англия нуждалась в податливой индусской буржуазии.

Лишь спустя некоторое время, под влиянием либерализма Гладстона, Брита и Кобдена, был основан индусский Национальный Конгресс. Большинство Конгресса, однако, было англофильским, и его тактика привела к усиленной деятельности тайных обществ.

Массовое восстание, инспирированное этими тайными обществами в начале европейской войны, потерпело неудачу. Под давлением военных событий наступило время более оппортунистической политической тактики.

В вопросе о том, насколько необходимо уступать Англии, — мнения делились. Это всего более проявилось в противоположности между двумя признанными вождями: Бал Гангудгар Тилака и Магатма Карамхад Ганди. Тилак был радикальной и в борьбе с английским правительством считал законными и допустимыми все без исключения средства. Ганди, наоборот, считал, что англичане удовлетворяются добровольными денежными взносами и поставкой солдат и предоставят Индии самоуправление («сварайна»).

Когда, по окончании войны, британский милитаризм отрекся от всех своих обещаний, данных им под давлением немецкого милитаризма; когда в 1919 году генерал Дуэр организовал знаменитую кровавую баню в Амритзаре, —

* Очерк этот, появившийся в немецком еженедельнике «Das Tagebuch», принадлежит перу одного из видных участников гандийского движения и потому заслуживает особого внимания.

тогда наивный Ганди пережил момент тяжкого разочарования. Перемена, происшедшая в нем, симптоматична как перемена настроения целого народа. Теперь не представляло больше особого труда — раздуть тлеющие искры в пламя революционного движения. Под предводительством Ганди в 1921/22 г. г. принимали впервые участие в борьбе сами массы.

Два различных средства борьбы представлялись индусским вождям. Можно было побудить индусов вступать массами в армию, полицию, гражданскую администрацию и пр. и таким путем организовать «национальную боевую силу» для вооруженного восстания. Или же — наоборот, приступить к полному бойкоту этих учреждений и найти иные пути для выражения воли народа к свободе. Ганди ухватился за эту последнюю тактику. Его пропаганда была направлена против самого существования индусского войска и полиции. Никакой индус не должен поступать на службу. То же самое — по отношению к гражданской администрации. Но самым сильным оружием было требование отказа от всех налогов.

Смысл тактики Ганди — в решительном отказе от средств насилия («non violence»). Эта теория была, несомненно, продумана, так как в вооруженной борьбе англичане неминуемо одержали бы верх над безоружным народом. Теория же безнасиельственного сопротивления превратилась в серьезное оружие в борьбе за свободу Индии.

Но это было только средство, а не программа. Здесь заключалась реальная слабость движения. Кроме того, Ганди не дооценил разнородность классовых интересов. Он верил в возможность объединения капиталистов и рабочих, браман и париев в одну мощную организацию во имя общих интересов. Когда он потребовал от высших классов отказа от британских чинов, то лишь немногие последовали его призыву. Такой же слабый успех имел, как и следовало предвидеть, его призыв к celibату (воздержанию от брака) — до тех пор, пока не будет проведена «сварайна» (самоуправление). Впрочем, за последние годы все чаще становятся случаи отказа адвокатов от своей практики, а также от всякой кандидатуры в законодательные учреждения.

После заключения Ганди в тюрьму, произошел раскол, который был неминуем.

Разногласие проявилось между так-наз. партией «сварайна», требовавшей овладения гомрулем (самоуправлением) через парламент, и партией Ганди, ставшей партией широких масс. К последней прикули: неимущая интеллигенция, малосостоятельные средние классы, нижнее чиновничество, рабочие и крестьяне, — все революционные слои народа.

Требования Ганди выражены в т. н. «программе восстановления». Один из пунктов этой программы носит специфически индусский характер: полотно ручного производства. Ортодоксальные марксисты часто глумились над этим «возвращением к примитивному веретелу в паш век машин». Но в Индии это требование носит особый и не устаревый характер. 85% населения Индии живут хлебопашеством. Однако, крестьянин работает на своем поле только пять месяцев в году; все остальное время он остается без работы. Сельско-хозяйственные рабочие направляются тогда в города, — работать на фабриках и заводах, и возвращаются в деревню только тогда, когда надо снимать урожай. Переполнение городов и скверные гигиенические условия жизни в них действуют деморализующе на население. Предложение дешевых рабочих рук, конечно, очень выгодно индусским капиталистам, которые, таким образом, сильно наживаются на движении «свадеси» (т. е. отказа от английских продуктов и предпочтения индусской мануфактуры). С другой же стороны, Англия экспортирует в Индию колоссальные количества сукон, которые конкурируют с сукном «свадеси». Ганди, призывая рабочих назад в деревни и села — работать самим над производством своих тканей, совершает известное социальное дело.

Движение Ганди, это — первая фаза социальной революции. В Индии существует тот же самый конфликт, что и в Европе: между парламентаризмом и анти-парламентаризмом, централизмом и федерализмом, государственным социализмом и анархо-синдикализмом. Но политические противоречия в Индии особенно ярки, и будущая политическая борьба примет несомненно ожесточенный и страстный характер.

Рам Празад Дубе.

Протест-опровержение*)

В № 48 «Волны» напечатана статья В. Худолея «О наших разногласиях (Письма из Москвы)».

Не входя здесь ни в какую полемику с автором по существу вопроса, мы считаем необходимым:

1) Решительно протестовать против такого рода «критики» в нашей печати. Статья, полная грубых ругательств и личных выпадов, не только не может содействовать выяснению истины, но лишь позорит нашу печать. До таких приемов полемики наша пресса, кажется, еще никогда не опускалась. Нас удивляет и огорчает, что серьезный анархический орган счел для себя возможным дать место такого рода «литературе».

2) Опровергнуть некоторые фактические извращения в статье.

1. Говоря о ренегатах в русском анархизме, автор утверждает, будто последние вышли исключительно из «анархо-синдикалистской» среды. Мы не намерены защищать здесь ту или иную фракцию анархизма. Но мы должны заметить, что целый ряд ренегатов русского анархизма вышли как-раз из его анти-синдикалистских течений — из фракций «безначальцев» и «чернознаменцев». Рабочий Альфа (Аникст-Гиттерман), Гейцман и другие ренегаты являлись пионерами русского «чернознаменства». И нынешние «анархисты-коммунисты» дали тоже ряд ренегатов: Ф. Александрович, А. Ге, Гордин и др. Если уж начать считаться ренегатами, то еще больший вопрос, которая из фракций анархизма дала их пропорционально больше. Но такой счет мы находим вообще совершенно нелепым, так-как он ровно ничего не может доказать.

2. Утверждение автора, будто в книге «Гонения на анархизм в советской России» умышленно мало приведено имен анархистов-коммунистов, не соответствует действительности.

*) Настоящее опровержение было послано в ред. «Волны», поместившую статью В. Худолея. К сожалению, ред. «В.» отказалась поместить опровержение. — (Ред.).

Из 181 имен, помещенных в книге, больше половины, — если не три четверти, — принадлежат а.-к. Большинство членов организации «Набат» были а.-к. Правда, они не выпячивали своих ярлыков, ибо стремились работать не в замкнутых фракционных кружках, а в более широких объединенных организациях, считая, что раздробленность и взаимная борьба в условиях революции являются преступлением перед анархизмом и трудящимися, и находя, что только общими объединенными усилиями анархисты смогут удержать позиции анархизма и отстоять интересы социальной революции.

Неверно также и то, будто «т. Волин не нашел нужным включить в этот список даже т. т. Эрманда и Хархардина, вместе с ним просидевших в Бутырской тюрьме несколько месяцев». — Во-первых, т. Волин не составлял списка. Каждый из авторов брошюры давал биографические сведения о тех товарищах, которых он лично более или менее хорошо знал, и, конечно, в тех пределах, в каких он этими сведениями обладал. Как-раз т. Волин знал лично, вообще, очень немногих товарищей, и подавляющее большинство биографических сведений даны были не им. — Во-вторых, по свидетельству т. Волина, он никогда ни с т. Эрмандом, ни с т. Хархардиным в Бутырской тюрьме не сидел. Он находился в Бутырской тюрьме от середины января по 26 апреля 1921 г. (3½ месяца). Занявшись там организацией тюремного университета и будучи членом анархического коллектива, он знал всех анархистов, сидевших в то время в Бутырской тюрьме. Он ни разу не встречал там ни т. Эрманда, ни т. Хархардина. — В-третьих, наконец, если бы даже он сидел одновременно с ними, то это еще ровно ничего не доказывало бы. Т. Хархардина Волин совершенно не знает и не мог дать о нем решительно никаких сведений. Т. Эрманда Волин знает очень мало по Америке. В России он встретил его всего один раз, мельком, и никаких биографических сведений о нем дать не мог бы, а все значение списка для зарубежных товарищей заключалось, конечно, не в самих по себе фамилиях, а именно в биографических сведениях. — От-

метим также, что список составлялся товарищами со всей возможной объективностью. Его естественные недочеты точно оговорены в предисловии. Если бы кто-нибудь из составителей брошюры знал биографические данные о т. т. Эрманде и Хархардине и знал бы, как они преследовались, то они, конечно, были бы внесены в список. И если т. т. Эрманд и Хархардин преследовались большевиками и сидели в тюрьмах, то, согласно сделанному в предисловии к брошюре предложению, они (или их товарищи) должны были бы прислать сведения о себе дополнительно (для последующих списков и изданий), а не прибегать к неверным и не-товарищеским выпадам.

3. В. Худолей утверждает, будто махновское движение представляет собою пример анархи-

ческого разрушения без всякого творческого содержания. Такое утверждение может быть объяснено лишь полным незнанием движения. Достаточно, хотя бы, прочесть главы IV и V книги «История махновского движения» П. Аршинова, чтобы видеть, что движение в своих основах представляло глубокий творческий порыв трудовых революционных масс, стремившихся построить жизнь на началах безвластия, равенства, независимости и свободного самоуправления трудящихся классов.

Май 1924 г.

Группа Русских Анархистов в
Германии.

К СВЕДЕНИЮ ОРГАНИЗАЦИЙ И ТОВАРИЩЕЙ

I.

Группа Русских Анархистов в Германии, — находя необходимым дело помощи заключенным анархистам осуществлять в анархических формах, т.е. вне соглашения с политическими государственно-партийными, — постановила отозвать своего представителя из объединенного с левыми эсерами и максималистами Комитета, дабы, совместно с другими анархическими организациями, образовать общий анархический комитет защиты заключенных в русских тюрьмах анархистов.

Всех сочувствующих делу организации Анархического Комитета Защиты просим откликнуться и принять участие в организуемом комитете.

II.

С некоторого времени в Берлине существует «социально-философский кружок», включающий в себя сторонников меньшевизма, право- и лево-эсеров и анархизма и занимающийся докладами и беседами на философские и политические темы.

Во избежание всяких недоразумений, могущих возникнуть на том основании, что членами кружка являются некоторые анархисты, вошедшие в кружок персонально, Группа Русских Анархистов в Германии заранее заявляет, что она не имела и не имеет никакого отношения к названному кружку.

Группа Русских Анархистов в
Германии.

ОТЧЕТ

Союза Объединенных Анархистов Сев. Ам. за полугодие с 1-го июля 1923 г. по 1-ое января 1924 г.

ПРИХОД

Дол. Сен.

Остаток на 1 июля	60.54
Выручено за журнал „А. В.“ №№ 1, 2, 3, 4	223.89
Членские добровольные взносы	20.—
Взято заимообразно на издание „А. В.“	135.—
От предприятий	74.53
По подписным листам 2-го выпуска	63.55
Выручено за книгу „Ис. М. Движен.“	33.50
На издание „А. В.“ от Союза Росс. Тружеников гор. Н. И.	40.—
Филадельфия	7.—
С собрания	15.—
Спе—ко	5.—
Га—ик	5.—
Яко—ев	5.—
Масли	1.—
Карло	4.—
Маня	7.—
Гов—люк	—50
Качинский	10.—
Неизвестный	—75
Родаит	5.—
Кон	3.—
М—ус	2.—
Беси	3.—
Кремер	5.—

Итого прихода 729.26

РАСХОД

Дол. Сен.

Выслано в Берлин за журнал „А. В.“ №№ 1, 2, 3, 4	223.89
туда же на издание „А. В.“ за книгу „Истор. Махн. Движ.“	421.11
Расходы по пересылке денег в Германию	30.—
Почтовые расходы	31.—
Конторские расходы	10.26
Итого расхода	10.—
Итого расхода	726.26

В кассе остается на 1-ое января 1924 г. 3.—

Комиссия:

Иван Са—п, Иван К—й, Степан Корсак.

ОТЧЕТ сбора по подписным листам 2-го выпуска, которых было выпущено 15.

№ 1	8.55
„ 2	8.—
„ 4	3.—
„ 5	1.—
„ 6	1.—
„ 10	14.—
„ 11	5.—
„ 12	5.50
„ 14	8.—
Поступил №12 первого выпуска	9.50

Итого собрано по листам 63.55

№ 7, 8, 9, 13, 15 а также возвращенный № 13 первого выпуска — пустые, № 3 не возвращен. Всем жертвователям приносим искреннюю благодарность.

Адрес для непосредственных сношений с союзом Об. Ан. Сев. Ам.:

Mr. J. Zaitzeff c/o Freie Arbeiter-Stimme
48, Canal Street New-York City, U.S.A.

Государственная
общественно-политическая
библиотека

ОТЧЕТ по изданию № 5—6 „Ан. В.“
(от 19 окт. 1923 г. по 1 янв. 1924 г.)

П Р И Х О Д

	Чеш. кроны	Швейц. франки	Болг. лвы	Доллары
Остаток кассы на 19-ое окт. 1923 г.	—	—	—	—
От Д—ва (Болг.) на журнал	—	—	100	—
Кар. (Болг.) за № 3-4 «Ан. В.»	—	—	25	—
Г. Се—ва (Болг.) за № 3-4 «Ан. В.»	—	—	50	—
Ян. (Герм.) подписка на 10 номеров и в фонд журн.	—	—	20	1
С. Р. Т. (Нью-Йорк) на журнал	—	—	—	40
С. О. А. С. А. на журнал и за прод. №№	—	—	—	130
продажи «Ист. махн. дв.»*)	—	—	30	—
Гр. Р. А. в П. за прод. литературу	—	20	50	—
Пет. (Болг.) за «А. В.»	—	—	—	6
Экспед. бюро за прод. №№ «А. В.»	—	—	—	9
Экспед. бюро за прод. «Ист. махн. дв.»*)	—	—	—	30
Гу—ва возврат долга	—	—	—	2
В. (заимообр.)	—	—	—	—
Павлюка (Ч.-С.) за литературу	40	—	—	—
С. О. А. С. А.	—	—	—	100
продажи «Ист. махн. дв.»*) (от «Ам. Изв.»)	—	—	—	50
Итого приход по 1-ое янв. 1924 г.	40	20	245	398

Р А С Х О Д

Уплатено в типографию	—	—	—	140
За негодностью к употребл. посланы в обмен и не возвращены	—	—	100	—
Экспедиция и переписка	20	—	—	40
Возврат долга Ф. М.	—	—	—	5
Переводы для журнала	—	—	—	17
Платные работники	—	—	—	123
Сотрудники	—	—	—	8
Займообразно Группе Р. А. в Г. на необходимые текущие расходы	—	—	40	63
Итого расход по 1-ое янв. 1924 г.	20	—	140	396
Остаток кассы на 1-ое янв. 1924 г.	20	20	105	2

*) Все выручаемые за книгу «История махновского движения» средства, от начала ее издания и продажи, поступают в полное распоряжение Группы на ее организационную работу (за исключением процента с выручки, удерживаемого продающими книгу Свєрено: Ф. Крауш. С. Горбунов).

ОТЧЕТ Группы Русск. Ан. в Германии
(от 1 окт. 1923 г. по 1 янв. 1924 г.)

П Р И Х О Д

	Швейц. франки	Доллары	Аргент. пезы	Болг. лвы	Австр. кроны	Немец. марки
Остаток кассы на 1-ое окт. 1923 г. *)	—	119*	—	5*)	165.000	119.068,—
За открытия	—	—	—	—	—	2.070.000,—
От А. Ф. за прод. литературу	—	—	—	—	—	1.500,—
„ эксп. бюро за прод. «Ист. махн. дв.» (Заприходованные журналом займообразно, согласно отч. по изд. № 3-4 «А. В.»)	—	7	50	—	—	—
От франц. тов-щей, в возмещение 20 долларов, выданных Группой в помощь т-щу Л. (Заприходованные журналом займообразно согласно отч. по изд. № 3-4 «А. В.»).	120	—	—	—	—	—
Займообразно из журн. фонда на необ. тек. расх.	—	63	—	—*)	—	—
Итого приход по 1-ое янв. 1924 г.	120	189	50	5	165.000	2.190.568,—

Р А С Х О Д

Помощь т-щу Л.	—	20	—	—	—	—
Займообр. журналу (см. отчет по изд. № 3-4)	120	7	50	—	—	—
Займообр. П. Ис—ву	—	—	—	5	—	—
Займообр. М. М—му	—	3	—	—	—	—
В счет перевода «Ист. махн. дв.» на фр. яз.	—	15	—	—	—	—
В счет перевода журнальных статей на фр. яз.	—	17	—	—	—	—
В счет перевода «Ист. махн. дв.» на немец. яз.	—	53	—	—	—	—
Переписка переводов на машинке	—	16	—	—	—	—
Пишущая машинка (половина стоимости)	—	10	—	—	—	—
Граница (Вр.)	—	1	—	—	—	—
На отезд т-щам С. и Г. Т.	—	11	—	—	—	—
Возврат долга Шимп.	—	15	—	—	—	—
Разное (кварт., переписка, разъезды, письмен. принадл. и пр.)	—	21	—	—	—	2.190.568,—
Итого расход по 1-ое янв. 1924 г.	120	189	50	5	—	2.190.568,—
Остаток кассы на 1-ое янв. 1924 г.	—	—	—	—	165.000	—

*) Примечание. — Из показанного в прошлом отчете остатка — 344 арг. пезы (115 долл.) и 490 болг. лев обменяны были для надобностей расхода на доллары. На доллары же были обменены 40 болг. лев, взытые займообразно из журнального фонда (490 лев + 40 лев = 530 лев = 4 долл., а всего 115 д. + 4 д. = 119 долл.). Свєрено: Ф. Крауш. С. Горбунов.

Примечание: Отчет по делу помощи махновцам не помещается в „Анарх. Вестнике“ — ввиду того, что отчет этот был напечатан в „Америк. Известиях“ в №№ 117—118.